НИКОЛАЙ ГАСФЕЛЬД

ПОЛ ВЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО ОФИЦЕРА ФРАНЦУЗСКОЙ СЛУЖБЫ

П А Р И Ж
1 9 5 0

НИКОЛАЙ ГАСФЕЛЬД

ПОЛ ВЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО ОФИЦЕРА
ФРАНЦУЗСКОЙ СЛУЖБЫ

П А Р И Ж
1 9 5 0

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Описываемые события захватывают конец XIX и первую половину XX вв. Начинаются записки с юношеских лет; последние прошли на окраине России, расположенной на перекрестке Европы и Азии.

Живописная страна, с ее этнографическим разнообразием, ярким солнцем и южным небом очаровывала путешественников и поэтов.

Казенное учебное заведение, в котором я воспитывался, было пропитано духом Делянова, министра народного просвещения Александра III. Среди педагогов преобладали Гоголевские типы; за нами следил дядька, малограмотный бородатый мужик, в высоких сапогах, с катузом на голове; помощники классных наставников проверяли по вечерам ученические квартиры; после 6 часов вечера выходить на улицу запрещалось. Директор реального училища — в синем фраке, с всклокоченными волосами, походил на стряпчего Александровской эпохи; его желчное, угрюмое лицо никогда не скрашивалось улыбкой.

Это училище, с его режимом и занятиями, тяготило меня. Преподаваемые в нем предметы меня не интересовали, на уроках я занимался чтением романов Золя, Прево, Мопассана.

Под впечатлением Достоевского, я стал проникаться меланхолией и скорбью о суетности мира. Окружающая

меня среда, мои товарищи, перестали меня интересовать. Я искал новых людей, похожих на героев Достоевского. Переодеваясь в статское платье, я посещал чайные и трактиры, прислушиваясь к разговорам простолюдин, заводил знакомства с молоканами, старообрядцами, скопцами и субботниками. Сосланные на Кавказ, они своими нравами и бытом вносили оригинальную окраску в эту и без того своеобразную страну. В читальне, по соседству с моей квартирой, я познакомился с новыми людьми, их было трое: в очках, широкополых шляпах, с дубинкой в руках, в изношенных костюмах, они показались мне нигилистами. Познакомившись ближе я узнал, что они бывшие семинаристы, сейчас они готовились на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет. Жили они на окрайне города, в убогой комнатке. Я у них часто бывал; своими беседами и нелегальными книгами они пытались сделать из меня революционера. Все трое были марксистами и принадлежали к тайному кружку. Их старания ни к чему не привели, так как я не интересовался вопросами политики и мысли мои витали в то время в заоблачных пространствах. Тем не менее, мы стали большими друзьями.

Однажды они предложили мне помочь им в занятиях по алгебре и геометрии. Я охотно согласился давать им уроки. Несмотря на мой отказ от вознаграждения, они настояли на своем, и положили мне за троих 15 руб. в месяц. Один из них зарабатывал корректурой в местной газете, другой давал уроки, а третий получал вспомоществование от служившего в том же городе брата, околодочного надзирателя. По окончании месяца они вручили мне 15 рублей. В тот же вечер я повел их на эти деньги в духан, где мы выпили несколько бутылок вина. Охмелев, я, несмотря на их отговоры, повел их в азиатский буфет пить зубровку и ликеры. Когда моя наличность была истрачена, мы отправились в азиатский квартал, на Майдан разыскивать околодочного надзирателя, брата одного из моих приятелей. Он повел нас в винный

погреб, где предупредительный хозяин, грузин, не ожидая заказа, поставил на стол глиняные кувшины с вином и тарелки с закусками. Возвращаясь поздно ночью домой, мы проходили мимо памятника Воронцову-Дашкову, бывшему наместнику Кавказа. Желая угодить моим приятелям, враждебно настроенным к представителям власти, я стал кулаком угрожать наместнику, называя его тираном. В сущности, это была клевета: почтенный наместник оставил по себе память гуманного правителя.

Они же ввели меня в кружок своих единомышленников революционеров, собиравшихся в убогой квартире на окраине города, принадлежавшей хмурой, с подстриженными волосами акушерке. Посетители, в большинстве еще молодые люди, неряшливо одетые, длинноволосые и в очках, попивая чай и дымя папиросами, с большим апломбом обсуждали рабочий вопрос, организацию пропаганды на местных заводах и способы борьбы с властью. Это были сосланные в административном порядке на Кавказ студенты, курсистки, учителя народных училищ. Были и местные железнодорожные служащие, несколько простых рабочих и один солдат. Они вели горячие споры, и, ни к чему не договорившись, поздно ночью, соблюдая конспирацию, по-одиночке расходились.

— Совсем, как в «Бесах», думал я, присматриваясь к этим хмурым людям и прислушиваясь к их страстной, гневной речи.

Однако, вопросы о переустройстве общества меня не увлекли и, вскоре, пресыщеный этими прениями и средой «нигилистов», я отошел от них.

Полюбив одиночество и уединение, я фланировал по туземным кварталам любимого города, созерцая эту пеструю толпу; покидая центральную часть столицы Закавказья, с его элегантными европейскими бульварами, вы попадали в Азию. На Майдане, населенном мусульма-

нами, жизнь протекала на улице. Здесь брили головы правоверным, тут же рядом стряпали шашлык и кебаб, торговали всяким товаром; лезгины отделывали серебряные кинжалы и кавказские пояса, портные, сапожники снимали мерку со своих клиентов и примеривали черкески и кафтаны. Завороченные в чадру татарки быстро проходили по запруженными народом тесным улицам; торговцы овощами, фруктами и сластями зазывали покупателей. Арбы, нагруженные бурдюками вина, с трудом протискивались сквозь эту разноязычную толпу. Из глубоких, темных подвалов пахло вином; тут же, на улице, сидя подобрав под себя ноги, персы распивали чай, турки — кофе, грузины — вино. Нищие и калеки на непонятном языке просили милостыню. Ослики и верблюды, нагруженные товаром, подгоняемые погонщиком, медленно продвигались вперед. Изредка, в этом лабиринте битком набитых улиц, деловито, торопясь, прошмыгнет грузинка или армянка в национальном костюме с вычурным убором на голове, называемом тасакрави.

Вот солдатский базар с русскими трактирами и чайными; из них доносятся русские народные песни и лихие марши заведенного органа. Лавки с красным товаром, поношенным платьем, лотки съестных припасов, к которым прицениваются покупатели в армяках и кафтанах. Отпущенные в город солдаты, жуя семечки, покуривая махорку, фланируют по мостовой. Этот базар — любимое место прогулок и развлечений солдат Тифлисского гарнизона. В хорошо пригнанных мундирах, с лихо одетыми на бекрень безкозырками, они имеют бравый вид и выправку старых солдат; здесь они продают старьевщикам ненужные вещи, обменивая их на ваксу, мыло, гребешки, а оставшиеся деньги пропивают в кабаке. Вот Кура, по обеим берегам которой расположилась пестрая, многоязычная столица Закавказья. С шумом и ревом плывут сердитые волны, словно торопясь скорее слиться с пучиной морской; с перекинутого через нее Воронцовского моста виднеется синева отдаленных гор, величест-

венный, гордый, покрытый снегом Казбек манит своей красотой. Так тянет в эту таинственную даль, в эти бесконечные горы; в их скалах рассеяны, словно орлиные гнезда, аулы Чечны, Кабарды, Сванетии.

**
*

Не сидится весной в городе, и в ожидании пасхального отпуска я отправляюсь в расположенный на вершины горы, Мцхетский монастырь...» где сливаяся шумят струи Арагвы и Куры». Одинокий монах, престарелый грузин любезно меня встречает и подчивает чуреком, сыром и вином.

Но вот, наконец, пасхальные каникулы. Я отправляюсь в Кутаис, столицу Имеретии, приглашенный туда друзьями моего отца.

Расположенный в долине Риона, утопающий в зелени город, кажется деревней после шумного Тифлиса. Лениво тянутся запряженные буйволами арбы, также лениво фланируют по улицам и бульварам одетые в черкески, вооруженные кинжалами имеретины. Изредка встречаются дамы в национальных костюмах. На улицах только и слышна грузинская речь. Множество погребов, откуда идет сильный запах имеретинских вин. В городском саду играет военный оркестр. Под его бодрящие звуки фланируют прибывшие в отпуск юнкера с местными гимназистками.

Я отправился к берегам Черного моря, в маленький портовый городок Поти; в нем нагружались иностранные пароходы кавказским марганцом из Чиатурских копей. Многочисленные кофейни на набережной переполнены праздной публикой, распивавшей турецкое кофе. Не переставая квакали лягушки. Воздух был пропитан запахом магнолий. Схватив свирепствующую в этом городе малярию, я, на турецкой фелюге отправился в Ново-Афонский монастырь, около Сухума. Приезжим разрешалось оставаться пять суток в стенах живописно рас-

положенного на морском побережьи, монастыря. Было множество паломников и паломниц со всех концов России. С котомками на спине они проходили пешком несколько сот верст, питаясь хлебом и чаем, пробиваясь подаянием. В этой толпе верующих были, конечно, и темные личности, бродяги. Так, однажды, возвращаясь с морского купанья, я увидел, что все вещи, вплоть до шинели, были украдены из моей кельи. Я остался без денег, которые хранились в саквояже. Монах, которому я поведал о происшедшем, грустно покачал головой, заметив, что этот «срам» часто бывает во время наплыва паломников.

Продав тут-же в монастыре мои часы и серебряный портсигар, оставшиеся на мне, я добрался до Сухума и палубным пассажиром отправился в Батум. На пароходе я встретил приятеля моего отца, начальника Кутаиского горного округа, с его сыном гимназистом. Я ему рассказал о случившейся краже и он, доплатив за билет, перевел меня в I-ый класс и, затем из Батума мы вместе прибыли в Кутаис. Я у него погостил, а затем, по его приглашению отправился с ним в горы, в Тквибульские каменноугольные копи, которые он, в качестве начальника горного округа ездил инспектировать. Я воображал, что увижу глубокие подземные шахты, галлереи и был удивлен, когда увидел, что уголь этот залегавший пластами на склонах гор, добывался ручными кирками. За нами ухаживали, щедро угощали, так как приезд начальника был большим событием для администрации копей.

***

После экзаменов и по получении аттестата об окончании полного курса, я отправился в Батум, сохранивший в то время еще турецкий облик. Круговым рейсом, на пароходе, я отправился в Одессу. Палуба, с расположившимися на ней, как у себя дома, пассажирами походила на восточный караван-сарай. Отпрыски народов и пле-

мен, населявших необъятную Русь, в национальных костюмах, положив под себя ковры и бурки, уютно устроились на чистой, как стол, палубе, распивая чай и благодушно болтая меж собой... Поодаль от сынов Востока, отдельной группой расположились русские мужички; они, попивая чай в прикуску, вели серьезный разговор о земле, о своих нуждах, о надежде лучше устроиться на новых местах.

Я решил уехать за границу. Как предлог я выставил желание закончить мое образование. Меня влекло во Францию, в Италию, но оказанное на меня давление и угрозы финансовых репрессий поставили меня в необходимость отправиться в Германию. В Берлине я поступил в университет, записавшись на философский факультет.

Несколько месяцев подряд я посещал лекции, занимался в библиотеке, после чего потерял всякий вкус к наукам и больше туда не заглядывал.

Вращался в многочисленной русской колонии, состоявшей из студентов и курсисток со всех концов России. Эта была симпатичная молодежь, много читавшая, еще больше занимавшаяся политикой. Большинство из них вынуждено было покинуть высшие учебные заведения России за участие в студенческих беспорядках. Кроме столовки и библиотеки, где они собирались, они устраивали общие собрания, на которых обсуждали судьбу России. Надо отдать должное их любви к народу, их добрым порывам. Я охотно посещал наши вечеринки с танцами и благотворительным буфетом. Оживление, товарищеский дух этих вечеринок, длившихся всю ночь, были увлекательны.

Моими лучшими друзьяси стали двое коллег. Один медик, другой юрист. Интересные, образованные, они напоминали типы вечных студентов. Оба они вдвое старше меня, были горькими пьяницами. Медик жил со своей супругой в скромной гостиннице, у него мы проводили дни и ночи, распивая коньяк. Задушевные бесе-

ды прерывались малороссийскими песнями, исполняемыми хохлушкой, супругой медика.

Юрист, петербуржец, внук великого драматического актера Самойлова и сын известной московской артистки, унаследовал талант своих предков: он, когда был в ударе, декламировал монологи Бориса Годунова, Ивана Грозного, Короля Лира. Долгие годы проживая в Берлине, он упорно не поддавался влиянию Запада, сохранив российскую самобытность во всем, вплоть до внешности. В красной косоворотке, не признавая воротников и галстухов, в широкополой черной шляпе, с толстой палкой в руках, он невольно выделялся от других.

Много лет спустя, по пути из Парижа в Персию, остановившись в Питере, я разыскал моего приятеля, служившего чиновником в государственном контроле. Сильно постаревший, он жаловался на печень и ревматизм. Пить он больше не был в состоянии и вскоре я узнал, что его перевезли в больницу.

***

Столица Германской Империи конца XIX века несомненно производила впечатление. Победоносные войны 1866 и 1870 годов, расцвет промышленности и торговли, материалное благополучие населения придавали столице маленькой Пруссии характер и престиж мирового центра.

Аллея лип, примыкающий к ней Тиргартен, аристократические кварталы Зоологического сада и Бельвю, образцовый порядок, чистота и опрятность, производили впечатление. Омнибусы с империалами, городские железные дороги, кареты и коляски имели щегольской, свежий вид.

По просторным широким улицам, под барабанный бой и звуки флейт парадировали, отбивая такт, прусские войска, в синих, хорошо пригнанных, мундирах, с остроконечными касками на голове.

В большой, открытой коляске, в кирасирской форме, без конвоя совершал обычную прогулку император Вильгельм. Высокомерные прусские офицеры, затянутые в мундир, с высокими воротниками, в сверкающих касках, с моноклем в глазу, имели вид богов, только что сошедших с Олимпа.

По ночам столица молодой империи принимала греховный вид: по главным улицам фланировали проститутки; в ярко-освещенных кафе, переполненных дамами полусвета, под звуки румынского оркестра немцы предавались веселью; ночные кафе-шантаны, кабаре, танцовальные залы работали во всю — они закрывались только с наступлением дня.

Чем продолжительнее становилось мое пребывание в этой стране, тем сильнее становилось желание вернуться в Россию: чуждыми казались мне эти люди, их быт и нравы, — никогда мне не привыкнуть к этой стране.

— Почему не лежит у меня душа к народу, давшему столько мыслителей, поэтов, музыкантов? — спрашивал я себя.

— Нет у них души, нет порыва, нет приветливой улыбки, обаяния итальянцев, французов, — думал я, вспоминая свое кратковременное пребывание в этих странах. Как безвкусно одеты эти миловидные, стройные женщины, эти толстые, налитые пивом, с бритыми головами мужчины, как они вульгарны, когда, подвыпив, предаются веселью. Все больше отдаляясь от этой среды, я уходил в русскую колонию, где находил задушевность, уют и привет.

НАЗАД В РОССИЮ

Узнав из русских газет об экспедиции наших войск в Манчжурию против хунхузов, я сложил свои пожитки и отправился в Россию. Я списался со много старшим меня приятелем, военным врачом и ординатором Уяздовского

госпиталя в Варшаве. Наведши нужные справки, он ответил, что желание служить на Дальнем Востоке вполне осуществимо и предложил приехать и остановиться у него.

— Все готово, никаких затруднений не будет, но ты не торопись, погости у меня некоторое время, познакомишься у меня с хорошенькими женщинами.

Холостой, гостеприимный, он принимал у себя много народу, в особенности дам. Одна из них, красивая полька, драматическая артистка пленила мое сердце. Я ей искренно увлекся и роман этот, тянувшийся более двух месяцев, отдалил мои мысли от хунхузов.

Под конец, убедившись в непреклонности моего решения, он отправился со мной к воинскому начальнику. Просмотрев мои документы он заявил:

— Как единственный сын, вы призыву не подлежите. Образовательный ценз дает вам паво избрать место службы и род оружия. В Манчжурии, кроме казаков, кавалерии не имеется; остаются конно-охотничьи команды Восточно-сибирских стрелковых полков. Эти команды стоят в отделе и участвуют в операциях.

Порывшис в лежащей на столе ведомости, он заявил:

— В Конно-охотничью команду 19-го Восточно-сибирского стрелкового полка; хорошая часть, стоит в Канюансяне, в Южной Манчжурии.

Позвав делопроизводителя, он приказал тут же снабдить меня бумагами и так называемым «предложением», для проезда по железной дороге до Иркутска.

— Вы явитесь к воинскому начальнику в Иркутске, который снабдит вас «предложением» до места стоянки вашего полка.

Поблагодарив его, мы с докотором отправились домой.

Сделав необходимые покупки, я через два дня отправился в путь. В дороге я познакомился с пожилых лет господином, отрекомендовавшимся отставным офицером. Распивая имевшийся у него в погребце коньяк, мы по-

дружились. Он убедил меня устроить привал в Калуге, его родном городе.

— Развлечемся, кутнем, а потом отправитесь в дальнейший путь. Я охотно согласился. Мы разошлись на вокзале, а вечером, по его приглашению, я отпарвился к нему в гости. В убого обставленной комнате я застал, кроме хозяина, несколько человек, распивавших водку, закусывая чайной колбасой.

— А вот вояка, — заорал хозяин, знакомя меня с присутствующими.

— Глаша, — подай сюда рюмку. И, когда косоглазая, растрепанная баба принесла стаканчик, он, налив водки, поднялся и сказал:

— Господа, за будущего фельдмаршала. Ура! Ну, давай, Коленька, поцелуемся, люблю таких ребят, ты совсем пистолет! Я таким же был в молодости.

Изрядно выпив, мы стали играть в девятый вал. Мы разошлись поздно ночью, так как обыгравший всех нас хромоногий, бородатый акцизный чиновник наотрез отказался продолжать игру на мелок.

ПО ПУТИ В СИБИРЬ

Проиграв в Калуге всю свою наличность, я приступил к распродаже имущества, включительно до чемоданов. Оставшись с скромным узелком, я почувствовал себя свободным от всяких уз. На заведенные деньги стал обходить трактиры этого провинциального города. Интересно было очутиться в обществе простолюдин; мне нравились эти бородатые великорусские лица, их образная речь и философия. Это были крестьяне из окрестных деревень, прибывшие в город с возами дров и провизией.

На дворянской половине трактира сидели купцы, отличавшиеся от мужиков только лучшим качеством поддевки; они пили водку, ели и запивали все это чаем с блюдечек, в прикуску.

Когда моя наличность пришла к концу, я решил отправиться в дальнейший путь. Публика, в ожидании поезда, развлекалась едой и чаепитием.

Раздался первый звонок, все поспешили к прибывшему из Москвы поезду. Я, на-легке, с узелком в руках, стал обходить вагоны второго класса. Зная гостеприимство путешествующих, я искал купе, где можно было рассчитывать на угощение и приятное общество. В большом четырехместном отделении, я заметил миловидную блондинку, лет тридцати на вид, двух маленьких мальчиков и молодого человека, которого безошибочно можно было принимать за иностранца. Спросив, свободна ли верхняя полка, я получил утвердительный ответ. Я не замедлил устроиться в этом купэ, где и многочисленные корзинки с провизией и большой дорожный чайник сулили обеспеченный стол в пути. Трудно найти более общительных людей, чем русские путешественники. Без всяких церемоний у нас завязалась оживленная беседа; с приближением на следующую станцию мы чувствовали себя, как старые знакомые. Моя попутчица возвращалась с детьми из Швейцарии, где она провела несколько месяцев.

Когда, под вечер, детей уложили спать, мы, покуривая папиросы, задушевно беседовали до глубокой ночи. Моя хорошенькая попутчица успела рассказать свое детство, свою девичью жизнь в Москве, свое увлечение студентом, снимавшим комнату в ее семье, за которого и вышла замуж в раннем возрасте; разумеется, как это бывает в большинстве случаев, она после замужества, в семейной жизни не нашла того, что ей чудилось в девичью пору; она делилась со мной своей неудовлетворенностью, жаловалась на однообразие жизни в малокультурном сибирском городе.

Но вот Самара. Надежда Васильевна повела свою

семью, пригласив и меня, — в вокзальный буфет похлебать горячих щей...

Громадный зал был переполнен путниками. В эту зимнюю пору на всех были меховые шубы; на многих были громоздкие сибирские дохи, шапки с наушниками и валенки. Это были пассажиры только что прибывшего Сибирского поезда, направлявшегося в Москву. Суета и оживление придавали этому караван-сараю особую прелесть...

Еще колоритнее был буфет 3-го класса, вплотную набитый мужиками, переселявшимися в Сибирь или возвращавшимися с далекой окраины.

Расположившись на полу со всеми своими пожитками, переселенцы, за чаем и черным хлебом, с любопытством расспрашивали «возвращенцев» о жизни на новых местах; странствующие монахи, бродяги с котомками на плечах, дополняли эту, обычную на больших вокзалах, картину.

Здоровый детина, саженного роста в ливрее с галунами, возвестил о первом звонке на Сибирь.

Окрик швейцара вызвал в моем воображении целый ряд романтических представлений, связанных с этой дальней страной.

Когда мы перевалили за Урал, Надежда Васильевна решила сделать привал в Челябинске.

Мы прибыли в Челябинск поздно ночью. Разместившись на санях, мы двинулись в город, отстоявший от вокзала на несколько верст. Стоял сильный мороз в эту ноябрьскую ночь. Мы погоняли наших извозчиков, требуя скорее довести нас до гостинницы. После продолжительной езды, показавшейся нам бесконечной, — сани остановились у деревянного, убогого на вид домика, оказавшегося местными номерами для приезжающих.

Извозщик стал дергать звонок у входной двери, на который, однако, никто не откликался; тогда он стал стучать кулаками в дверь все с тем же успехом.

— А нет-ли другой гостинницы по близости? — обратился я к извозчикам.

— Нетути, барин, это номера дворянские, окромя них есть только постоялые дворы. Вам они не гожи...

Наконец мы услышали шаги, увидели свет из окна, и дверь, обшитая войлоком и клеенкой чуточку приоткрылась. Осветив нас фонарем и, увидев извозчиков, окутанная с головы до ног женщина, пропустила нас в сени, затем отвела комнаты. Эти, выбеленные известкой номера, в которых, кроме железной кровати, жалкого стола и стульев ничего не было, показались нам раем. Из отдушин больших печей шло тепло, от которого стали отходить окоченелые от мороза конечности...

— Скорей самовар, хлеба, масла, яиц, — скомандовала моя милая попутчица. В то время как прислуга возилась с самоваром, в номер наш зашла хозяйка, полная и сердитая на вид женщина; ей понадобились наши паспорта и сведения откуда и куда мы едем; взглянув на швейцарца, она недоверчиво спросила не из немцев ли он и кем он нам приходится.

— Послушай, матушка, мы устали с дороги, оставь нас в покое, дай скорей поесть, выспаться, а затем мы тебе все расскажем, — обратился я к этой Челябинской мегере.

Она пробовала было настаивать, но мне удалось под-конец выпроводить ее.

После двух дней проведенных с Надеждой Васильевной в Челябинске, наступил час разлуки: она отправилась в Т., к своему мужу, а я остался один, в глухом городишке, от которого веяло уже Сибирью.

Я отправил телеграмму в Питер с просьбой выслать мне деньги и дать возможность продолжать путешествие...

В ожидании ответа я слонялся по городу, не представлявшему никакого интереса... На главной улице ко мне пристали два золоторотца. Отрекомендовавшись бывшими офицерами гвардейской кавалерии они просили мило-

стыни. В этот морозный день они были одеты в легкие пиджаки, в легкую изорванную обувь. С котомками на плечах, они дрожали от холода. Я предложил им зайти в трактир, на что они, конечно, охотно согласились. За водкой мы разговорились и я узнал, что они сосланы на поселение в Челябинск, и что, лишенные всех прав, не могут найти подходящей работы. Это были по всем видимостям, принадлежавшие когда то к обществу люди. Они сильно опустились, пробавляясь «стрельбой», т. е. прошением милостыни, которую немедленно пропивали в ближайшем кабаке.

Расставшись с этими бродягами, я отправился в свой номер. Отобедав у себя в комнате, я составил новую депешу, в более решительной форме просил выслать мне денег; позвав прислугу и объяснив мои затруднения, я поручил ей попросить у хозяйки взаймы денег и за одно отправить телеграмму.

Я совершил тактическую ошибку: денег не получил и подорвал свой кредит. На другое утро подали самовар, но, когда в обычный час, я потребовал обед, то горничная заявила, что хозяйка, мол, приказала «харчей больше не отпускать».

— Что-же я воздухом буду жить? Скажи этой ведьме, чтобы немедленно был обед, а то ни копейки не заплачу по счету.

— Да вы, барин, понапрасну ждете: ничего эта «Тигра» вам не отпустит. Сообразив, что в лице этой горничной я нашел союзницу, ненавидевшую хозяйку не меньше моего, я ласково с ней поговорил. Через четверть часа эта добрая душа, тайком от хозяйки, принесла мне горячие щи, котлеты и, по моей просьбе, маленький графинчик.

В номерах, кроме меня, проживали артисты бродячей труппы. По всему было заметно, что они очутились в положении немногим лучше моего. Прогорев в одном из Сибирских городов, труппа, по пути в Россию, застряла в Челябинске и раз в неделю давала спектакль в местном

купеческом собрании. Я познакомился с этими общительными людьми и спросил, нет ли у них свободного амплуа.

— А вы выступали когда-нибудь на сцене?

Я с апломбом заявил, что выступал много раз, играя роль героев, но, когда они стали допытываться подробности, фамилии антрепренера и режиссера, я скромно заметил, что выступал на любительских спектаклях драматического кружка в одном из городов России, что, впрочем, было правдой.

Мне повезло: один из артистов страдал запоем и сейчас находился в таком состоянии, что решено было заменить его. Это была выходная роль, надо было изобразить околодочного надзирателя и сказать несколько фраз. Все прошло благополучно и по окончании представления, всех нас, в том же собрании накормили ужином.

Однако, надо было думать о дальнейшем путешествии. Надо было скорей добраться до Красноярска, где у меня имелся приятель, известный в Сибири золотопромышленник Я-в. Дружеские отношения у меня с ним завязались за-границей; расставаясь со мной, он усердно приглашал меня в Сибирь, погостить у него. Сейчас представлялся случай исполнить его желание. Заранее радуясь встрече с моим приятелем, уверенный, к тому-же, что он охотно выручит меня, я отправился в дальнейший путь.

От станции Курган начинается Сибирь, поразившая меня своим простором, бесконечной тайгой, населением; на редких, в то время, станциях Великого Сибирского пути, толпился народ, казавшийся антиподом забитых российских мужичков. Это были в большинстве чалдоны, —так называют в Сибири крестьян, одетые в богатые дохи, войлочные валенки и меховые шапки с наушниками. Цветущий вид этих чалдонов, их энергичные манеры отражали сильный, независимый дух. Унаследовав от отцов

и дедов закал каторги и ссылки, эти отпрыски кандальников съумели покорить суровую тайгу.

Впоследствии, во время моих странствий по Сибири и службы в сибирских частях, мне приходилось соприкасаться ближе с этими людьми. Их отнюдь не смущало, что их отцы и деды попали в Сибирь по большой Владимирской дороге; мне казалось даже, что происхождение это создало своего рода esprit de corps и, что чалдоны,—коренные сибиряки, относятся с некоторым презрением к добровольным переселенцам из России.

ПРИВАЛ В КРАСНОЯРСКЕ

Поздно вечером я прибыл в Красноярск. Начальник станции, к которому я обратился с вопросом, не знает ли он золотопромышленников Яковлевых, почтительно ответил, что все в городе отлично знают этих видных и славных людей.

— Можете, если угодно, снестись с ними по телефону, пожалуйте в мой кабинет.

Мой приятель, Александр Яковлев, оказался дома. Обрадованный моим приездом, он предложил подождать несколько минут на вокзале. Через короткое время к станции подкатили сани, запряженные парой прекрасных лошадей; из них выскочил мой друг и сердечно обняв меня, спросил, где мой багаж.

Я его успокоил, что кроме узелка, на который указал, никаких чемоданов со мной нет.

Это было 6-го декабря, день Ангела его старшего брата Николая; по этому случаю дом был переполнен гостьми, сидевшими за огромным столом, уставленном явствами и бутылками. Народу было пропасть. Мне бросилась в глаза пестрота костюмов и разнообразие физиономий. Рядом с большой бородой в косоворотке, поддевке и высоких сапогах сидел с иголочки одетый, на английский лад, джентельмен; чиновники в вице-мундирах, военные

и тут-же простые чалдоны, прибывшие с приисков поздравить хозяина с днем Ангела. Мой друг Александр и старши брат его Николай — были одеты по европейски. Оба они получили образование в столицах, третий же брат, мужчина лет 35-ти, никогда не покидавший Сибири, был одет в синюю поддевку и высокие кожанные сапоги. Перед ним, так-же как перед другими гостьми, стоял большой пузатый графин, содержимое которого я, в первую минуту, в виду размеров, принял за простую воду, на самом деле это была водка.

Гости приходили и ночью; без церемоний наливали чай из шипящего самовара, на смену которому, как только он застывал, приносили свежий. Все время прислугой приносились свежие, теплые пирожки, пельмени, омулевая икра и водка. Во всем виден был широкий сибирский размах.

Огромных размеров столовая, громадный стол, подходящий к нему самовар, обилье еды и питья.

И так каждый день, каждую ночь...

Пребывание мое в Крансноярске было сплошным праздником. Каждый вечер пирушки, заканчивавшиеся с рассветом.

Дни проходили за днями. Я все больше входил во вкус этой жизни.

Город, с деревянными, незатейливыми постройками, с деревянными тротуарами и керосиновыми фонарями имел типичный для Сибири облик; он казался глухим и унылым, но когда вы вошли в его жизнь, когда вы сблизились с хлебосольными обитателями его, он становился притягательным и уютным.

Независимый, предприимчивый нрав сибиряков, их природный ум, и цельный, самобытный характер располагали к ним; казалось, что в жилах этих людей течет кровь Ермака.

Сами они называли себя российскими «американцами».

Романтизм, с которым связано завоевание и заселение этой страны, оставил в Сибири глубокие следы. Необыч-

ные люди, закованные в кандалы, с бритой, буйной головой месяцами шли по большой Владимирской дороге. Каким здоровьем, какою силой духа надо было обладать, чтобы выдержать путешествие, работу в рудниках и жизнь в каторжной тюрьме.

Нетрудно представить себе какой была каторга в более отдаленные времена, когда мы вспомним «Мертвый Дом».

Эпопея декабристов, их необычная судьба, придавали этой хмурой стране романтизм, пленявший воображение.

В почтенных семьях богатых сибиряков я встречал ссыльных; это были люди поскользнувшиеся на жизненном пути и совершившие ошибки. Отбыв наказание, они оставались доживать свой век в стране, где так великодушно относились к их прошлому; их радушно принимали; они пробавлялись скромным заработком в приисковых конторах. Это «человеколюбие» было свойственно не только интеллигентным слоям Сибири. Беглый каторжник без опаски останавливался на своем пути, в деревнях, где его кормили и оставляли на ночлег. Сибирские традиции не допускали отказа в приюте бродяге или беглому. В следовавших этапным порядком командах каторжных они видели «несчастных», которым выносили калачи и деньги.

Что же касается политических ссыльных, то они пользовались симпатиями и престижем среди всех классов населения, не исключая и чиновных людей, вверявших им воспитание своих детей.

Политические ссыльные, со времен Декабристов, и до начала XX в. оставили следы жизни в Сибири. Своим примером они смягчили нравы сибиряков.

Читателю не следует упускать из виду, что описываемые мною нравы касаются отдаленной от нас эпохи, первых годов XX века.

Отсрочка, данная мне, по просьбе Яковлева, Красноярским воинским начальником, приходила к концу; надо было отправляться в дальнейший путь.

**
*

Прибыв в Иркутск с грошами в кармане, я вынужден был, прежде всего, подумать о том, где склонить голову и как удовлетворить самые насущные потребности. Времени у меня было достаточно для этих дум, т. к., чтобы попасть с вокзала в город надо было ждать переправы через Ангару; это своеобразная река обладала на столько сильным и быстрым течением, что, несмотря на глубокую зиму и мороз, все еще не замерзала; в то же время громадные льдины, своим движением, делали переправу на пароме, по словам служащих, рискованной.

Вокзал превратился в бивуак; с терпением, присущим русским путешественникам, развлекавшимся разговором и бесконечным чаепитием, мы ждали переправы.

Чтобы разгрузить вокзал, на котором, с каждым поездом скоплялось много народу, — предложено было желающим, за свой страх и риск, воспользоваться паромом. Хотя мне некуда было особенно торопиться, но наскучив на этом импровизированном бивуаке, я отправился в лежавший по ту сторону Ангары — Иркутск.

**
*

Стоял сильный мороз. В легком для Сибири зимнем пальто, в котиковой шапке, я сновал по незнакомому городу, с любопытством всматриваясь в деревянные постройки, в закутанных в дохи прохожих, в манящие теплом трактиры...

Куда направить шаги? Конечно, я мог бы отправиться на пересыльный пункт для дальнейшего следования в часть, но это мне не улыбалось, да и торопиться было нечего: мне хотелось пожить и развлечься в этом большом сибирском городе.

Я вспомнил, что мой репетитор, в бытность мою в Т. реальном училище, ученик старшего класса того же училища, Петров, состоял на государственной службе в Ир-

кутске. Отправившись в адресный стол, я узнал, что он числится в Контроле Кругобайкальской жел. дороги. Не теряя времени я отправился туда, где и застал, на своем посту, моего бывшего учителя — сейчас чиновника, облеченного в форму своего ведомства. Сердечно встретив меня, он немедленно предложил остановиться у него. Тут же он мне сообщил, что, овдовев, бросил свой особняк, устроившись в меблированной квартире, хозяйка которой ведает всем хозяйством и смотрит за детьми.

Я, не колеблясь, принял его приглашение и вместе с ним отправился на квартиру.

За обедом нас кормили пельменями, которые мы запивали водкой. Меня удивило, что обед состоял исключительно из одних пельменей; впоследствии я узнал, что в Сибири обычай — раз к обеду пельмени, то больше ничего не дают.

**
*

Я отправился к местному воинскому начальнику. Представившись ему, я доложил полковнику, что следую в часть, расположенную в Маньчжурии, одиночным порядком, что «предложение» мне было выдано только до Иркутска, где, как мне было сообщено, мне будет выдано новое «предложение» для дальнейшего пути.

— Вы отправитесь с командой; от Иркутска в Манчьжурию одиночного порядка не полагается, — заявил он резко.

— Пользуясь правами образования первого разряда, я имею право следовать в часть одиночным порядком, а не с командой.

— Без возражений, а то сейчас же отправлю на этап, — заявил он, все больше повышая голос.

Видя, что нет возможности добиться от него толку, я, попросив разрешения уйти, покинул неприветливое управление. Выйдя на улицу, я заметил неподалеку штаб какой-то казачьей бригады. Я зашел в штаб, где

был весьма любезно принят казачьим офицером в чине эсаула. Я изложил ему мое дело, рассказав неприятную сцену у воинского начальника.

— Вполне вам сочувствую; воинский начальник человек грубый и у нас в Иркутске у него мало поклонников. Однако, штаб нашей бригады вам помочь не может. Вот, что вам следует сделать: отправьтесь к Иркутскому Генерал-Губернатору и изложите ему ваше дело; генерал добрейший человек, сумеет вам помочь.

Распрощавшись с эсаулом, я отправился в Канцелярию Генерал-Губернатора и Командующего войсками Иркутского военного округа.

Принял меня чиновник особых поручений, в вицмундире, которому я высказал желание лично представиться генералу; вкратце я рассказал ему в чем дело.

— Я сейчас доложу Его Высокопревосходительству, посидите здесь минуточку.

Погодя ко мне вышел среднего роста генерал, приветливо поздоровался и расспросил в чем дело.

Когда я кончил мой рассказ, он стал задавать мне вопросы.

— Почему вас назначили в такую даль? Вы вправе выбрать место службы и род оружия; в Маньчжурии служба тяжелая, войска все время на военном положении.

— Я сам выбрал эту даль, Ваше Высокопревосходительство, меня интересует эта страна и экспедици против хунхузов.

— Ну, ваше дело — раз вас привлекает Манчьжурия. Вы отправитесь в часть одиночным порядком, будет отдано об этом приказание. Подайте мне прошение.

Пожелав успеха в Манчьжурии, генерал оставил меня с чиновником особых поручений, которому я и вручил тут-же составленное прошение.

— Через два дня отправьтесь в Управление Воинского Начальника, где и получите «предложение» для следования в часть.

Подбодренный любезным приемом я отправился на

этапный пункт, где и расположился в ожидании «предложения».

Здесь я нашел большую и шумную компанию солдат, ожидавших отправки на Дальний Восток.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Получив «предложение» и порционные деньги, — я отправился в дальнейший путь.

Воинское «предложение» давало мне право следовать в 3-м классе. У меня не было средств для приобретения билета второго класса, как это было до Иркутска; я очутился среди чалдонов и нижних чинов, отправлявшихся в Зайбакалье.

Байкальское озеро в эту зимнюю пору покрылось толстым слоем льда. С шумом и невообразимым треском ледокол пробивал путь по дикому, воспетому сибирскими бродягами, озеру. Когда мы очутились на другом берегу и поезд катился по Забайкальской области, то чувствовалась уже оторванность от Европы, от России; путнику казалось, что он вступает в особый, хмурый мир, усеянный привидениями каторги и ссылки... Быть может воображение сгущало краски, но в Чите, столице Забайкалья, каждый встречный казался мне бывшим каторжником или ссыльным. Везде и всюду на вокзале, в трактире, в лавках и на базаре меня поражало разнообразие рас и народов; этнографическое разнообразие Российской Империи имело здесь своих представителей. Однако, каторга и ссылка наложили общую печать на грузина, татарина и еврея, на финна, поляка и киргиза. Продолжительные страдания, климат и среда затушевали национальные особенности и превратили их в хмурых, забывших улыбку людей.

Лютая, бесснежная зима Читы не смущала этих людей: целыми днями простаивали они у своих лотков на городском базаре.

В вагоне 3-го класса, в котором я продолжал путь по Забайкалью сидели солдаты сибирских частей; шла игра в девятый вал. Урядник Забайкальского казачьего войска, обратился ко мне:

— А ты, паря, что не играешь?

— Денег мало, ответил я развязному уряднику.

— Я в запас вышел, мне подстать твое вольное пальто и шапка. Продай.

— А я в чем останусь?

— Дам тебе мой полушубок, папаху, да еще 15 целковых взамен.

Предложение мне улыбнулось; я с удовольствием согласился на сделку: валеный романовский полушубок и военная папаха пришлись мне по мерке и казались подходящими для моего путешествия. Получив деньги, я принял участие в игре и учетверил мой капитал. Игра прекратилась и вся компания приступила к выпивке и пению заунывных сибирских песен. Песни сопровождались игрой на гармониках. Заунывные мотивы этих песен врезались мне в душу: грустные, тоскливые они, как нельзя более, подходили к этой хмурой стране.

МАНЬЧЖУРИЯ

На пограничной станции «Маньчжурия» кончалась необъятная Сибирь. Мы вступали в новый, неведомый нам доселе мир желтолицых, с черными косами существ, глинобитных деревень и местечек; последние казались муравейниками, кишащими чуждыми, непонятными нам людьми. Ходи — так звали солдаты китайцев — робко предлагали на станциях всякие сладости, любезно величая простых солдат «капитанами». В комфортабельном Пульмановском вагоне Восточно-Китайской жел. дороги мы продвигались по Маньчжурии; и самая дорога и прилегающая к ней полоса отчуждения охранялись русской пограничной стражей. Выстроенные русской властью в

китайском стиле станционные здания приятно выделялись на фоне глинобитых китайских мазанок с просаленной бумагой вместо стекол в оконных рамах. Построенные из камня казармы пограничников были расположены вдоль полотна железной дороги; это были посты стражи, отражавшей нападения на дорогу хун-хузов. В Харбине, рядом с китайским городом, с его драконами и разноцветными фонарями, вырос русский город, русская пристань на реке Сунгари. Военный поселок из деревянных бараков и сколоченные из теса постройки для вольных русских жителей; русские харчевни, постоялые дворы и гостинницы содержались почти исключительно кавказцами, прибывшими сюда издалека в погоне за быстрой наживой. Наскоро созданный русский город, его эфемерные постройки, разношерстность рас и племен придавали Харбину особый отпечаток большого караван-сарая. Без сожаления оставил я Харбин, направившись в дальнейший путь по южной ветке все той же Восточно-Китайской жел. дороги на станцию Каю-Ань. В 10 верстах от нее, в китайском местечке Каюаньсянь стоял 19-ый Вост. Сиб. Стр. полк. Я проезжал Мукден, Ляоян, не предполагая в то время, что через каких-нибудь полтора года нам придется сражаться у этих городов и что эти неведомые доселе имена станут достоянием истории.

Прибыв на эту станцию на вторые сутки, я застал здесь пост от моего будущего полка. Меня накормили обедом, затем на двуколке отправили в Каю-Ань. Мы въехали в город поздним вечером. Был китайский новый год; и лавки, и фанзы были ярко освещены разноцветными бумажными фонарями. Повсюду развевались бумажные драконы, город кишел китайцами; женщины в громадных головных уборах, с длинными трубками во рту, смешивались с толпой мужчин и маленьких китайчат. Курильни опиума и чайные были набиты народом. Меня удивила тишина, царившая на этих улицах, на которых сновала праздничная толпа. Необычная для меня картина китайского городка, его фанзы, драконы,

хмурые обитатели, разноцветные бумажные фонари казались чем-то сказочным.

ПРИБЫТИЕ В ПОЛК

Под этим впечатлением я въехал во двор казармы 19-го В. С. С. П., расположенного по ротно в китайских фанзах, приведенных войсками в кокетливый вид.

Невзирая на поздний час, меня повели к ротному командиру, капитану Гассе, который заявил мне, что конно-охотничья команда сейчас находится в экспедиции и, что, до ее возвращения, я буду числиться у него в роте. За отсутствием особого помещения, он прикажет поставить мне койку в помещении фельдфебеля.

— Отдохните с пути, а затем возьметесь за устав. Если вам что-нибудь понадобится, можете обращаться непосредственно ко мне.

На другой день меня повели к командиру полка, занимавшему отдельную фанзу на другом конце китайского местечка.

После нескольких приветливых слов, он подтвердил мне, что с возвращением с похода конно-охотничьей команды, перевод мой в эту часть состоится без замедления.

В тот же день в роту явился пожилой штаб-офицер, заведующий хозяйством полка подп. Коченгин. Вызвав меня, он предложил мне заниматься по всем предметам с его детьми.

— Я, заявил он, заручился согласием к-ра полка. Прошу вас завтра к нам обедать, познакомиться с семьей, — а там и приступите к занятиям. Могу вам предложить 15 руб. в месяц. Я охотно согласился. Это была милейшая семья сибиряков. Я занимался с двумя маленькими девочками и одним мальчиком, после чего меня оставляли обедать и чай пить.

Несколько дней спустя, ко мне обратился полковой

священник, отец Стефан Щербаковский с предложением обучать его французскому и немецкому языкам.

В доме о. Стефана, кроме обычных гостей, офицеров полка, неизменно бывал полковой врач, доктор М. Невзирая на его либеральные идеи, которых он не скрывал, офицеры очень любили этого врача и часто сходились у него. Матушка, страдавшая каким-то недугом, была его пациенткой и нашла в нем заботливого целителя, ставшего ее поклонником.

Кстати, тихий, скромный батюшка проявил необычайную силу духа год спустя, на поле битвы, во время войны с Японией. В Тюренченском бою, на реке Ялу, он, с крестом в руках, повел в аттаку части 11-го В. С. С. П.; прорвав японскую цепь, вывел полк, окруженный со всех сторон врагом. Спустя много лет, мне довелось встретиться с отцом Стефаном в Петербурге. Он проходил курс Духовной Академии. Он остался таким же скромным, несмотря на Георгия в петлице и заслуженную славу.

Но вернемся в китайский городок Каюань-сянь, где дни мои проходили в обучении строевому делу, в уроках и в гостях. Мне пришлась по вкусу гарнизонная жизнь в этой своеобразной стране. Сухая бесснежная зима южной Маньчжурии смягчалась ярким солнцем. Население внешне относилось почтительно к оккупационным войскам; поведение последних было безупречным. Трудно было, однако, проникнуть в душу чуждых нам желтых длиннокосых людей. Мало общительные хмурые китайцы, не выказывая вражды к белым пришельцам, в то же время не могли питать нежных чувств к ненавистной для них расе. Объяснялись они на выработанном войсками русско-китайском жаргоне, достаточном для обихода, для покупок, но слишком скудном для более обстоятельных объяснений.

Несмотря на трехлетнее пребывание в Маньчжурии, обитатели ее остались для меня неразгаданным сфинксом. Помимо полка, части которого были расквартиро-

ваны по фанзам, в нескольких кварталах Каюань-сяня, — в городе этом жило всего два европейца: французский миссионер со своей паствой перешедших в католичество китайцев, затем заведующий лавкой, столь распространенный на Востоке торговой фирмы Кунст и Альберс. Лавка эта была единственным местом, где можно было доставать предметы европейского обихода. Стоявший во главе ее приказчик, бойкий москвич, занимал привиллегированное положение в городе, где и офицеры, и их семьи постоянно нуждались в его услугах.

***

Кокетливая фанза, с большим чистеньким двором служила обителью гейш. Миловидные, в шелковых кимоно, японки чинно сидели на циновках вокруг низеньких столов, за чашками чая и с папиросой в зубах. Гейши — скромные, нежные и легко привязывающиеся существа, оставили во мне наилучшие воспоминания: чайный домик Каюань-Сяня — был единственным «салоном», в котором я имел возможность пофлиртовать. Казарменная жизнь протекала ровно и стройно, все в ней производилось по часам. Несмотря на это однообразие, я чувствовал себя великолепно в обществе сибирских солдат, полюбил их песни, игру на гармонике и пляски. Живя с фельдфебелем, я пользовался усиленным довольствием. Усиленное довольствие фельдфебелю освящено обычаем в войсках: лучшие куски из ротного котла доставались ему, кроме того, к нашему столу подавалась водка. Эти маленькие слабости «ротной аристократии» не поддаавались ни учету, ни контролю. Рядовому солдату в первые месяцы службы приходилось много терпеть от своего же брата, начальствующего нижнего чина. Последний, такой же серый мужик, взятый от сохи, отбыв курс в учебной команде, произведенный в унтер-офицеры, становился, в большинстве случаев, крутым начальником. Тяжело достававшиеся лычки он вымещал на своем же брате. Особенно доставалось новобранцам,

или, как их называли «серым»; за малейшую оплошность их заставляли делать «прыжки на месте» до тех пор, пока заливавшийся потом новобранец не падал от изнеможения. Это называлось «выгонять деревенскую мякину из серых чертей». Старослужащие, которых молодые называли дядьками, не обладая по уставу никакой властью, не отставали от унтеров. Эти крайности «обучения и воспитания» ускользали от зорких глаз офицеров; последние, в большинстве, относились сердечно к солдатам. Менее уравновешенные офицеры кричали, поругивались, угрожали наказаниями, но очень редко прибегали к взысканиям. Рукоприкладства, я, по крайней мере, ни разу не видал во время моего пребывания в войсках. Невольно напрашивается сравнение со службой во французской армии, где ни ругань, ни грубое обращение недопустимы, за то самый незначительный проступок не оставляется без взыскания. За провинность серьезную, хотя бы содеянную по легкомыслию, солдат предается военному суду.

Насколько в то время были еще грубы нравы в Сибирских войсках, можно судить по следующему случаю. Мы сидели с фельдфебелем в нашей комнате, мирно беседовали за бутылкой водки и пельменями. Это было наше обычное времяпрепровождение вечером, после ужина, когда жизнь казармы стихала и солдаты готовились ко сну. В это время дежурный унтер-офицер доложил, что только что прибыл из дисциплинарного баталиона рядовой Рюмин, назначенный в нашу роту. Фельдфебель пожелал его видеть. Привели здорового детину, которого пребывание в дисциплинарном баталионе, повидимому, и не исправило, и не смягчило. Фельдфебель был, что называется «под градусом» в этот вечер. Прием, оказанный Рюмину, нельзя было назвать радушным. На какое-то замечание фельдфебеля, он ответил дерзостью. Фельдфебель поднялся и, подойдя к нему вплотную, стал его бить по лицу. После этого Рюмина отвели в роту.

На меня эта сцена произвела удручающее впечатление. Подвыпивши, фельдфебель несомненно сам вызвал Рюмина на дерзость. Однако, этим дело не кончилось. На другой день фелдфебель доложил ротному командиру о дерзости Рюмина, умолчав, конечно, об обстоятельствах, вызвавших резкий ответ солдата. Рюмина, как состоявшего в разряде штрафованных, в тот же день подвергли телесному наказанию. Для этого весь полк был выстроен в карре. На середину вывели Рюмина, которому властью командира полка было нанесено 50 ударов розгами. Церемония, которой сопровождалось это наказание — очень тягостна. На солдат все эти процедуры не произвели особого впечатления. Следует заметить, что к телесному наказанию прибегали крайне редко: это блыл единственный случай за все время пребывания полка на Дальнем Востоке. Правда, и то, что виновник этой церемонии производил впечатление каторжника. Отправленный под конвоем, под арест, он цинично шутил с конвойными, хвастаясь, что с него это наказание, «как с гуся вода».

В УССУРИЙСКОМ КРАЕ

Совершенно неожиданно полк наш получил приказание покинуть Маньчжурию и отправиться в Уссурийский край, в станицу Иман. Это была прежняя штаб-квартира полка и его стоянка до оккупации Маньчжурии. Малонаселенный край напоминал Россию тем, что вместо китайцев он был населен выходцами из Сибири, называвшимися уссурийскими казаками. Это совсем еще молодое «казачество» мало походило на настоящих, исторических казаков Дона, Кубани, Терека и Урала. Занимались они всякого рода промыслами, были зажиточны и предприимчивы.

Весенняя пора скрашивала пребывание в этом меланхолическом крае.

Большим событием оказался приезд военного Министра, инспектировавшего войска Дальнего Востока. Это было в 1903-м году после эвакуации русскими войсками южной Маньчжурии.

Генерал Куропаткин, со своей свитой, в сопровождении местного начальства, произвел смотр полку. Он входил во все детали, внимательно осматривал казармы, присутствовал на занятиях беседовал с офицерами. После завтрака в Собрании, посетил офицерские квартиры, знакомился с семьями, расспрашивал про их житье на дальней окраине.

Военный Министр очаровал всех простотсой обращения и вниманием к скромной офицерской среде. В этот приезд генерала Куропаткина, никому не приходило в голову, что через каких нибудь полгода, мы увидим его вновь, в качестве Главнокомандующего маньчжурской армией против Японцев.

***

Начальник бригады ген. Алексеев, производивший инспекторский смотр полку, нашел, что давание уроков детям офицеров, участие в любительских спектаклях, шли в разрез с воинским уставом. Чтобы положить конец этим, незаконным, по его мнению, привиллегиям, он отдал приказ о переводе меня в 20-й В. С. С. П., стоявший в Северной Маньчжурии, в Цицикаре. Я был очень рад этой перемене, т. к. станица Имань мне порядочно надоела. Я отправился в Цицикар, сравнительно большой китайский город, показавшийся мне столицей в сравнении с Каюянь-сянем и станицей Имань.

Было лето; полк находился в лагере в нескольких верстах от города.

Мы вернулись на зимние квартиры в Цицикар; китайские фанзы превратились в русские казармы; китайские каны (нары), построенные из кирпича, — покрылись аккуратно сложенными принадлежностями солдат; вме-

сто туземного отопления канов внутренними трубами, в фанзах, начисто выбеленных, были выстроены русские печи; просаленная бумага окон — была заменена стеклами; иконы, с горевшими лампадами, царские портреты и патриотические картины придавали этим импровизированным казармам уютный, для чужбины, вид.

Солдаты коротали долгие зимние вечера у весело горевших печей, обмениваясь воспоминаниями о вольной жизни дома. Эти простодушные люди казались подчас взрослыми детьми. В большинстве неграмотные, они мало чем интересовались. Усвоив правила воинской службы — так называемую словесность которой их обучали унтера в течении 4-х месяцев, они, затем, почивали на лаврах этой премудрости. В ротной школе наиболее способных обучали грамоте, — этим исчерпывалось просвещение этих людей, проводивших на службе около 4-х лет. Они имели смутное понятие о своей необъятной стране, ее прошлом, их географические сведения не шли дальше родной губернии. Во время «словесности» им неустанно толковали о высоком звании солдата, но это была теория, а на практике это достоинство все время умалялось грубыми унтерами: ругань, зуботычины унтеров мало способствовали развитию в солдате чувства гордости своим воинским званием. Это обращение начальствующих нижних чинов с «серыми» ускользало от внимания офицеров. Никто, никогда не жаловался, а при опросе претензий солдаты оказывались всегда, всем довольными.

Офицеры, за весьма редкими исключениями, были отзывчивые к солдату люди; они старались внушить унтерам, что с солдатом следует обращаться по человечески, но их усилия оказывались бесплодными.

Незлобивость русского простолюдина поразительна: солдаты не роптали, не жаловались и только по вечерам, в заунывных песнях высказывали тоску по вольной жизни, по родному уюту и семье.

Строевые занятия, хозяйственные работы и наряды за-

полняли день солдата. С раннего утра, с пробудки и до вечера, по часам проходила жизнь. Строгое распределение дня, порядок и дисциплина несомненно имели благотворное влияние. Неуклюжие сибирские чалдоны становились вышколенными, гибкими солдатами. Несколько месяцев казарменной жизни делали их неузнаваемыми: «серый» новобранец усваивал осанку старослужащего. Обедали по отделениям, за общим баком щей с накрошеными там обрезками говядины. Вслед за отделенным начальником — унтером или ефрейтором, солдаты набирали щи широкими деревянными ложками, закусывая ломтями хлеба. Стук отделенного ложкой по баку являлся сигналом для вылавливания кусков мяса, плавающих в щах. Бывали случаи контрабандной ловли мяса, до сигнала, — тогда зорко следивший за баком унтер своей же мокрой от щей ложкой шлепал провинившегося по башке. При вечернем чаепитии начальство отсутствовало, тогда давалась воля прирожденной общительности, воспоминаниям о волной жизни: грамотные читали вслух письма с родины, заводились песни, играли на гармонии.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД ПРОТИВ ЯПОНЦЕВ

В последних числах января 1904 года мирная гарнизонная жизнь полка неожиданно нарушилась. Необычное оживление, кипучая работа и всеобщий подъем духа сменили налаженный спокойный темп жизни. Через сутки полк выступал в поход, на юг, против Японии, напавшей, без объявления войны, на русскую эскадру в Порт-Артуре. Всем нам казалось тогда, что война с Японией не представит больших трудностей, что поход в Японию — военная прогулка; нас удивило легкомыслие японцев. Открытые ими враждебные действия против великой страны казались безрассудством: маленькие, неуклюжие японцы, населявшие Маньчжурию, не внушали особого почтения, мы называли их макаками. В быстрой победе

над ними сомнений не было. С такими чувствами мы выступили в поход на юг, к берегам Корейского залива.

После продолжительных стоянок в деревнях южной Маньчжурии, мы неожиданно получили приказ форсированным маршем двинуться к Корейскому заливу. В воздухе чувствовалась весна, был март месяц. Мандаринскую дорогу, по которой мы двигались, походным порядком, заливали горные потоки. С трудом передвигая ноги по липкой грязи, солдаты в полном походном снаряжении вытаскивали на руках застревавшие в пути орудия. Под конец и артиллерия и обоз отстали и только конно-охотничья команда и две роты стрелков продолжали поход. Несмотря на распутицу, китайские арбы, нагруженные мукой, успешно следовали за нами; они нас выручали, когда мокрые и голодные, мы располагались в китайских фанзах на ночлег. Из муки на бобовом масле пеклись лепешки, их запивали тут же сваренным плиточным чаем. Поразительны выносливость и нетребовательность русского солдата: без горячей пищи, пробавляясь чаем, сухарями и лепешками, мы совершили тяжелый поход в сотни верст. Ни холодные дожди, в перемежку со снегом, ни ночевки в сырых холодных фанзах не подрывали духа войск.

Моя конно-охотничья команда и роты стрелков вступил в Дагушань, небольшое китайское местечко на берегу Корейского залива. В это время в самой Корее находился отряд генерала Мищенко, задача которого состояла в наблюдении за ожидавшейся высадкой японцев. Вскоре, из донесений, через посты летучей почты, мы узнали, что японцы совершили дессант в Корее, что Мищенко отходит из Кореи к берегам реки Ялу; в то же время на горизонте стали появляться японские военные суда, конвоирующие транспорты войск для высадки на нашем побережьи. Мы получили приказ эвакуировать Дагушан и оттойти назад, по маньчжурской дороге на соединение с частями 20-го В. С. С. П., расположенного на северо-запад от Дагушан, по направлению к Хайчену.

Это было в марте 1904 г., когда в Маньчжурию прибыл ген. Куропаткин, вступивший в командование Армией.

Главнокомандующим сухопутными и морскими силами на Д. Востоке состоял Наместник, адмирал Алексеев. Он покинул в самом начале военных действий Порт-Артур и обосновался в поезде, в Мукдене.

Штаб Куропаткина расположился в поезде в Ляояне.

Когда мы отходили от Дагушана, держа направление на северо-запад, японцы, высадившись в Корее, продолжали движение к берегам реки Ялу. Чтобы воспрепятствовать переправе, части 3-ей В. С. С. дивизии были двинуты на Ялу.

17-го и 18-го апреля завязался Тюренченский бой, в котором три полка этой дивизии сражались против значительно превосходивших их японцев; 11-ый Восточно-Сибирский Стрелковый Полк, окруженный со всех сторон врагом, прорвал железное кольцо японцев. Этот доблестный прорыв покрыл славой полкового священника о. Стефана Щербаковского. С крестом в руках он шел в аттаку с полком. Ценой больших потерь, русским войскам удалось выбраться и отойти с Ялу.

Японцы совершили переправу в конце апреля, после чего, вступив в Маньчжурию, стали осторожно и крайне медленно продвигаться на северо-запад.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Мы обжились на бивуаке в ожидании событий. Мы обрадовались, когда внезапно получили приказание выступить в поход. Поздно ночью мы остановились у гаоляного поля, и, не расседлывая коней, подремали несколько часов. С рассветом, со всеми предосторожностями боевой обстановки, двинулись дальше. Мы очутились в горах, покрытых свежей весенней растительностью,

освещенных ярким, утренним солнцем. Офицер генерального штаба, которому поручено было произвести глубокую разведку и установить связь с противником, приказал нам спешиться. Рассыпавшись цепью мы продвигались вперед по гористой местности. Стали раздаваться выстрелы, показались носилки с ранеными. Оказалось, справа и слева от нас, такую же разведку производили в пешем строю забайкальцы. Вскоре послышалось жужжанье пуль. На вершинах противулежащих сопок показались, казавшиеся миниатюрными, существа; они то появлялись, то исчезали. После нескольких перебежек приблизивших нас к противнику, мы ясно видели передвижение врага. Мы открыли огонь, продолжая перебежки. Дойдя, почти вплотную, к долине, отделявшей нас от сопки, занятой врагом, мы увидели, поразившую нас картину: весь склон горы, был облеплен, словно мухами, маленькими солдатиками. Осторожно пользуясь прикрытием кустарников, они продвигались вперед. Движение это сопровождалось стрельбой; после нескольких залпов, нам приказано было отходить — мы это исполнили весьма охотно, так как японцы ускорили движение; мы отходили отстреливаясь, чтобы замедлить их напор. Постепенно мы подошли к нашим коням и на рысях вернулись «домой», на прежний бивуак.

Но это была только разведка; спустя короткое время, нам довелось участвовать в настоящем деле, на Далинском перевале, на котором части нашей дивизии должны были сдерживать врага, продолжавшего продвигаться в северо-западном направлении, для захвата железной дороги, главной базы русской армии.

На высотах были расположены наши орудия; стрелки занимали сопки, составлявшие наш фронт; конно-охотничи команды стояли в резерве. Ждали японцев, медлительность которых интриговала.

Воздух огласился рвущейся шрапнелью, — наши орудия отвечали; послышалась пальба наших стрелков; эта музыка продолжалась несколько часов, после чего наши

орудия были сбиты японцами и мы получили приказ отходить. Все кончилось гораздо скорей, чем можно было предположить. Задача, поставленная нашим войскам, составлявшим 2-ой Сибирский Корпус ген. Засулича, заключалась лишь в том, чтобы задержать, как можно дольше на Далинском перевале армию ген. Куроки. В то время передавалось из уст в уста, что генеральное сражение будет дано японцам у Ляояна, который спешно укрепляется. Кроме того имелось в виду, как говорили, задерживать по мере сил наступление японцев, чтобы дать время Куропаткину привести армию в боевой порядок и стянуть прибывающие из России подкрепления.

Нам, конным охотникам, не довелось на этот раз даже повидать японцев: будучи в резерве, мы оказались лишь свидетелями артиллерийской пальбы. Пропустив отступающие части, их обозы, мы составили ариергард и двинулись, никем не преследуемые, по направлению к Хайчену, расположенному на южной ветке Восточно-Китайской жел. дороги. После ночевки в поле, мы под утро прибыли в Хайчен, где застали неожиданную для нас картину разрушения расположенных там интендантских складов и огнестрельных припасов. Последние взрывались саперами. Как это обычно бывает на войне, отступление было неожиданным и громадные запасы тыла армии, сосредоточенные в Хайчене, не удалось заблаговременно вывезти — они сейчас уничтожались, дабы не достались врагу. Хайчен, с его пылающими складами и взрывами патронов, с его покинутыми лазаретными палатками, отставшими от своих частей солдатами, производил в это раннее дождливое утро безотрадное впечатление. Озабоченные удовлетворить насущные потребности, мы разбрелись по этому царству разрушения в поисках всякого добра. С чутьем, присущим разведчикам, мы набрели на интендантские склады, которые не успели или забыли поджечь; наши кони ока-

зались навьюченными новыми сапогами, дождевыми накидками, бельем, мясными консервами, табаком, сахаром, ромом. Мы двинулись в дальнейший путь, продолжая оставаться в ариергарде действующих войск. Нейтральная» зона с пылающими складами, заревом пожаров отделяла нас от врага. Казалось непонятным, что японцы не пытаются, преследуя нас, использовать свою победу. Это дало нам возможность спокойно отходить с привалами, на которых мы готовили пищу и варили чай. В густой роще, привязав коней к деревьям, солдаты с поразительной быстротой раскладывали костры, над которыми подвешивались походные котелки с варившимся в них рисом и мясными консервами. Если по пути попадались китайские деревни, еще не опустошенные войсками, то скромный обед сдабривался поросенком и ханжином. Лошадям доставалась чумиза и гаоляновое зерно. Старые, изношенные потники из под седел, набивавшие лошадинные спины, заменялись новыми, шерстяными, в изобили находившимися в китайских фанзах; попадавшаяся на глаза чесунча шла на портянки; из длинных толстых табачных листьев делались цигарки. Сообразительный хозяйственный солдатик не упускал случая облегчить серую, походную жизнь. Солдаты не злоупотребляли беззащитностью населения: на глазах китайцев, привыкших к такого рода операциям, забиралось лишь самое необходимое для обихода; ценные вещи, деньги, если таковые и попадались на глаза, не трогались. С незлобивостью, присущей русскому солдату, шарили солдаты повсюду, хозяев не обижали, женщин не трогали; маленьких китайчат с тонкими косичками, ласкали и баловали сахаром.

Уходя, мы добродушно прощались с хозяевами, приятно озадаченными, что все обошлось благополучно, что ничего похожего на хунхузов в нас нет. — «Русски капитано шибко шанго», — льстили нам китайцы.

*
**

Мандаринская дорога, по которой отходили войска в это жаркое маньчжурское лето, покрывалась тучами непроницаемой пыли; нам, арьергарду, доставалось больше всего: эта тонкая пыль покрывала толстым слоем лицо, проникала в глаза, уши и рот, вызывая мучительную жажду; встречные колодцы и речки были буквально осушены прошедшими впереди войсками. Когда очередь доходила до нас, то нечем было напоить коней, негде было утолить жажду...

Кому довелось совершать походы в жарких странах, в летнюю пору, тот поймет наслаждение чаепития на привалах, в полдневный жар, в роще.

Отойдя в сторону от большой дороги, конные охотники, привязав лошадей к деревьям, в два счета разлагали костры из сухого гаоляна; повесив над ними котелки с водой, они варили в них отпускавшийся плиточный чай; в прикуску, поедая черные сухари, мы с упоением пили эту грязную бурду, казавшуюся нам прекрасным напитком. Напоив лошадей, мы продолжали следовать за главными силами.

Поздний августовский вечер. Войска располагаются бивуаком, развибаются палатки и коновязи; стучат топоры, вколачивают приколышки, слышится шумный говор многотысячной толпы, появляются костры; усталые, голодные сибирские стрелки оживленно хлопочут, предвкушая прелести ужина, отдыха и сна.

В это блаженное время в воздухе не реяли еще аэропланы; люди дрались, а затем отдыхали от боев, в открытом поле, не зарываясь как кроты, в подземелье.

Хороша картина большого военнго лагеря в долине и на скатах Маньчжурских сопок: звезды южного неба загадочно взирали на это море шатров, на эту военную толпу, с ее кострами, ее суетой; они словно прислушивались к чуждому говору, к стройным песням, впервые оглашавшим эти дальние места...

***

Наш полк расположился в Ай-Шанджане. Его обозы, застряв где-то в пути, солдаты оказались без сухарей; истощился неприкосновенный запас стрелков, хранившийся в вещевом мешке. Ближайший интендантский склад находился на станции Айсяндзянь, в 15 верстах от бивуака. Не было перевозочных средств, для посылки за сухарями на эту станцию. Командир полка предложил начальнику конно-охотничьей команды снарядить маленькую экспедицию из одного взвода, для поисков китайских арб. Эта миссия, постараться раздобыть перевозочные средства и привести из интендантсва сухари, была поручена мне.

— Очень мало надежды, что вам удастся найти у китайцев свободные арбы, — заметил начальник команды, — но командир полка приказал попытаться и разведать район, прилежащий к железной дороге.

Я подобрал бойких ребят и отправился в путь. Хотя мне очень хотелось исполнить поручение полка, всеми нами любимого, но, сделав верст 10 и не встретив ни одной повозки, я потерял всякую надежду; мысли мои были теперь направлены к тому, чтобы самому подкрепиться, накормить людей и лошадей. Небольшая китайская деревушка привлекла наше внимание; мы въехали во двор большой, на вид зажиточной фанзы, и, привязав лошадей, стали в ней хозяйничать. Китайцы с пугливой предупредительностью помогали нам готовить суп из поросят, послушно приносили воду и чумизу лошадям и только на требование достать ханжин, мрачно качали головой, давая понять, что это невозможно; мы настаивали; тогда они куда-то отправились и через некоторое время привели с собой сухопарого, словно высохшего старика, с небольшой косичкой и клинообразной бородкой — это был деревенский староста; мы дали ему понять, что ханжин должен быть немедленно доставлен. Через несколько минут у нас появилась бутылка этой отвратительной по запаху и жестокой по крепости рисовой водки. Набравшись свежих сил, мы отправились в даль-

нейший путь; не думая больше о цели нашей «экспедиции», я решил направиться к одной из станций железной дороги, на которых маркитанты торгуют разными продуктами. С небольшой возвышенности, по которой мы двигались, я заметил вдали арбяной транспорт. Мы направились туда рысью, настигли его и остановили: десяток пустых арб, которыми правили китайцы, блуждали в этих местах, в поисках дивизии, к которой он принадлежал. Запасный унтер, командовавший этим обозом, жалобно рассказывал, что вот уже вторые сутки, как он рыщет здесь и никто не в состоянии осведомить его, куда девалась его дивизия. Унтер-офицер и слышать не хотел предоставить нам свои арбы под сухари для полка. Никакие уговоры, обещания наградных не помогли. Пришлось прибегнуть к силе: мы пустили в ход нагайки и заставили китайцев направить арбы в интендантство, где и нагрузили их сухарями и овсом.

Дав отдохнуть лошадям, мы направились в расположенный по близости питательный пункт Красного Креста. Миловидная сестра наградила нас всяким добром. Мы сохранили консервы, шоколад, табак, банки с молоком; выданное нам белье и фуфайки променяли на станции у маркитанта на четверть водки, которую роспили в компании с плененным нами унтером. После нескольких чарок он пришел в такое неистовство, что хотел было сбросить с арб сухари и удрать во-свояси. Я с трудом его успокоил, указав, что взаимная выручка войск на походе оправдывает наш поступок, что, по прибытии в полк его вознаградят за содействие.

С большой радостью встретили стрелки наш обоз; они просили дать им тут-же несколько сухариков; пришлось, не дожидаясь дежурного офицера, опустошить несколько мешков.

Весть о нашем прибытии быстро пролетела по всему бивуаку. Позвавший меня к себе командир полка, узнав подробности захвата чужого обоза, одобрил мои дей-

ствия, успокоил запасного унтера, дал ему «на чай» и оправдывающую его отсутствие, записку.

На другой день, в приказе по полку, восхвалялось, «молодецкое» — исполнение данного мне поручения и мне была дана денежная награда.

ЛЯОЯНСКИЙ БОЙ

После продолжительного бездействия, 28-го августа 1904 г. японцы перешли в наступление. Начались бои, длившиеся целую неделю, приобревшие в истории известность Ляоянских боев. На этот раз японцы, не давая нам передышки, продолжали напирать и днем, и ночью. Войска отходили с боем, не оказывая особенно сильного сопротивления. Предполагалось, как говорили, заманить врага к фортам Ляояна, у которого и будет дано генеральное сражение. Армия была проникнута верой в неуязвимость укреплений, оборудованных вокруг этого китайского местечка. Долгие месяцы тысячи рабочих рыли здесь волчьи ямы с остроконечными кольями, целая сеть проволочных заграждений должна была преградить доступ к окопам и стенам Ляояна. Утверждали, что Куропаткин строил все расчеты успешного окончания кампании на этих укреплениях, которых «сам черт не возьмет». — Эта фраза приписывалась главнокомандующему.

Измотавшись от дневной жары и бессонных ночей, от настойчивого преследования врага, мы с тоской мечтали о Ляояне, где по нашему убеждению, должны были закончиться все мытарства. Когда с высоты сопок на горизонте показались стены Ляояна, то мы испытывали чувства крестоносцев, приближавшихся к Иерусалиму. Нас, конных охотников, то и дело кидали в разные стороны, и мы отдалялись от «обетованной земли». Особенно жутко было ночью, когда посылали в разъезд, в места, покрытые гаоляном. Это высокое густое растение

словно было создано для предательских засад. Эти гаоляновые поля могли скрывать целые роты врага и самый зоркий глаз не в состоянии был проникнуть в их молчалинвую тайну. Мы с облегчением вздыхали, когда выбирались благополучно из проклятой чащи на открытое место, где чувствовали себя вне опасности от неожиданных засад и ловушек. Эти гаоляновые завесы сильно затрудняли разведочную службу; непривычные к ним солдаты плохо ориентировались в них. Посланные в дозор, в разъезд, они зачастую давали ошибочные сведения о враге: сильный шелест высоких стеблей гаоляна они принимали за движение японцев и, опасаясь засады, спешно возвращались в пославшую их часть, давая ошибочные сведения о приближении врага.

Однажды, наша конно-охотничья команда, производя разведку в зоне, отделявшей противников, передвигалась по широкой долине, соблюдая обычные предосторожности; авангардный разъезд доносит начальнику команды о приближении нескольких эскадронов японцев. Не успел унтер-офицер закончить свой доклад, как стали прибывать боковые дозоры с такими же тревожными донесениями. Находившийся в ариергарде разъезд открыл противника в тылу — мы оказались, таким образом, окруженными со всех сторон врагом. Положение казалось безнадежным, оставалось только скомандовать: «на молитву, шапки долой». В это же время, с ближайшей к нам сопки, стал спускаться разъезд забайкальских казаков, принятый нашим дозорным за японцев. По проверке остальных донесений, такие-же «японцы» оказлись со всех сторон.

**
*

То, что казалось еще вчера невозможным стало сегодня действительностью: русские войска отходили от Ляояна, не использовав его укреплений, волчьих ям, проволочных заграждений, высоких стен города.

В образцовом порядке, выполняя приказ Главнокомандующего, войска переправились через реку Тай-дзы-хэ, оставляя без боя Ляоян. Осторожно, как всегда, словно нащупывая каждый шаг, неприятель продвигался вперед, преследуя нас крайне сдержанно, давая возможность отстреливаться и отходить. Конные охотники, находясь в арьергарде отступающих частей, были вновь свидетелями объятых пламенем интендантских складов, трескотни взрывающихся патронов.

Мы оставляли Ляоян в теплую сентябрьскую ночь; войска переходили реку Тай-дзы-хэ на понтонных мостах. Когда эта операция была кончена, мы двинулись в путь вдоль полотна железной дороги. Под утро мы оказались у Янтайских каменноугольных копей. Едва успев расположиться на отдых, мы получили приказание вернуться назад, к берегам Тай-дзы-хэ, переправиться вплавь на южный берег реки для поисков застрявшей там роты.

Миссия тяжелая для уставших, некормленных коней; сделав с десяток верст, мы наткнулись на эту затерянную роту, блуждавшую в гаоляновых полях в поисках своего полка.

Японцы вместо аттаки полевых укреплений Ляояна, стали напирать на левый фланг русского фронта, там где их меньше всего ожидали. 54-ая пехотная дивизия ген. Орлова, состоявшая из запасных, обросших бородами дядей, не выдержала натиска и отошла. Японцы стали обходить левый фланг. Движение это вызвало отход русской армии по всему фронту, отход, правда, с боем, отход спокойный, во время которого ни один раненый, ни одна двуколка не были оставлены неприятелю. Бои у Ляояна длившиеся с 28 авг. по 3 сент. 1904 года казались жестокими, кровополитными: 17 тысяч убитых и раненых с каждой стороны считалось в то время цифрой высокой в истории войн. 150 тысяч штыков и сабель насчитывалось у каждого противника на фронте в 50 верст. В сравнении с Великой войной

1914 г. вся Маньчжурская кампания кажется скромной военной экспедицией в смысле вооружения и потерь.

**
*

Армия заняла новые позиции у берегов реки Шахэ. Вслед за обычным в эту кампанию затишьем, непонятным со стороны противника, имевшего возможность использовать свой успех, русской армии улыбнулось военное счастье. Отбросив врага, наши войска одержали победу в первых числах октября 1904 года, вырвав у японцев важную командную сопку, получившую в честь начальника бригады, ее захватившей, название Путиловской. У этой сопки мы провели долгие месяцы в землянках. Полное затишье по всему фронту. Неудачи затяжной кампании и однообразие бивуачной жизни в зимнее время, нисколько не поколебали духа армии. В борьбе с лютым маньчжурским холодом и, за отсутствием топлива, — ломались китайские фанзы; бревна, двери, оконные рамы шли на растопку. Покинутые населением китайские деревни исчезали в пламени костров, вокруг которых грелись и чаевали бородатые сибирские стрелки.

Мукденский бой и отступление армии на Телин носили, как мне рассказывали, так как сам я не участвовал в этом бою, грустный характер. Эта несчастная битва, затем смена Куропаткина Линевичем, подорвали веру в победу, оставив всякие иллюзии относительно дальнейшей судьбы кампании. Всех занимал один лишь вопрос— конец этой затянувшейся войны и возвращение на Родину.

Морское сражение у Цусимы в мае 1905 года, поражение адмирала Рождественского, сдача без боя эскадры Небогатова, оказались фатальными для духа армии.

После Цусимской катастрофы ни у кого не было сомнения, что войне в Маньчжурии наступил конец.

Вспоминая сейчас, на расстоянии четверти века и

после опыта Великой войны, Маньчжурскую кампанию, я невольно поддаюсь грусти по исчезнувшей навсегда романтике войны. Бивуаки с горящими кострами, ночи под звездным небом, ночные разведки в сопках дальней экзотической страны. Войска, словно кочующий табор, со своим сложным хозяйством, со своими обозами передвигались походным порядком, разбивая на ночлег свои шатры на склонах гор, в живописных долинах.

Мы сражались в открытом поле, при свете солнечных лучей, при сиянии звезд, а не в подземельи из которого нельзя без опаски высунуть пальца.

Мы видели скошенного нашей пулей врага, его перебежки, его движения. Маньчжурская война, прослывшая столь кровопролитной, кажется сейчас военной забавой с его скромными цифрами убитых и раненых. Начав кампанию с армией в 60 тысяч штыков, Россия под самый конец войны сосредоточила в Маньчжурии полмиллиона людей. Скромные, ничтожные цифры, если вспомнить, что в Великую войну только из одной французской армии выбыло из строя 2 с половиною миллиона людей.

За небольшой промежуток в 10 лет боги войны стали так кровожадны, что понадобилось десять миллионов людей всевозможных рас и народов, чтобы удовлетворить этих «богов».

***

Японцы — ни разу на протяжении всей кампании не дали воли порыву. Они все время придерживались шаблона. За 20 месяцев войны было дано несколько крупных сражений, из которых самым продолжительным был Ляоянский бой. Долгие месяцы противники стояли в бездействии и нерешительности друг против друга. Русская армия ждала пополнений, продвигавшихся по одноколейной сибирской дороге; 8 тысяч верст отделяло русскую армию от Европейской России. Смелые кавалерийские рейды ген. Мищенко не в состоянии были спасти

армию от упадка духа, вызванного неудачами. Храбрые, хорошо обученные японские солдаты были достойным противником. Вожди их были учениками Запада, никогда не выходившими из рамок усвоенной ими рутины.

Мне удалось, не дожидаясь завершения мирных переговоров в Портсмуте и демобилизации армий, покинуть Маньчжурию. Это возвращение, с остановками в городах необъятной России, продолжалось долго. Торопиться мне было некуда, и я охотно останавливался в незнакомых мне городах.

В Петербурге, в Николаевском госпитале заседала приемная комиссия по освидетельствованию прибывающих с Дальнего Востока войск. Я был немало удивлен, когда узнал, что до заключения мира с Японией я буду числиться во временном отпуску; однако по существу, я был свободен располагать собой и, после недолгих размышлений, отправился в Варшаву.

Я решил обосноваться на некоторое время в этом городе, чтобы продолжать печатание романа в местной газете «Варшавский Дневник». Редактор Тимановский, статский генерал, бывший прокурор, был талантливым журналистом и любезным человеком. Послав ему первые главы романа из Иркутска, я получил от него извещение, что рукописи приняты к печати и что мне предлагается посылать продолжение романа. Последний захватывал маньчжурскую эпопею с ее походами и битвами. Это описание дальневосточной кампании было скрашено любовной интригой.

Прибыв в Варшаву ранним утром, я, погодя, первым делом направился в контору газеты и попросил выдать причитающийся мне гонорар. Меня расчитали по 5 коп. за строку, что, по тому времени считалось приличным вознаграждением.

На полученные несколько сот рублей я снял номер в гостиннице и обзавелся штатским платьем. На другой день я отправился с визитом к редактору. Курьер доло-

жил ему о моем прибытии, из полуоткрытой двери кабинета я услышал:

— Проси маньчжурского вояку.

Слегка приподнявшись из-за огромного письменного стола, заваленного рукописями и газетами, он указал мне на стул. Он предложил продолжать роман, не растягивая его чрезмерно, т. к., по его словам, интерес к войне начинает остывать.

В ответ на его комплименты, по адресу моего творчества, я попросил у него аванс в несколько сот рублей.

Мягко улыбнувшись, он заметил, что такого размера авансы он обычно не дает, но сделает на этот раз исключение, в виду моего возвращения из дальних стран.

Кокетливая жизнерадостная столица Польши, пришлась мне по вкусу. Большие, оживленные улицы, миловидные со вкусом одетые женщины, уютные кофейни, общительные, падкие до развлечений люди делали пребывание в этом городе привлекательным.

***

Приятная жизнь польской столицы стала омрачаться событиями, волна которых прокатывалась по необъятному простору Российской Империи.

Война, закончившаяся поражением, стала угрозой для режима. Разыгралась, так называемая первая русская революция. Волнения подлежащих демобилизации Маньчжурских армий, железнодорожные забастовки, республики в Сибири, бунты в столицах, увенчались Октябрьским манифестом и объявлением конституционных свобод. Однако, вырванные у слабеющей власти свободы оказались только прологом грозных событий, разыгравшихся в стране, с разношерстным составом народов и рас.

Вполне естественно, что Польша, одна из наиболее обиженных судьбой окраин, оказалась ареной революционных событий.

С объявлением Октябрьского манифеста, вожди революционных партий стали открыто призывать народ к восстанию. Демонстрации на улицах, эксцессы черни при растерянной власти. Ни в чем неповинные русские люди, офицеры и чиновники, подвергались оскорблениям, полиция не показвыала, что называется, носу; стачки, забастовки, закрытые магазины придали жизнерадостному городу мрачный вид; анархия, однако, продолжалась недолго. В Петербурге спохватились и дали соответствующие инструкции Варшавскому генерал-губернатору ген. Скалону.

В то время, как в России и Сибири, волнения приняли более серьезный характер, в Польше, в частности в Варшаве, им был положен быстрый конец. Было объявлено военное положение. По улицам скакали казачьи разъезды, патрули, подвергали прохожих обыску. Всякое скопление людей разгонялось нагайками казаков. На перекрестках стояли часовые.

Городская толпа не сразу освоилась с новым режимом; то и дело собирались кучки народа. Их немедленно аттаковала сотня казаков, люди в панике разбегались, из толпы доносились враждебные оклики: «черная сотня», «кацапы», «в Маньчжурию...» Полицейские участки, тюрьмы переполнились арестованными: одних отпускали, других отправляли в административном порядке в Сибирь.

Вскоре взбаламученное море успокоилось. Жизнь вошла в норму.

Стоявшие в Варшаве гвардейские части были вынуждены во время беспорядков выполнять полицейские функции. Надо отдать справедливость этим войскам, что обязанности эти они выполняли корректно. Население до революции 1905 года никакой враждебности к войскам не проявляло. Войска эти внушали к себе уважение. Особой популярностью пользовались уланы, форма которых напоминала полякам их славную конницу времен

независимости. Гродненские гусары, гвардейская артиллерия, лейб-гвардии Петербургский, Кексгольмский, Литовский и Волынский полки своими тратами содействовали благосостоянию города. Недолюбливали почему-то казаков, а после событий 1905 года в опалу попал и Волынский полк. Последний прослыл черносотенным, ему ставили в вину крутое отношение к населению во время беспорядков. Характерно, что тот же Волынский полк в революцию 1917 года, стоявший в Петербурге, проявил, наоборот, найбольшую левизну.

Поражение и последовавшие за ним события 1905 года вызвали движение среди серьезно настроенных офицеров русской армии. В крупных центрах стали возникать военные органы печати, в которых люди с именами, на основании опыта войны, требовали преобразований в войсках, в их подготовке к войне. Наиболее известным был «Военный Голос», выходивший в Петербурге; во главе его стоял поручик запаса В. К. Шнеур. Он съумел привлечь к работе в газете талантливых военных писателей, работавших до того в официальном «Русском Инвалиде» и в «Разведчике».

По примеру «Военного Голоса» в Варшаве группой гвардейских офицеров стал издаваться еженедельник «Офицерская Жизнь»; во главе его стоял полковник лейб-гвардии Петербургского полка А. М. Быков. Он был инициатором и создателем этого органа. Много усилий и дипломатического искусства пришлос ему применить, чтобы осуществить свою идею и убедить в полезности этого органа высшие военные власти. Последние недоверчиво относились к идее Быкова, усмотрев в ней чуть ли не возрождение декабристов. Оригинальной фигурой был этот гвардии полковник Быков. Ему разрешили брак с разведенной женой фельдфебеля своего же полка. Необыкновенный случай в русской императорской армии. Быков остался в полку, сумел всех примирить с этим «скандалом»; офицеры прикладывались к ручке недав-

ней фельфебельши, женщине простого круга. Обладая умом и чуткостью, эта симпатичная женщина держала себя с гораздо большим тактом, чем жена маршала Лефевра, приводившая в ужас сестер Наполеона. Высокого роста, сухопарый, с живым, располагающим к себе лицом, с шевелюрой седеющих волос, чуть-чуть сгорбленный стан, неизменный портфель под мышкой, нервная походка, рассеянность и задумчивость делали его мало похожим на батальонного командира. Его внешность, манеры, не нравились бригадному командиру из балтийских немцев. Генерал, с акцентом говоривший по-русски, не переваривал Быкова, находя, что это не гвардейский офицер, а архивариус. Быков привлек к участию в журнале многих офицеров генерального штаба и гвардии Варшавского военного округа, разделявших его взгляды. Опираясь на опыт последней войны, журнал проводил идеи о необходимости отрешиться от устаревших приемов муштровки солдат, от увлечения плац-парадной стороной, о разумной постановки обучения.

Я с радостью вспоминаю симпатичную среду ближайших сотрудников журнала, среду в которой жил около года в качестве секретаря редакции и ее постоянного сотрудника.

Основатель и душа журнала «Офицерская жизнь», полковник Быков покинул нас: он вступил в командование армейским пехотным полком в Юго-западном крае. С его отъездом детище его словно осиротело. На его личном обаянии, на его энергии держался журнал.

На рождественские праздники я отправился в гости к Быкову, полк которого стоял в окрестностях Жмеринки. Несколько недель, проведенных в его семье, доставили мне большое удовольствие. Стояла снежная зима, мы катались на санях, запряженных тройкой прекрасных, командирских лошадей, ездили в гости к соседям, а по вечерам танцевали в полковом собрании. Сам хозяин, вне службы и оффициальных приемов в со-

брании, проводил досуги в своем кабинете, погружаясь в книги и рукописи.

Вернувшись в Варшаву, я принял решение отправиться в Петербург.

СТОЛИЧНЫЕ РЕПОРТЕРЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ БОГЕМА

Небезизвестный в то время военный писатель штабс-капитан артиллерии Толузаков, обладая знакомствами в газетных кругах, устроил меня в одной из больших столичных газет. Мне был поручен репортаж по вопросам иностранной политики. Это было, если не ошибаюсь, в 1908 году, когда особенно обострились отношения между Россией и Австро-Венгрией из-за анексии Боснии и Герцоговины. В то же приблизительно время, совершился переворот на берегах Босфора, падение Абдул-Гамида и захват власти младотурками. На Ближнем Востоке положение становилось тревожным.

После переворота в Турции заволновались «братушки»; у них возникло вполне понятное желание воспользоваться слабостью Порты и завладеть славянскими землями, входившими в состав Оттоманской Империи. Для этого надо было заручиться согласием и покровительством России. Наследник Сербского престола принц Георгий был командирован в русскую столицу. Я и представитель одной московской газеты отправились в Гатчину навстречу принцу. В ожидании поезда на Гатчинском вокзале мы встретились с Куприным, жившим в Гатчине и проводившим свободные часы на вокзале за бутылкой коньяку. Скромный, простой в обращении Куприн, пригласил нас закусить и выпить, и так увлек интересной беседой и коньяком, что мы едва не прозевали поезда. Принц, в форме сербского гусара, принял нас в своем вагоне и мы вместе вернулись в столицу. Это был совсем молодой человек, высокий и стройный,

приятной наружности и хорошо носивший военную форму. Объяснялся он с нами на русском языке; экспансивный, нервный, принц Георгий Карагеоргиевич в резких выражениях отзывался об агрессивности Австрии. В общем он оставил впечатление человека неуравновешенного и больного. Несколько лет спустя этот принц, в порыве гнева, убив своего камердинера, вынужден был отказаться от прав наследства в пользу своего брата Александра.

Совершенную противоположность этому принцу представлял сопровождавший его посол Сербии, почтенный Пашич. Тонкий политик, опытный государственный деятель, он внушал уважение спокойной речью, простотой и симпатичной внешностью. Невзирая на преклонный возраст, Пашич нес на своих плечах всю тяжесть государственных забот своей страны, в самые трудные годы ее истории.

***

Не обладая склонностью к службе, я предпочитал газетную работу. Помимо живого характера этой деятельности, она оставляла много досуга. Правда, оплачивался этот труд скудно. В таком же положении была вся газетная братия, перехватывавшая друг у друга несколько целковых, которые пропивались тотчас же в трактире. Это была настоящая богема, жившая сегодняшним днем. Раз в неделю выдавался в редакции гонорар, на который в тот же вечер устраивались пирушки. Следует отметить, что столичные журналисты казались буржуями по сравнению с их провинциальными коллегами. В глухих углах России, в особенности в Сибири, мне пришлось впоследствии познакомиться с типом провинциального писаки. Это были часто талантливые, образованные люди, обладавшие и сердцем, и умом, неудовлетворенные жизнью в глуши, куда они попали, как политические ссыльные. Они спивались и опускались до дна. Столичные репортеры и журналисты казались в сравнении

с этими «бывшими людьми» джентельменами; прилично одетые, они проводили вечера и ночи в излюбленном ресторане «Вена» на улице Гоголя. «Вена» была штаб квартирой Куприна, когда он покидал свою резиденцию в Гатчине. Юрий Беляев, талантливый критик, «Нового Времени» и обаятельный человек, проводил время со своей компанией в гостиннице «Франция» на Морской. Хорошо, беззаботно жилось в это незабвенное время в России! Так называемый кусок насущного хлеба добывался без усилий. Никому не приходило в голову видеть в труде конечную цель земного бытия, а в коплении денег гражданскую добродетель: довоенная Россия была, пожалуй, единственной страной в Европе, где в основу житейской философии был положен эпикуреизм.

Широкая русская натура сказывалась и у простолюдина. Чалдон Енисейской губернии прокучивал в одну неделю заработанные тяжелым трудом на золотых приисках деньги; с такой же легкостью и хозяин, богатый золотопромышленник, пускал в трубу свое состояние в столице или за границей.

В Западной Европе, в особенности во Франции, труд возводится в добродетель; правящие классы внушали народу, что работа облагораживает человека.

Со времен Луи Филиппа одной из добродетелей является книжка сберегательной кассы. Эта житейская философия привела к тому, что Франция стала банкиром мира... Российский быт не знал этих принципов. Люди жили, в большинстве, изо дня в день; проживали больше, чем зарабатывали и о сбережениях, редко кто заботился.

***

Решив покинуть Петербург, я отправился в путешествие...

Случилось это следующим образом: один мой знакомый, по фамилии Я-в, человек почтенных лет, и действительный статский советник, завтракав со мной у Кюба,

рассказал, что к нему обратились два студента-геолога, с предложением снарядить экспедицию в Ферганскую область, для поисков радио-активных минералов; у них имелись данные, что в Ошском уезде этой области находятся месторождения этого ценного минерала и, что хотя точек они определить не в состоянии, но могут указать район, в пределах которого следует произвести разведки. Меня заинтересовали поиски радия в Фергане и я предложил Я-ву устроить собрание, на которое просил разрешения пригласить, находившегося в то время в Петербурге француза маркиза де Бовуара; последний, человек преклонных лет, обладал, удивительными для его возраста, энергией и предприимчивостью; у него были большие связи в деловых сферах Франции.

Доклад геологов произвел впечатление; решено было снарядить экспедицию, причем Я-в взял на себя приискание средств для поездки и предварительных разведок. Бовуар обещал финансировать будущую эксплоатацию радия; мне было предложено стать во главе экспедиции, отправиться на место и организовать, под руководством геолога, поиски руды...

Через несколько недель я, в сопровождении штейгера и нескольких специализированных в горном деле рабочих отправился в путь...

Прибыли в Ташкент, затем в Ош; в этом маленьком сартовском местечке мы окончательно оборудовали экспедицию, купив лошадей, наняв прислугу и рабочих. В июльскую жару нам пришлось совершить переход по песчаной пустыне, чтобы добраться до предгорьев Алайского хребта.

Изредка встречались оазисы, сартовские селения, называемые кишлаками; они казались нам раем. Мы располагались в доме старшины кишлака, обыкновенно тучного сарта; появлялись дыни, персики, чай со сладостями, затем неизменный баран. Ни о каком вознаграждении слышать не хотели.

Наконец, мы добрались до горного плато, где жара

становилась менее чувствительной; когда же мы выбрались в южную Фергану, то в Алайской долине, по ночам, становилось так холодно в палатке, что пришлось у местных киргизов приобрести юрту... Мы нашли места, указанные Петербургскими студентами; сопровождавшие нас геолог и штейгер приступили к разведке, и вскоре порадовали меня сообщением, что наличность радио-активной руды, среди осмотренных ими пластов, не подлежит сомнению; остается лишь, по их словам, установить мощность этих залеганий.

Мы провозились там несколько недель, запаслись образцами руды и вернулись в Ош, рассчитали персонал, продали лошадей и, затем отправились в Скобелев и Ташкент, для выполнения формальностей, требуемых Горным Уставом.

К поискам радия многие отнеслись скептически; по их словам и до меня приезжали искатели драгоценных минералов, поиски их не увенчались успехом.

— Да и зачем делать поиски в недрах земли, когда почва Туркестана обладает сказочным плодородием; достаточно провести воду, как мертвая пустыня оживает и покрывается пышной растительностью, говорили эти люди. Большинство из них занималось культурой хлопка и искусственным орошением Туркестана. Хлопок требует сухой жары, не переносит дождя; орошение плантаций поизводится ирригационной системой: вода проводится из гор, собирается в резервуарах, откуда несколько раз в день, при посредстве шлюзов, протекает по каналам и канавкам, называемым здесь арыками. Не только хлопковые плантации, вся растительность в крае питается искусственным орошением. Вода ценнее золота в этом крае; вечные споры и конфликты возникают у туземцев из-за воды; она не является частной собственностью и пользование ею определяется обычным правом, дополненным узаконениями русской власти.

Ташкент, Скобелев, Коканд утопают в садах, однако от флоры Туркестана не веет живительной свежестью,

она как-бы страдает малокровием; стволы и листья деревьев покрыты толстым слоем пыли за отсутствием благотворного дождя...

Наряду с новым городом, выросшим за время русской власти, расположен туземный сартовский кишлак, с его глинобитными строениями, мечетью, караван-сараем и чай-ханэ, с его красочным базаром и суетливой, подвижной толпой...

Когда угасает знойный, душный день и наступают сумерки, по уличкам кишлаков начинает журчать вода; тогда сарты располагаются по берегам канавы, наслаждаясь живительной влагой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ

Я вернулся в Петербург. Доклад нашего геолога и образцы радиоактивной руды были отправлены маркизом де-Бовуар в Париж. Спустя несколько недель мы получили от него извещение, что результаты исследования оказались неблагоприятными, анализ установил, что коэффициент радиоактивности слишком слаб; вследствие этого эксплоатация месторождения не оправдает расходов. Неудача эта меня отнюдь не огорчила; отправляясь в Фергану, я был далек от мысли, что вернусь оттуда будущим миллионером; меня манила даль, путешествие, киргизы, сарты.

***

Однажды, завтракая на Морской во «Франции», я встретился с одним знакомым. Разговор зашел о моем путешествии в Фергану; делясь с ним впечатлением о Туркестане, я рассказал ему о плодородии почвы, о множестве неиспользованных пустопорожних земель. Он заинтересовался моим рассказом.

— У меня есть связи в финансовых кругах, я думаю мне удастся найти капитал, но для этого я должен рас-

полагать объяснительной по делу запиской; нужно разработать вопрос на месте, представить план, со сметой расходов на приобретение и орошение земель.

— Зайдите ко мне на днях и мы окончателно переговорим по этому делу, — заметил мой собеседник.

В результате наших совещаний, решено было, что я ближайшим летом отправлюсь в Туркестан, что он снабдит меня денежными средствами для изучения вопроса на месте, консультации местных гидротехников и осмотра годных для культуры хлопка земель.

Летом, получив часть намеченных сумм, я отправился в путь. Было решено, что остальные деньги он вышлет погодя в Туркестан. Мой приятель, Панаев, служивший в Управлении Уделов, снабдил меня рекомендательным письмом к управляющему Мургабском Государевым имение в Закаспийской области для ознакомления с оросительным делом в этом образцовом предприятии.

Моей попутчицей от Москвы оказалась хорошенькая барышня, курсистка, отправлявшаяся на летние каникулы к родным в Андижан. Она предложила мне погостить в ее семье в Андижане, на что я охотно согласился.

Ее отец, местный врач, и матушка, не чаявшая души в единственной дочери, приняли меня, как родного. По вечерам, когда спадала знойная жара, мы гуляли с курсисткой по улицам туземного города, среди оживленной сартовской толпы. Это было время мусульманского поста Байрама. После захода солнца, когда на небе появляются первые звезды, правоверные, помолившись Аллаху, утолив голод и жажду, покидают домашние очаги; улицы города, базар, усеянные балаганами, кухмистерскими и чай-ханэ, освещенные разноцветными бумажными фонарями, заполняются колоритной туземной толпой. Заунывные восточные мелодии, причитания чтецов Корана, степенные сарты в чалмах и светлых халатах прельщали воображение зрителя, впервые наблюдав-

шего эту картину. Южное небо, яркие звезды усиливали впечатление от этой «сказки».

Из Анджина я отправился в Самарканд, посмотрел мечеть и могилу Тимура, затем, через Чарджуй, славящийся своими дынями, в Мерв, станцию Закаспийской железной дороги. К югу от Мерва, по направлению к границе Афганистана, расположено Мургабское Государево имение. Отъехав несколько верст, я очутился в цветущем оазисе, показавшемся раем после знойной пустыни. Погостив несколько дней и ознакомившись с этим образцовым хозяйством, я двинулся в обратный путь и прибыл в Ташкент, где приступил, не теряя времени, к снаряжению поездки для поисков и обследования годных для орошения земель. В сопровождении местного гидротехника и сведущих людей, мы изъездили верхом Кокандский, Намаганский и Скобелевский уезды. На это ушло несколько недель. Инженер составил план работ и сметы, которые я отправил в Петербург, моему капиталисту, убедительно прося его немедленно выслать денежные суммы для продолжения поездок. Ни на мое письмо, ни на ряд посланных депеш не последовало ответа. Положение стало тем более неприятным, что местные люди, заинтересованные созданием крупных плантаций, видели во мне пионера, имеющего связи в финансовых кругах столицы. И вдруг такая заминка. Потеряв надежду получить ответ, я сложил чемоданы и вернулся в Петербург.

Мой капиталист, извинившись, заявил, что составленная смета и расходы по экспедиции ему не по средствам и что ему не найти тех миллионов, которые понадобились бы для финансирования оросительного дела в Туркестане.

ПОЕЗДКА НА БАЛКАНЫ

Это было в сентябре 1912 года. В это время вспыхнул конфликт на Балканах. Болгария и Сербия вступили в

войну с Турцией. При содействии приятеля, имевшего связи в газетном мире, я устроился военным корреспондентом московской газеты «Раннее Утро». Издатель «Раннего Утра» некий Казецкий, снабдив меня авансом, настаивал на скорейшем отъезде на театр военных действий. Остановился я в Москве у моего приятеля, Панаева, занимавшего в то время должность управляющего учреждениями имп. Марии Федоровны и занимавшего большую казенную квартиру. Я хотел было в тот же день уехать на Балканы, но Панаев воспротивился этому. Он решил отпраздновать мой отъезд, повел меня к Тестову, в «Сибирскую гостинницу»; кончили в «Яре», где пробыли до утра. Во всех этих «учреждениях» настроение было приподнятое и вином, и событиями: произносились патриотические тосты в честь «братушек» и хором пели «Шуми Марица».

На другой день (это было 1-го отября 1912 г.), я покинул Москву. На вокзале, провожавший меня Панаев представил меня уезжавшему с тем же поездом в Киев генералу Кашталинскому. Последний предложил мне поместиться в своем купэ. Он в пути рассказывал мне воспоминания о Балканах, где сражался во время русско-турецкой войны 1877 г. В Маньчжурии ген. Кашталинский командованл дивизией; сейчас, прокомандовав корпусом, вынужден был, не дождавшись предельного возраста, выйти в отставку. Он отправлялся в свое имение Киевской губернии.

В Киеве я устроил привал: благодушная, жизнерадостная толпа, фланирующая с утра до вечера по Крещатику, увлекает приезжего своей приветливостью. В тот же день я отправился в Одессу.

Поезд от Одессы до пограничной с Румынией местности Унгени проходит по черноземной, дышащей плодородием Бессарабии. Целый день пришлось дожидаться поезда в Яссы и Бухарест. Из Румынской столицы я, с большим опозданием, добрался, наконец, до берегов Дуная, границы между Румынией и Болгарией. Из

Джюрджий—румынского поста—до болгарского Рущука, расположенного на другом берегу Дуная рукой подать; но не тут-то было, близость театра войны, наплыв болгарских резервистов выбили из колеи таможенные и полицейские власти обоих соседей; целая ночь понадобилась для выполнения формальностей и контроля и, только под утро, на ветхом румынском параходишке мы переправились через Дунай и прибыли в Рущук. В этом маленьком, опустевшем, в связи с мобилизацией, болгарском городишке пришлось провести целые сутки и, только на следующий день, с воинским поездом, я отправился в Софию.

Болгарскую столицу я застал ликующей: падение турецкой крепости Киркелис, ее называли также Лозенградом, вызвало неописуемый подъем духа. Столь быстрое взятие этого важного стратегического пункта явилось неожиданностью для всех. Киркелис был хорошо укреплен. Болгары называли эту победу второй «Шипкой» и вполне основательно гордились ей. Целый день на улицах распевали «Шуми Марица». В это время главная квартира болгарской армии находилась в Старой Загоре. Мне это было не по пути и, расставшись с Софией, я направился к Сербской границе, в Пирот, оттуда в Ниш, маленький городишка Южной Сербии, освобожденный только в 1877 году от турецкого ига. За несколько десятилетий сербам удалось ассимилировать Ниш, вытеснив из него мусульманское население. Пощадили сербы, в назидание потомству, своеобразный памятник турецкого владычества — башню Келе-Куля, построенную мусульманами из черепов христиан. В 1804 году, во время восстания сербов, которым руководил Кара-Георгий, турки построили эту башню из 952 сербских черепов, скрепленных цементом. Это своеобразное произведение турецкой архитектуры, вышиной в 25 метров, зорко оберегается сербами, построившими рядом в 1904 году — столетнюю годовщину восстания— небольшую часовню.

Из Ниша я, с невероятным трудом и потерей времени, добрался до Враньи, небольшого местечка у границы Сербии с Турцией, где находилась главная квартира сербской армии; однако, прибыв во Вранью, я узнал, что накануне главная квартира переехала в Ускюб, только что захваченный сербами. Узнав, что правительство все еще находится во Вранье, я отправился к сербскому премьеру Пашичу, которого имел честь знать по Петербургу. Приветливый, похожий на патриарха, Пашич предложил мне на другой день отправиться вечером с ним в Ускюб. В Ускюбе (Скопле) завоеванный сербской армией, я был сильно удивлен, что населяющие этот город турки не обратились в бегство вслед за отступающей армией, а преспокойно продолжали пребывать среди победителей. Оказалось, что Ускюб был сдан без боя сербам, благодаря находчивости и инициативе Российского генерального консула Калмыкова. Эта бескровная победа далась сербам следующим образом: после Кумановского боя и отступления турецких войск, командующий армией Фехти-паша решил дать сражение сербам на берегах Вардара, под Ускюбом. Окружающие этот македонский город высоты Шар-Дага и Церна-Гора являлись выгодными для турок позициями; преобладающее в Ускюбском сандаже мусульманское население затруднило бы операции сербских войск. Бой под стенами Ускюба угрожал многочисленному населению города среди которого было много христиан. Возникли также опасения, за участь заключенных в местных тюрьмах христиан. Калмыков, в качестве старшины консульского корпуса, заручившись согласием своих коллег, пригласил к себе на совещание Ускюбского вали, городкого голову и видных турецких нотаблей, доказав бесполезность сопротивления победоносной сербской армии и преимущество сдачи города без боя; он убедил их отправить депутацию к Фехти-паше с предложением сдать город сербам. Фехти-паша, удрученный пораженческим настроением мусульман под утро покинул Ускюб, отступив со

своей армией к Велесу; вслед за ним разбежались турецкие власти во главе с вали. Тогда Калмыков, во избежании резни и грабежей, организовал охрану из местных христиан, главным образом македонских болгар. Водворив порядок, выпустив арестованных в тюрьме христиан, он, в сопровождении консулов великих держав, отправился в экипаже в лагерь сербских войск, для сдачи престолонаследнику Александру город Ускюб.

На другой день сербские войска вступили в Скопле (Ускюб), древнюю столицу Старой Сербии. Начались грабежи, убийства, поджоги. Бесчинствовали, главным образом, четники, вооруженные банды македонцев, которых сербские власти не в состоянии были держать в повиновении. Турки спасались в российском консульстве, которое великодушно оказывало приют жертвам четников

Наступление сербов не встречало большого сопротивления со стороны противника; повидимому, армия Падишаха считала свое дело проигранным.

Вынужденное бездействие в Ускюбе мне надоело и я, в сопровождении военного корреспондента «Русских Ведомостей» Завадского-Деренталя, отправился в Белград.

Героизм и патриотический подъем сербского народа нашел себе подтверждение несколько лет спустя, во время легендарного отступления армии Цесаревича Александра, через Албанию, во время Великой Войны. Мне довелось видеть в 1915 году, в Салониках, остатки армии, уцелевшие после тяжелого отступления. Главнокомандующий союзными войсками в Салониках, генерал Сараиль эвакуировал их на остров Корфу, где, отдохнув и окрепнув, они, спустя некоторое время, отправились вновь на Салоникский фронт.

Так как в Белграде мне нечего было больше делать, то я собирался вернуться в Россию; мой приятель Деренталь предложил мне отправиться с ним в Венецию, где он должени был встретиться со своей женой, прибывшей

туда из Парижа. Я охотно согласился; судя по фотографии, которую он мне показал, — это была красавица.

Из Белграда, через Фиуме, мы, по железной дороге, прибыли в Венецию. Исторические дворцы, отражающие свое величие в водах Большого Канала с фланирующей по узеньким улицам толпой, произвели чарующее впечатление. Бесшумно скользят гондолы по узеньким каналам. В эту позднюю осеннюю пору Венеция, покрытая туманом, не освещенная солнцем, казалась в трауре по былому могуществу.

Быстро пролетело время в обществе моего приятеля, его красивой, молодой жены, русской парижанки, с которой судьба впоследствии свела меня ближе. Молодожены отправились в Испанию, где Деренталь был постоянным корреспондентом «Русскимх Ведомостей», а я направился в Петербург.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ГОРЫ КАВКАЗА

В начале зимы 1913 г. мне было предложено, блискими мне лицами, отправиться на Кавказ с целью снаряжения экспедиции для «захвата» Ткварчельской казенной дачи, расположенной в Очемчирском уезде Кутаисской губернии. Эта лесная дача была расположена в глубине Абхазии, в предгорьях главного Кавказского хребта; только весной и летом можно было туда проникнуть. Задача заключалас в том, чтобы ранней весной отправиться в Ткварчели, поставить требуемые Горным Уставом столбы с вырезанными на них инициалами и, таким образом, закрепить за командировавшей меня группой 80 квадратных верст дачи, недра которой заключали в себе каменный уголь. Не колеблясь ни минуты, я дал согласие принять на себя выполнение этой задачи; тогда меня стали знакомить с историей этого предприятия и с условиями успешного и быстрого достижения намеченной цели.

Еще за несколько лет до описываемых здесь событий,

абхазские князья Шервашидзе обратились к видному общественному деятелю Здановичу с предложением взять на себя хлопоты по закреплению и финансированию найденных ими залежей угля в Ткварчелах. Пласты угля были обнаружены горными пастухами, сообщившими о своем открытии абхазским князьям. Анализ доставленных образцов установил, что по своим качествам уголь этот не уступает Кардифскому. Зданович, председатель Союза Чиатурских марганцепромышленников, нашел, что открытие угольных залежей имеет громадное значение для Кавказа, не обладавшего этим топливом, если не считать Тквибульские копи, уголь, которых, по своим низким качествам, не находил широкого применеиня. Обладая Чиатурским марганцем Закавказью недоставало угля для создания металлургической промышленности.

Зданович, обладавший связями в высших Петербургских сферах, горячо взялся за это дело; предприняв хлопоты в Горном Управлении в Тифлисе, затем в Горном Департаменте в Петербурге, он, вместе с моим отцом, его другом, издавна занимавшимся марганцевой промышленностью, отправились в столицу с целью создать общество для закрепления, разведок и эксплоатации будущего горного предприятия.

Между тем весть об экспедиции в Абхазию стала известной в горнопромышленных кругах Закавказья, а затем и Петербурга. И в то время, как Зданович вел переговоры с финансистами, Ткварчельское дело было у него вырвано из-под носу ловким, имевшим большие связи в правых кругах столицы, дельцом, неким Бутми-де-Кацманом. Заручившись поддержкой высокопоставленных лиц, он вошел в соглашение с абхазцами: поставил требуемые горным уставом заявочные столбы, получил так называемые заявочные свидетельства, с правом на аренду и эксплоатацию Ткварчельской дачи в течении 99 лет.

Бутми создал общество, акции которого быстро нашли себе покупателей среди Петербургской аристократии.

На основании Горного Устава, получивший «заявки» должен приступить по истечении двух лет, к разведкам, а затем к эксплоатации, в противном случае он теряет свои права. Бутми к разведкам не приступил, все сроки пропустил и, по закону, права на дачу потерял. Таким образом, зимой 1913 года, Ткварчельская дача, по справкам Горного Департамента, оказалась свободной. Инициаторы и пионеры этого предприятия решили этим воспользоваться. Главными вдохновителями снаряжения «набега» были прис. пов. Степанов, горный инженер Иванов, которые совместно со Здановичем и моим родителем, предоставили денежные суммы, необходимые для совершения экспедиции. Для успеха дела требовалась вооруженная сила, т. к., по имевшимся сведениям, Бутми располагая в Абхазии преданными людьми, может оказать сопротивление новым пришельцам.

Ранней весной 1913-го года я отправился в путь; меня снабдили картами, на которых были отмечены места для постановки 20-ти столбов, с расчетом закрепить 80 кв. верст казенной дачи. В случае успеха и по окончании моей миссии, я должен был получить премию в 5 тысяч рублей и участие в деле в размере 4-х паев; всего паев было сто.

Я направился в Кутаис. Здесь, при содействии друзей, я сформировал из имеритин нужный мне конвой. Снабженные палатками, вьюками, седлами и рабочими инструментами, — мы отправились в Поти. В этом маленьком порту Черного моря, славившемся кваканьем лягушек, малярией н магнолиями, мы застряли на несколько дней. Наняв турецкую фелюгу, мы должны были выжидать, пока море вздумает успокоиться, т. к. хозяин фелюги опасался за свое добро. Наконец, поздно вечером, мы отправились в путь и с рассветом прибыли в Очемчири, маленькое абхазское местечко на побережье черного моря. Достав верховых и вьючных лошадей, запасшись провизией, мы двинулись в путь, по верховям реки Гализги. Поздно ночью мы остановились на ночлег, в

горах, в абхазском селении. Несмотря на поздний час, обитатели его, услыхав конский топот, открыли ворота и радушно предложили стол и кров.

Расставаясь с ними на другое утро, я предложил им вознаграждение, но они наотрез отказались от денег.

На другие сутки мы добрались до обители лесного объездчика, которому полагалось присутствовать, в качестве представителя власти. при застолблении Тварчельской дачи.

Только на третьи сутки мы достигли конечной цели нашего путешествия — горного плато, покрытого густым, первобытным лесом. Изучив местность, мы не теряя времени, приступили к работе. Установка столбов с инициалами отняла более 2-х недель: намеченные инженерами пункты были расположены среди скалистых утесов, по которым пришлось карабкаться пешком.

Когда работа близилась к концу, на участке появились таинственные абхазские всадники, командированные, повидимому, нашими противниками. Убедившись в превосходстве сил, в готовности дать отпор, они так-же быстро исчезли как и появились.

Вернувшись в Кутаис, я расчитал рабочих и телохранителей и приступил к выполнению формальностей по заявкам в местном Управлении Государственных Имуществ. Командовавший в Кутаисе бригадой генерал Быков, с которым я был связан давней дружбой, помог мне личным участием ускорить процедуру и через несколько дней я получил 20 заявочных свидетельств, закрепивших права на разведки и эксплоатацию Ткварчельских копей.

ОПЯТЬ В ТУРКЕСТАН

Прежде чем вернуться в Петербург, я должен был совершить поездку в Туркестан. Дело в том, что в то же самое время, когда разрабатывался план захвата Ткварчельской дачи, мой приятель Панаев, обосновав-

шийся вновь в Питере, познакомил меня со своим другом Черемисиновым, интересовавшимся результатами моих путешествий по Фергане и возможностью приобретения земель в Туркестане под хлопковые плантации.

Черемисинов, котррому было не более 40 лет, занимал должность Секретаря в Совете Министров, в чине действ. ст. советника. Деятельный, предприимчивый по натуре, он, помимо службы, занимался так называемыми грюндерскими делами.

Ознакомившись с результатами поездки в Фергану, он предложил мне отправиться с ним в Туркестан для закрепления казенных или частно-владельческих земель, для оборудования на них оросительной системы и эксплоатации под хлопковые плантации. Его компаньон по Сибирским приискам, богатый Ратьков-Рожнов предложил нужные для дела средства.

Было решено, что, справившись с моей экспедицией на Кавказе, я отправлюсь, не возвращаясь в Петербург, в Фергану.

Из Тифлиса я отправился в Баку. На пароходе общества «Кавказ и Меркурий», совершавшем рейсы между Баку и Красноводском, не оказалось ни одной свободной каюты; желавшим отправиться в путь было предложено располагаться на ночлег на скамейках палубы 1-го класса.

На другой день я прибыл в Скобелев, куда вскоре приехал Черемисинов.

Он быстро сформировал «департамент» со штатом землемеров, чертежников, переводчиков, переписчиц и местных гидротехников. Пустовавшая до нас гостинница приняла вид оживленного караван-сарая.

Покончив с подготовительными работами, мы наняли лошадей и караваном отправились в путь.

Местные власти, получив инструкции от губернатора, оказывали нам содействие; пристав оседлого населения

сопровождал нас всюду и присутствовал при ведении бесконечных переговоров с сартами. Тщетно мы пытались внушить туземцам выгоды орошения пустопорожних земель. Туземцы целыми часами совещались, шушукались между собой, затем присылали нам своих выборных с предложением новых, совершенно неприемлемых условий. Во всех уездах повторялась та же история. Прокочевав по сартовским кишлакам несколько недель, не добившись никакого толку, мы с пустыми руками вернулись в Скобелев, где расчитав служащих, положили конец столь заманчивому предприятию.

За время пребвыания в Фергане я близко познакомился с Черемисиновым. Барин и джентльмен, он очень расположил меня к себе. Мы продолжали видеться в Петербурге, затем я потерял его из виду и только в 1917 году, командированный в Персию я, по пути из Франции, во время остановки в Петербурге, розыскал его; в гостиннице Астория, на Исаакиевской площади, в которой я остановился, мы позавтракали с ним в последний раз в России. С тех пор никаких сведений у меня о нем не было; судьба его в Советской России меня беспокоила. Какова же была моя радость, когда в 1936 году я неожиданно встретился с ним в Ницце; оказалось, после ареста и продолжительного сидения в тюрьме, ему, во время польско-советской войны, с невероятными трудностями, удалось бежать, вместе с женой из России в Польшу. В роли директора Земельного Банка, он своим опытом и знаниями оказался настолько полезным сотрудником возрождающегося государства, что, в благодарность, ему была назначена пожизненная пенсия, позволившая ему обосноваться в Ницце.

В его имени, расположенном на прилегающих к Ницце холмах, мы пили чай, вспоминая далекое прошлое.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ

Вернувшись из Туркестана в Петербург, я, первым делом, отправился к моим доверителям по Ткварчельской экспедиции. Отпраздновав успех захвата дачи завтраком у Кюба, они рассчитались со мной. Я получил 5 тыс. руб. наличными и 4 пая в будущих прибылях Ткварчельских копей... К этим паям я отнесся равнодушно, засунув их в ящик письменного стола; что-же касается наличных денег, то рассчитавшись с кредиторами, обосновавшись в хорошей гостиннице, я мог, наконец, без всяких забот, пользоваться благами жизни.

Полученные за экспедицию 5 тысяч рублей пришли к концу. Я стал нуждаться и думать, как мне быть, чтобы можно было продолжать приятный образ жизни; я вспомнил о Ткварчельских паях, к которым в свое время отнесся с таким пренебрежением. Я обратился к приятелю с предложением продать эти паи; это был адвокат занимавшийся коммерческими делами. Настаивая на быстроте операции, я, для поощрения, предложил ему половину вырученной от продажи суммы. Он охотно согласился. На его вопрос, во сколько я оцениваю мои паи, я, подобно Гоголевской Коробочке, ответил, что не знаю, почем сейчас паи и предоставил ему свободу действий. Спустя короткое время он обрадовал меня по телефону сообщением, что «дело в шляпе»: оказалось ему удалось найти покупателей среди лиц, бывших вкладчиками Бутми де Кацмана; последний, не примирившись с потерей прав на Ткварчели, подал жалобу в Сенат. Мой находчивый приятель сумел убедить потерпевших, что приобретением паев новой группы, они страхуют себя на случай потери в Сенате. Расчет был правилен: сделка была закреплена нотариусом; мне выплатили 80 тысяч рублей, которые я поделил с приятелем.

Оказавшись обладателем столь крупной для меня суммы, я решил махнуть за границу. Весной 1914 года от-

правился в Париж. Старая столица казалась помолодевшей в эти яркие весенние дни. Булонский лес, Елисейские поля, большие бульвары утопали в свежей зелени. Всадники и амазонки гарцевали в лесу. Мне кажется теперь, что Париж, который я застал в эту весну 1914 года, был таким, каким мы его знали по французским романам.

В Ницце, куда я направился, стояла летняя погода. Воздух был насыщен запахом синего моря и цветущих мимоз. Люди купались в море, отдыхая затем на нагретом солнцем пляже. Хотя оффициальный сезон в Ницце бывает зимой, лично мне кажется, что лучшим временем на Ривьере является весна. Такого же мнения, повидимому, держатся русские, наезжающие в Ниццу в это время года. Отель, в котором я остановился, был населен одними русскими и почти исключительно дамами. Я проводил время на пляже, в купаньях и прогулках в обществе петербургской барышни, жившей со своей матушкой в нашем отеле. Мы только что успели подружиться, как полученная из Питера телеграмма срочно вызвала их домой из-за болезни отца. Уезжая, моя барышня вверила мне множество фотографических пленок с просьбой дать их проявить и вернуть ей по возвращении в Петербург. Мы надеялись увидеться через два или три месяца. В это время мы не думали, что война отделит нас на несколько лет. Только в июле 1917 года, по пути из Франции в Персию, мне удалось выполнить ее поручение. В ответ на письмо и приложенные к нему снимки, она, в сопровождении мужа, морского офицера, явилась в гостинницу «Астория», в которой я остановился. С места в карьер они повезли меня к Контану, затем к себе домой, на острова. Несколько дней мы кутили, празднуя встречу и спасение снимков.

Из Ниццы я перекочевал в Монте-Карло. В то счастливое время ставки делались не перламутровыми жетонами, как это практикуется ныне, а золотыми монетами. На столе рулетки груды золота — луилоры и стофран-

ковики. Их блеск и звон разжигали азарт. Я ставил на номера, на чет и нечет, на колонны — ничего не выходило. Против меня сидел молодой человек, выигрывавший десятки тысяч с таким равнодушием, что я полюбопытствовал узнать, кто это такой. Он оказался молодым Ротшильдом. Рядом со мной сидела группа в несколько человек: одни составляли какие-то математические формулы, другие делали ставки. Они играли по системе и все время выигрывали. Я стал ставить, как они. В это время счастье отвернулось от них и я, вместе с ними стал проигрывать. Через несколько дней это бесполезное сидение в душном игорном зале мне надоело.

В ШВЕЙЦАРИИ

Из Монте-Карло, через Геную, я отправился в Швейцарию. В отеле, расположенном в горах над Вевей, я провел несколько недель в ожидании приятеля, который должен был приехать сюда из Петербурга. В отеле я познакомился и подружился с соотечественником Скадовским. Расставаясь, мы расчитывали встретиться ближайшей зимой в России. Судьбе угодно было распорядиться иначе: через несколько месяцев мы случайно встретились на полях французской Фландрии: оба очутились в 3-ей кавалерийской дивизии, он — в 5-ом Драгунском, я — в 3-ем Гусарском полку.

Не разделяя восторгов Карамзина относительно Швейцарии, я был рад приезду моего приятеля, которого убедил покинуть Швейцарию и отправиться во французские Пиренеи. По пути мы остановились на несколько дней в Марселе. После уравновешенной и скучной Швейцарии я ожил в этом шумном и своеобразном караван-сарае. Разношерстное население античного порта не поддалось французской ассимиляции; оно сохранило самобытность. Кварталы старого порта с его узенькими, грязными улочками заселены неаполитанцами; словно

флаги, в окнах населенных ими домов, вывешено белье для сушки.

Расположенный на перекрестке морских путей в Азию и Африку, этот богатый торговый порт поражал контрастом нищеты и грязи старого города и роскошью просторных тенистых бульваров, застроенных богатыми домами. Должен заметить, что бедные кварталы Марсели, куда колоритнее его буржуазных бульваров.

Спаисы в чалмах и бурнусах, зуавы, марокканские, алжирские, стрелки, африканские конные охотники с их красочным, ярким обмундированием, смешивались с подвипившими матросами и местными лязарони в опорках. Они фланировали по узенькм крикливым улочкам старого порта в поисках развлечений и удовольствий. Их зазывали к себе наполовину голые женщины. Когда пряталось солнце и наступала тьма, разнузданность становилась еще более откровенной: при свете луны этот муравейник людей всех стран и народов казался картиной из оперы.

***

Моему приятелю не сиделось в Марсели: его тянуло в горы, на покой. Мы отправились в Люшон, живописно расположенный в Пиренеях и славящийся своими целебными серными источниками. На третий день нашего пребывания в Люшине я заявил моему приятелю, что я здесь больше оставаться не могу, что мне скучно в этой дыре.

— Мечетесь по всей Европе, — ворчал он, — я приехал заграницу для отдыха.

В конце концов он дал уговорить себя и мы отправились в Биарриц. Высокий, скалистый берег, необъятная даль океана придавали ему величие и неописуемую прелесть: от улочек и домов старого Биаррица веяло уютом рыбачьего поселка, ставшего, по воле Императрицы Евгении, фешенебельным морским курортом. В этот солнечный июльский день капризно играли волны залива;

шумя и пенясь они все выше и выше подымали седые хребты, потом, словно устав, опускались, с тем, чтобы немедленно восстановить игру.

Когда подходил сердитый, стремительный девятый вал, то казалось, что усталое от вечной работы море посылает последнюю волну и, что эта большая, стремительная волна снесет детвору, игравшую в песке, публику, гулявшую по пляжу и большое старое здание казино.

На террасе, уставленной столиками, играл оркестр музыки. По пляжу прохаживалась изысканная публика, оживленная солнцем, запахом моря и музыкой.

Это были в большинстве жители старого Биаррица, французы, англичане и испанцы. Солнце близилось к закату и его прощальные лучи освещали даль океана, скалистый берег Испании и милый старый Биарриц.

Шли тревожные слухи о близости войны. Однако, здесь, на берегу Гасконского залива, под южным небом, в тени тамарисов, среди жизнерадостных, приветливых басков мало верилось в близость надвигавшегося кошмара. В этот памятный августовский день 1914 года я был неподалеку от Биаррица, в Испании, в Сен-Себастьяне, на бое быков. Испанская толпа, подогретая солнечным днем, затаив дыхание, следила за развязкой поединка между израненным быком и начинавшим изнемогать торреро. Бык не сдавался, кидаясь в разные стороны... С отчаянием махали испанцы своими красными капами, дразня упрямого быка... Толпа становилась нетерпеливой. Вдруг раздались восторженные крики и громкие рукоплескания: на арене опускался бык, сначала на передние, затем на задние ноги. Последняя шпага, воткнутая по самый эфес, нанесла смертельный удар животному.

Представление продолжалось несколько часов и впечатлительная толпа переходила от восторга к гневу, меняя свои настроения в зависимости от поведения быка и ловкости торреадора. Солнце близилось к заходу, когда публика, под звуки лихого марша, покидала большой

Сан-Себастианский цирк. Испанки, в живописно накинутых мантильях, с веерами в руках, жестикулируя и заливаясь хохотом, обменивались впечатлениями со своими кавалерами. Довольная зрелищем и пережитыми волнениями, толпа шумно расходилась по бульварам и улицам города...

Вернувшись в Биарриц, я застал иную картину: в расклеенных на стенах афишах правительство республики призывало граждан под знамена для защиты Родины. Кошмар, в который не верилось еще вчера, стал действительностью. С первого дня мобилизации я вынес впечатление, что война явилась полной неожиданностью для населения. Немецкая печать, как известно, сваливала вину вспыхнувшей войны на Францию, проникнутую идеей реванша.

Впоследствии мне приходилось неоднократно убеждаться, что страна не готовилась к войне: в начале войны не было тяжелой артиллерии, армия располагала 350-ю летчиками, у которых не было воздушных карт; войска выступили в поход в обмундировании мирного времени, в традиционных красных рейтузах и панталонах; кирасиры и драгуны в блестящих шлемах, гусары в ярких киверах. Только летом 1915 года стали вводить форму защитного цвета, чехлы для шлемов и киверов, траншейную каску вместо кэпи пехотинцев. С первого дня мобилизации появился патриотический подъем, проснулась национальная гордость страны, вписавшей в свою историю Мальви, Риволи, Арколь, Маренго, Аустерлиц.

Расставшись с петербургским приятелем, уехавшим в Россию кружным путем, я, из опасения, что война кончится прежде, чем я доберусь до России, предпринял шаги для поступления во французскую армию. Мне было предложено выждать конца мобилизации, после чего станут принимать добровольцев. Между тем в Бельгии и Эльзасе шли ожесточенные бои. Под сильным напором противника французская армия отступала. Шли тревож-

ные слухи, что немцы подходят к стенам Парижа, что в столице слышна орудийная пальба. Президент республики, правительство, посольства и государственные учреждения покинули столицу, переехав в Бордо. Битком набитые поезда с беженцами из Парижа и угрожаемых районов прибывали в Биарриц. Сюда же стали съезжаться с курортов Западной Европы русские туристы. Они оказались в затруднительном положении: в силу объявленного моратория банки не выдавали вкладов по чекам и аккредитивам. В чужой, хотя и дружественной стране, очутиться без денег сущее горе. Французы, однако, пошли навстречу русским, открыв кредиты в отелях и пансионах, с тем, что по окончании войны, будет произведен расчет.

В Биарриц стали прибывать поезда с ранеными. От усталых изувеченных солдат, от покрытых грязью и пылью мундиров повеяло полями сражений. Сложив чемоданы, я отправился в Бордо. Объехав с десяток гостинниц, переполненных приезжими, я с трудом нашел комнату в допотопном отеле старого города. За отсутствием электричества, в комнате, выходившей на узенькую, похожую на корридор, улочку, было темно. Выйдя из гостинницы, я очутился в лабиринте маленьких, кривых улочек, из которых с трудом выбрался на широкий, обсаженный платанами, освещенный солнцем бульвар, по которому фланировала элегантная, повидимому покинувшая Париж толпа. Военный агент, гр. Игнатьев находился при главной квартире французской армии; его заменял полковник Ознобишин, которому я представился и доложил о моем желании поступить в действующую армию. Он в моем присутствии составил рапорт в военное министерство, предложив наведаться через несколько днейь

В ожидании, я фланировал по бурльварам, надеясь наткнуться на знакомых по Парижу людей. Судьба улыбнулась мне: я встретил молодую красивую даму, с которой познакомился несколько лет назад в Венеции.

Русская по происхождению, воспитанная во Франции, она и по внешности и манерам стала обворожительной русской Парижанкой.

К столику террасы кафе, за которым мы сидели, подошел почтенных лет мужчина, радостно окликнувший меня. Это был француз, маркиз до Бовуар, с которым я был знаком еще в России. Узнав, что я ожидаю назначения в армию и что медлительность военной администрации тяготит меня, он с места в карьер отправился со мной в военное министерство. Нас принял директор кавалерии. Через два дня я получил приказ с назначением в 3-ий Гусарский полк.

В 24 часа сшито было обмундирование и прежде чем отправиться в Сомюр, штаб-квартиру полка — я отправился к полк. Ознобишину, снабдившему меня, по моей просьбе, письмом к майору, командовавшему штаб-квартирой, с просьбой не задерживать меня в Сомюре и отправить как можно скорее на фронт.

Маркиз де-Бовуар и его друзья чествовали меня шампанским.

— Я вам завидую, — говорил с горечью маркиз, — вы зачислены в армию, а я все еще разгуливаю в штатском. Но, несмотря на годы, я надеюсь добиться своего.

Через несколько недель, находясь на фронте, я узнал из письма маркиза, — капитана в отставке — о его назначении офицером для связи при британской морской базе в Марсели. Впоследствии, находясь в Марсели, я имел возможность видеть, с каким искусством он выполнял свои обязанности. Французский жантильом отошедшей в историю эпохи, он сумел очаровать британских союзников и стать популярнейшей фигурой тамошнего гарнизона.

В ранней молодости Бовуар, в обществе графа Парижского, внука Луи-Филиппа, совершил путешествие вокруг света, описанное им в объемистом труде. Выйдя в отставку по окончании войны 1870 года, он служил некоторое время по диплматическому ведомству, после

чего стал заниматься делами в Америке, в Австралии, затем в Сибири, куда его привлекли золотые россыпи. Раззоренный, он доживал последние годы на средства своих родственников и друзей.

В СОМЮРЕ

3-ий Гусарский полк стоял до войны в Санлисе, департементе Уазы. Когда немцы стали напирать по направлению к столице, штаб-квартира перешла в Сомюр, заняв казармы знаменитой кавалерийской школы.

Направляясь из Бордо в Сомюр, я сделал крюк, заехав на один день в Париж для получения денег из банка. Поезд прибыл в Париж под утро. В этот ранний час столица только просыпалась. Из отверстий метрополитена жиденьким потоком выходил рабочий народ. Большие бульвары, обычно оживленные в этот час, казались пустынными. Убогие женщины с газетами под мышкой заменяли крикливых камло, призванных в армию. На террасах кафе не было посетителей. В этот хмурый сентябрьский день столица Франции казалась в трауре. В эти дни на берегах Марны решалась судьба столицы. Первая германская армия ген. фон-Клюка наступала на Париж, оттесняя британскую армию, на левом фланге которой находилась 6-ая армия ген. Монури. Фон-Клюк, выдвинувшись сильно вперед, потерял связ с армией фон-Бюлова. Этим воспользовался Жоффр. С 6-го по 12 сентября 1914 года продолжалась Марнская битва. Шестая французская армия, поддержанная маршалом Френчем и подкреплениями, переброшенными с правого фланга французского фронта, атаковали фон-Клюка. На берегах Марны и ее притока Урк было дано генеральное сражение, вынудившее фон-Клюка к отступлению. Это было 10 сентября. Одновременно стали отходить и прочие германские армии. В битве на Марне участвовали также 5-я армия ген. Франше-д'Эспере и 9-я армия ген.

Фоша. Ген. Гальени, военный губернатор Парижа, 7 сентября 1914 года реквизировал более 1000 столичных такси, на которых перебросил на фронт 7-ю дивизию в распоряжении командующего 6 армией ген. Монури. Впоследствии лавры Марнской победы оспаривались несколькими военоначальниками. Победитель Марны маршал Жоффр остроумно заметил, что, если бы он проиграл это сражение, то поражение было бы приписано исключительно ему, когда же вопрос касается победы, то претендентов хоть отбавляй.

Победа на Марне, спасшая Париж и поднявшая дух страны, была, до известной степени, обусловлена наступлением русской армии в Восточной Пруссии, наступлением, предпринятым исключительно с целью облегчения французского фронта. Поход русских в Восточную Пруссию, сражение у Танненберга и бой у Мазурских озер (с 3 по 10 сент.) лишили немцев возможности перебросить свои дивизии на французский фронт во время Марнской битвы, продолжавшейся с 5 по 12 сент. 1914 г.

**
*

На другой день утром я отправился в Сомюр; поезд был переполнен войсками; на станциях, к вагонам подходили дамы, угощая военных сандвичами и папиросами; особенно усердно подчивали цветных солдат колониальных войск. Арабы в живописной форме алжирских стрелков, сенегальские негры в красных фесках с апетитом поглощали все подносимое; они были в восторге от этого путешествия по Франции, в комфортабельных вагонах, с приятными остановками в пути.

Между тем поезд подошел к узловой станции. Очень много воинских поездов стояло по обеим сторонам громадного вокзала, походившего на военный лагерь. В зале первого класса перевязывали раненых; длинной вереницей стояли и сидели искалеченные люди, ожидая своей очереди. Рядом, ожидая поезда на фронт, оживленно болтали молодые альпийские стрелки.

Поезд отправился в путь и остановился только в Сомюре. На вокзале оказался караул от 3-го Гусарского полка, начальнику которого я представился. Прибыв в казармы, я был вызван в канцелярию командующего штаб-квартирой полка; ознакомившись из письма полк. Ознобишина с моим желанием скорее отправиться в армию, он сказал:

— Вам надо ознакомиться с нашими уставами, усвоить обязанности взводного; потерпите малость, явитесь эскадронному командиру, а в 7 часов вечера я вас жду в собрании, пообедаете со мной.

Командир эскадрона направил меня к вахмистру, которого я застал на конюшне; он предложил мне выбрать лошадей; в цейхгаузе выдали мне оружие и снаряжение. Позавтракав в унтер-офицерском собрании, где новые товарищи чествовали меня ликерами, я отправился в манеж.

Проводя дни в казарме и манеже, а вечера в кафе, я быстро сблизился с новой для меня средой французских унтер-офицеров и солдат.

Унтер-офицер французской кавалерии и по уставу и по обычаю занимает привиллегированное положение: ему полагается отдельное помещение, деньщик для ухода за лошадью; довольствуется он не из котла, а за свой счет, в унтер-офицерском собрании.

До войы 1914-1918 г. г., как мне рассказывали товарищи, соблюдалась традиция, в силу которой конфликты между унтер-офицерами разрешались у барьера; испросив разрешение командира полка, противники дрались на шпагах, в манеже, в присутствии дежурного офицера.

За последующую службу я убедился, что унтер-офицерский состав во французской армии безупречен; унтер-офицеры действительной службы и сверхсрочные хорошо обучены, умеют командовать и способны заменить младших офицеров, когда последние выбывают из строя во время сражений.

За время пребывания в армии меня приятно поразили

сравнительная мягкость, гибкость французской дисциплины. Строевые занятия, смотры и парады происходят в образцовом порядке, но в них нет чрезмнерной напряженности. Не могу себе, например, представить французских солдат, марширующих гусиным шагом, выпячивающих чрезмерно грудь или пожирающих глазами начальника. Первое время мне казалось, что солдаты недостаточно подтянуты. Это впечатление ошибочно и впоследствии я убедился, что излишний капорализм не вяжется с французским характером.

Как ни привлекательна была жизнь маленького сомюрского гарнизона, я не пропускал ни одного случая, чтобы напомнить майору обещание отправить меня на фронт...

В первых числах октября французская и немецкая кавалерия стягивались на флангах, по направлению к морю.

В нашем полку были потери и командир полка потребовал подкреплений. В конюшнях шла оживленная деятельность: людям раздавали отточенные сабли, патроны, унтера проверяли походную выкладку седел; на дворе энергично ковали лошадей, назначенных на фронт. Людей охватило приятное волнение, обычное перед выступлением в поход.

ОТПРАВЛЕНИЕ НА ФРОНТ

На станции с удивительной быстротой расседланы и нагружены в вагоны лошади. Трубачи сыграли «сбор» и «садись», и длинный поезд, нагруженный, кроме гусар, драгунами, понесся в путь.

На другое утро стало заметно, что мы приближаемся к тылу действующих армий: на станциях, ожидая отправки, стояли воинские поезда, одни с эшелонами, отправляющимися на фронт, другие с ранеными — с линии огня — в тыл. По всему чувствовалась близость войны,

где, волею судеб, работала дьявольская машина, перемалывавшая молодых, здоровых людей в калек.

Было 2 часа ночи, когда наш поезд остановился на станции Бэтюн в департаменте Па-де-Кале. Дальше Бэтюна поезда не шли. Комендант станции приказал немедленно выгружаться. Через 10 минут разбудили людей; они вывели лошадей и, привязав их к разбитой на перроне коновязи, тут же их седлали. На смежном пути выгружалась английская пехота, еще дальше—шотландцы. Несмотря на выгрузку прибывающих эшелонов, на перекличку выстраивающихся частей, на тускло освещенном вокзале стояла, казавшаяся зловещей, тишина. Тишина эта в сумраке холодной ночи напоминала, что мы приближаемся к кулисам так наз. театра войны.

С рассветом, под командой лейтенанта, прибывшего из полка для приемки отряда, мы двинулись по мостовым покинутого населением местечка. Мы двинулись по шоссейной дороге, с обеих сторон которой растилались поля. После перехода, длившегося не более часу, стало заметно, что мы прибыли во-время, что «рабочий» день на «театре» войны в полном разгаре. По всем направлениям ложились снаряды; падая с шумом и грохотом, эти чудовища немецкой артиллерии вырывали громадные ямы. В воздухе рвалась шрапнель, в соседней роще грохотала французская артиллерия; поодаль действовали британские батареи, по дороге мчались автомобили, скакали всадники с донесениями, трещали мотоциклетки англичан. Это оживление возрастало по мере того, как мы подвигались вперед. Небо, словно оплакивая совершающийся грех, посылало густые капли дождя, вскоре перешедшие в ливень. Подул холодный, пронизывающий ветер.

По обеим сторонам дороги, по которой мы продолжали путь, стояли спешенные массы конницы; это были полки 3-ей кавалерийской дивизии: кирасиры, драгуны и гусары. Присоединившись к третьему гусарскому полку, мы спешились; полковой адъютант разбил нас по эскадро-

нам. Командир четвертого эскадрона капитан Габаро, которому я представился, назначил меня в четвертый взвод. Несколько минут спустя раздалась команда: «садись». Наш полк, в начале шагом, затем рысью, двинулся вперед и сделав несколько километров, остановился и спешился.

Второй кавалерийский корпус ген. Коно, в состав которого входила наша дивизия, должен был поддержать правый фланг британской армии маршала Френча. Левый фланг этой армии упирался в Ипр, у которого происходили в это время оживленные бои. В них, кроме англичан, принимала участие 8-я французская армия. К северу от 8-й армии, по направлению к морю, от Диксмюда до Ньюпорта, вдоль реки Изер, сражалась бельгийская армия, во главе которой стоял король Альберт. Бельгийскую армию, весьма малочисленную, поддерживали бригада французских морских стрелков и французский первый кавалерийский корпус ген. де Митри.

Операции, производившиеся упомянутыми частями войск по фронту, упиравшемуся левым флангом в Северное море и правым в равнину, известную под названием Ля-Бассэ (к востоку от Бэтюна), носили нзвание «Битвы во Фландрии», та как они имели место на территории Бельгийской и французской Фландрии. Эти сражения продолжались весь октябрь и закончились к 15 ноября 1914 г. Самые ожесточенные бои происходили на берегу Изера, Ипра, а позднее у деревень Байоль, Кеммель и Мессин. В последних трех боях принимал участие наш полк. Мы находились в равнине Ла-Бассэ и неподалеку от деревни того же имени.

— Четвертый эскадрон, — раздалась команда капитана, — бой в пешем строю... Коноводы остались при лошадях, остальные, выстроившись в две шеренги, с карабинами через плечо, двинулись вперед. За ними следом шли прочие эскадроны полка.

Около трех часов дня, рассыпавшись цепью, мы заня-

ли глубокую канаву, отделявшую пахатное поле от просторного пастбища. Дождь перестал, показалось солнце. Артиллерийская канонада продолжалась без перерыва, но неприятельские снаряды ложились сравнительно далеко от нас. Нас отделяло 120 метров от противника, продолжавшего обстреливать наши линии. Канава, которую мы занимали, защищала нас от ружейного огня. Мы с любопытством ждали перехода в наступление.

Под вечер заговорила французская артиллерия. Множество пушек, словно сговорившись, открыли пальбу в одно и то же время и воздух огласился неслыханным гулом.

— Четвертый эскадрон, огонь пачками. — Передавали приказание по цепи.

Направление было всякому видно: от артиллерийского огня загорались фермы, занятые неприятелем и зарево пожара освещало местность.

В тылу нашей цепи находилась деревня Фоссэ, служившая опорным пунктом предпринятой атаки. К ней подохдили свежие пехотные части; рассыпаясь цепью, они обходили фланги нашей линии, состоящей из спешенных всадников. Наша цепь оказалась позади альпийских стрелков, мы очутились в резерве и прекратили огонь.

Между тем, пальба пехоты становилась все ожесточеннее, усиливалась также орудийная пальба. Затрещали пулеметы. Видно было, как альпийские стрелки постепенно продвигались вперед, оставляя на своем пути раненых.

Видно было, как уменьшается расстояние, отделяющее альпийских стрелков от горящих неприятельских ферм.

Неприятель внезапно замолк.

Альпийские стрелки осторожнее, словно подкрадываясь, передвигались вперед.

Замолкли также наши батареи и наступила тишина,

которая казалась жуткой. Вдруг послышались шум и крики множества человеческих голосов.

Трудно было разобраться, кричат ли немцы или наши, или те и другие, но всем нам показалось, что впереди завязался рукопашный бой... В это время нам было приказано двинуться бегом вперед. Прибыв на место действия, мы застали альпийских стрелков завладевших немецкими траншеями. Несколько десятков немцев было ими захвачено в плен. Зарево пожара горевшей фермы потухло в сумраке октябрьской ночи. Разбросанные трупы солдат казались привидениями. Темно-синие мундиры альпийских стрелков резко выделялись среди серых шинелей противника. В иных местах немцы и французы лежали рядом, словно смерть примирила недавних врагов. Нам было приказано расположиться по другую сторону захваченной у немцев деревни, выставив впереди сторожевое охранение. Сырая, холодная ночь казалась бесконечной. Наши шинели остались при конях. Всех клонило ко сну. Все проголодались. Неприкосновенный запас довольствия остался в седлах. Нас отпраили налегке в расчете, что мы вернемся к вечеру к лошадям. Положив голову на кивер, я, несмотря на пронизывающий холод, на дождь, заснул на поляне.

АТТАКА МЕССИНЫ

Равнина в Бельгийской Фландрии. Пронизывающий ветер, холодный, однообразный дождь.

Наша дивизия, третьи сутки,, не расседлывая коней, ждет на бивуаке приказаний.

Цепь невысоких холмов отделяет нас от долины, в которой идет бой. Но мы не видим ничего, кроме рвущейся в воздухе шрапнели. Немецкая артиллерия делает перелеты и снаряды ложатся в тылу от нас.

Отдаленный бой то стихает, то разгорается.

К большому стогу сена, у которого стоял командир полка, подъехал всадник:

— Офицер для связи при начальнике дивизии; генерал просит командиров частей собраться у ветряной мельницы, — сказал он, указав направление рукой.

Вскоре показался многочисленный конвой, среди него выделялся возвышавшийся над прочими сухопарый всадник, в черном мундире и каске; он молодцевато сидел на большой, породистой кобыле и с любопытством осматривал местность. Это был генерал Дор-де-Лястур, начальник нашей дивизии.

Он остановился у ветряной мельницы; спешившись генерал, держа в руках карту, диктовал диспозицию начальнику штаба.

В воздухе послышался шум мотора, это был немецкий аэроплан, выползший из-за туч и летавший над головами собравшегося у ветренной мельницы штаба. Наши пулеметы открыли по нем огонь; он продолжал кружиться, то подымаясь выше, то опускаясь. Вскоре зашумели моторы еще двух неприятельских аэропланов; они стреляли по ком-то из своих пулеметов. Всматриваясь в бинокль, мы, сквозь легкое облако, увидали два французских Фармана.

Было ясно, что над нами продолжается воздушный бой, завязавшийся где-то в заоблачном пространстве.

Генерал продолжал диктовать приказания.

Из отрывочных слухов мы узнали, что предстоит большой переход и бой в пешем строю.

Поздно вечером мы прибыли в разрушенную, недавно отбитую у немцев деревню Вильвергем.

Несколько раз она переходила от одних к другим; улицы были изуродованы ямами.

Деревенский каменный костел зиял ранами от артиллерийского огня. От домика кюре осталась груда камней; в беспорядке валялась разбитая посуда, большое овальное зеркало, лампа, молитвенник, подушки.

Когда мы прибыли в Вильвергем, небо очистилось от туч; из-за них выплыла луна, освещая улицы и закоулки этой бывшей деревни.

Десятки деревянных крестов у свеже усыпанных могил придавали этим развалинам кошмарный вид.

В Вильвергеме мы застали небольшие команды англичан и французов; они разговаривали почти шепотом и ходили, по одному, вдоль разваленных домов. Малейший шум вызывал немедленно пальбу; противник занимал ближайшую к нам, расположенную на возвышенности, деревню Мессин. Обладая выгодной позицией, немцы давили своим огнем и самый Вильвергем и прилегающую к нему местность.

Под обстрелом их артиллерии оказались наши обозы и резервы. Немцы, повидимому, очень дорожили занятыми в Мессине позициями; между тем французское командование поставило ближайшей задачей вырвать у противника Мессин.

На рассвете нас разбудили, повели полем из разрушенной фермы и приказали рыть окопы; готовили линию обороны.

Хмурое и плаксивое утро, обычное во Фландрии в это осеннее время наводило уныние.

Был полдень, когда нам принесли в окопы, в парусиновых ведрах, из которых поят лошадей, горячий суп и кофе; запах пищи и голод отвлекли внимание от артиллерийского урагана наших «75»; французские пушки орошали снарядами Мессин. Повидимому артиллеристам удалось напасть на немецкие батареи; они совершенно смолкли.

В это время мы получили приказание немедленно оставить окопы и занять Мессин.

Как только мы подошли к покинутым немцами окопам, противник, с занятых им новых позиций, открыл сильный ружейный и пулеметный огонь; наши ряды стали редеть. Мы получили приказание спуститься в покинутые немцами траншеи.

По обе стороны окопа лежали раненные французы и немцы; они стонали и просили помощи; не было, однако,

никакой возможности заняться ими, до того обстреливали немцы занятую нами позицию.

Было девять часов вечера, когда нас сменили англичане.

Одни выходили из окопов, другие спускались в них.

Мы направились через Вильвергем на большую дорогу, которая вела к оставленным лошадям.

Коноводы, с лошадьми в поводу, вышли нам навстречу.

Полк пошел вначале шагом, затем рысью, все больше отдаляясь от Мессин, Вильвергама, от разрушенных ферм, грохота орудий, носилок с ранеными. Более 20 километров отделяло нас еще от деревни, назначенной для ночлега.

Постепенно перед нами раскрывалась панорама мирной жизни. Казалось странным, что почти по соседству с равниной, где умирали люди, безмятежным сном отдыхают обыватели, мычат коровы, лают деревенские псы. Приятно было видеть уютные домики, приветливые садики, мирные фермы. И проезжая, то шагом, то рысью, по этим деревушкам невольно думалось:

— Как хороша жизнь, самая серая, однообразная жизнь в жалкой лачуге, у скудного, потухающего камелька.

И как тяжела война.

ПРОРЫВ ФРАНЦУЗСКОЙ КАВАЛЕРИИ
ИСЧЕЗАЕТ ПОЭЗИЯ ВОЙНЫ

В эту раннюю пору войны, можно было еще стремиться к прорыву фронта и французское командование сделало попытку заставить противника выйти в открытое поле.

В этот день, бесконечная поляна приняла необычный для мирной Фландрии вид. Кавалерийские части стягивались с раннего утра, беспрерывной волной. Эскадроны кирасир, драгун и гусар чередовались живописной африканской кавалерией.

Казалось, конца не будет этому множеству всадников, продолжавших выстраиваться на поляне.

Постепенно все пространство кругом, насколько его можно было охватить глазом, превратилось в большой кавалерийский лагерь. Длинные хвосты касок кирасир и драгун придавали всадникам античный вид.

Скомандовали: «Сабли вон».

Проскакал генерал со своим штабом, бросая рассеянный взгляд на выстроенные полки.

— Сабли в ножны, — слезай.

Неподвижная до сего масса зашевелилась, заволновалось бесконечное море всадников, устанавливая в козлы карабины, втыкая в землю пики, батуя лошадей.

Поднялся шум множества молодых голосов; поднялась суетня и возня большого, воруженного табора; появились костры, вокруг которых грелись, готовили кофе и жарили мясо.

Пасмурный осенний день близился к концу. С наступлением вечера становилось прохладно и свежо.

Людям запретили разводить костры, разговаривать и удаляться от своих лошадей.

Солдаты дремали возле своих коней, кутаясь в плащи; лошади грызли траву и мордами, то и дело, толкали спящих солдат.

Громадный лагерь замер в своем сне и только ржанье лошадей и редкие окрики дневальмых по коновязи нарушали тишину.

Задолго до восхода утренней зари зашевелился лагерь; команды подавались вполголоса, люди обменивались еле слышными фразами.

Две бригады тяжелой кавалерии веером разошлись на рысях в разные стороны.

За ними, на некотором расстоянии, двигались гусары и конные охотники.

Под покровом исчезающей ночи совершалось передвижение этого моря сабель и пик; восходившая утренняя

заря, словно приветствуя лихой французский набег, освещала путь кирасирам.

Спустя короткое время, впереди нас всадники внезапно поскакали галопом; не ожидая команды, мы бросились за ними тем-же алюром.

Навстречу нам скакали штабные офицеры.

Громадные конские массы, словно волны разбушевавшегося моря, то подымаясь, то опускаясь, неслись вперед, грозя все разнести на своем пути. И казалось никакие силы не в состоянии сейчас отановить этот поток сабель и пик, этот живой ураган всадников и возбужденных шпорами лошадей.

Но вдруг совершилось что-то непонятное: на полном галопе части перешли на рысь, затем на шаг, падали кони и люди; вдали раздавались команды, которые под шум сталкивающихся стремян, сабель и шпор нельзя было разобрать. В это же время послышался свист пуль. Все это продолжалось секунды.

Командиры полков приказывали трубачам играть сбор и части быстро выстраивались вокруг своих командиров.

Эти полки стали отходить по разным направлениям. Все стали догадываться, что наши авангарды наскочили на непреодолимые для них препятствия.

Так оно и оказалось в действительности: с удивительной быстротой немцы вырыли траншеи и соорудили проволочные заграждения, ловко замаскировав те и другие. Еще за несколько сот шагов наши авангарды были встречены огнем пулеметов, однако продолжали скакать вперед и, дойдя до проволоки, пытались разрубить ее саблями.

Так кончился смелый Мюратовский порыв французской кавалерии.

После этой атаки стало ясно, что кавалерия на долгое время обречена на бездеятельность, что встреча врагов в конном строю отходит, по воле немцев, в прошлое, что в

эту прозаическую кампанию постепенно исчезает романтизм прошлых войн.

И, словно в подтверждение этих фактов, нас вскоре стали усиленно приспособлять и готовить к окопной войне.

Начали с того, что у кирасир отняли латы, блестящие мундиры кавалеристов заменили походными куртками серо-синего цвета; традиционные красные рейтузы заменили серыми; на каски и кивера гусар надели синие чехлы.

Солдат вооружили лопатами, кирками, щипцами для резания проволочных заграждений, их снабдили бомбами и ручными гранатами.

Стали производиться учения в пешем строю, с копанием ям, с обучением лошадей прыгать через траншеи.

Проходили дни, проходили долгие осенние ночи, под пасмурным небом Фландрии, в залитых водою полях, в разрушенных снарядами деревнях.

Бои, засады в холодную, беспросветную ночь, походы из Франции в Бельгию и из Бельгии во Францию сменялись продолжительным отдыхом в тылу.

Было хорошо и уютно на этих отдыхах: каждый взвод занимал отдельную ферму. Во Фландрии фермы разбросаны уединенно, напоминая русские хуторки. В Бельгии они часто расположены на живописных холмах, среди больших ветреных мельниц.

Когда мы стояли вблизи местечек, удавалось махнуть на часик «в город».

Это было большою радостью. Взглянуть на мирную городскую жизнь, на теплые домики, на окна, уставленные цветами. Но и сюда, в эти медвежьи углы Северной Франции проникла суэта войны. Безмятежный, скромный Мервиль походил на международный караван-сарай. По улицам то и дело скакали арабские всадники в красочных костюмах полка спаисов; их бурнусы развевались по ветру.

На маленьких арабских лошадках рысили африканские

охотники, в красных фесках, синих мундирах, с красными поясами и красных рейтузах.

Скакали с донесениями высокие, стройные, как пальмы, индусские всадники, с черными, выбивавшимися из-под чалмы, кудрями волос и большими, глубокими глазами.

Английские гусары, французские драгуны, австралийцы в широрокополых шляпах, сенегалийцы в форме колониальных войск.

Несмотря на эту смесь народов и наречий, на это кажущееся столпотворение, — на всем лежал отпечаток порядка и дисциплины.

Преобразился старый патриархальный Кассель, маленький Газебрюк, преобразились уютные, спокойные местечки французской Фландрии; война взбаламутила их тишь.

Между тем, усиленно формировалась британская армия; ее свежие полки сменяли французскую конницу, постепенно отходившую в тыл.

Наш полк расположился около станции Ваттен, по линии ведущей от Сент-Омера — штаб-квартиры маршала Френча, в портовый город Кале. Было скучно и тоскливо.

С нетерпением ждали весны, солнца, движения вперед и победы, быстрой победы.

У всех таилась уверенность, что весна принесет с собой эту победу.

БОЛЬШИЕ ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ

Стояли холодные дни; по утрам и вечерам бывали заморозки, но солнце, уже ласкало взор и согревало душу, словно суля перемену военного счастья. Мы давно покинули холодную серую Фландрию.

Мы кочевали с места на место и походом прошли с левого фланга почти до его правого фланга.

Мы кочевали неделями по долинам Оба и Марны, по

холмам и долинам Лотарингии, с ее многочисленными речками и лесными чащами, с ее чистенькими, уютными дервушками и богатыми местечками. Эти большие походы ранней весной, под ярким солнцем, кажутся мне сейчас поэтическим путешествием по большому, тенистому саду, каким бывает Франция в это время года.

Когда полки подходили к деревне, то девушки и женщины, заслышав конский топот выбегали из домов на улицу. Оне заглядывались на молодых здоровых всадников и на их красивую форму. Кавалеристы безмолвно благодарили за это внимание и посылали девушкам такие взгляды, от которых оне стыдливо опускали глаза и сдержанно улыбались.

Настали летние дни, мы все время находились в походе: нас перебрасывали с одного боевого участка на другой. Редко приходилось провести две ночи подряд на одном и том же бивуаке. Эти кочевания в чудные летние дни, в теплые лунные ночи вносили приятное разнообразие.

Лотарингия. По обеим сторонам большой дороги, по которой передвигается наша дивизия, тянутся поля, изрытые ямами снарядов, усеянные деревянными крестами. На этих крестах — красные французские кэпи.

Мы сделали тридцать километров. Цепь небольших холмов превращена в позиции, занятые 2-ой кавалерийской дивизией. Несколько позади этих холмов тянется большой Мондонский лес, на опушке которого располагаются наши полки. Нам поручено спешно укрепить этот лес, у которого ожидается сражение.

Это было в первых числах мая 1915 года. Стояла жара и прохлада сырого леса казалась истым наслаждением.

Покинут Мондонский лес. На наше место прибыла пехота. Мы спешим на другой конец фронта, в департамент реки Сом, где идут жестокие бои. Затем отходим назад, отдыхаем в деревне Фурдринуа, откуда разрешаются впервые отпуски на несколько часов в ближайший Амьен.

Поездка, даже в маленькое местечко, — радостное событие на десятом месяце войны. Всякий с нетерпением ждет своей очереди. Когда эта очредь доходит до меня, я отправляюсь в стоявший в соседней деревне 5-ый драгунский полк, где ко мне присоединяется мой приятель и соотечественник — лейтенант Скадовский, с которым мы отправляемся верхом в Амьен.

Завтрак в хорошей гостиннице, белые скатерти, тонкие сигары.

— Допивай скорей кофе, — торопит меня Скадовский, через час возвращаться, не успеем посмотреть в городе хорошеньких.

После моего перевода в Салоники, Скадовский, с которым я переписывался, сообщил мне что и он покинул славную 3-тью Кавалерийскую дивизию; отбыв учебный стаж, он перешел наблюдателем в авиацию. Затем мы потеряли друг друга из виду. Прошли многие годы.

После экзамена в Префектуре Полиции Парижа, я стал гидом. Возвращаясь однажды с группой молодых англичан из Версаля в Париж, я позвал несколько такси, для моих туристов; на одном из автомобилей, в качестве шофера, сидел Скадовский.

ПОКИДАЮ 3-ий ГУСАРСКИЙ ПОЛК И ПЕРЕВОЖУСЬ НА БАЛКАНЫ

В Гешаре — большой деревне департамента Па-де-Кале, — наш полк расположился на зимние квартиры.

Впереди меня ожидала тоскливая осень, скучная зима, с сидением в траншеях.

Как раз в это время разгорались события на Балканах. Франция снаряжала экспедицию на помощь Сербии. Я доложил командиру полка о моем решении отправиться в Салоники и подал рапорт по команде о переводе в войска экспедиционного корпуса.

Чтобы ускорить перевод, я воспользовался моей оче-

редью отпуска. Мое ходатайство было удовлетворено очень быстро.

Я узнал в военном министерстве, что назначен в 8-ой маршевый полк африканских конных стрелков.

Вернувшись в полк, простившись с моими товарищами и людьми моего взвода, — я отправился в большой Вальбонский лагерь, около Лиона, где формировалась кавалерийская дивизия, предназначенная на Восток.

Я застал лихорадочную деятельность в штабе дивизии.

С французской гибкостью и быстротой снаряжались в далекий поход полки африканских стрелков. Когда все было готово и начальник дивизии, генерал Лаперин, с часу на час выжидал приказа о выступлении, обедавшему с нами генералу подали срочную телеграмму. Мы узнали из нее, что дивизию приказано расформировать и что в Салоники отправится только одна бригада, под командой генерала Фротье.

Известие это опечалило всех присутствующих и, быть жет, больше всего самого генерала.

— Я испрошу разрешения военного министра отправить вас с бригадой генерала Фротье — успокаивал меня любезный генерал.

И действительно, через 2 дня, состоялся приказ о моем откомандировании в бригаду африканских стрелков. Штаб бригады стоял в Женасе, под Лионом, в ожидании отправления в путь; тут-же был расквартирован 4-ый полк Африканских конных стрелков, которым командовал полк. де-Фурту.

Когда наконец, пришла депеша из Парижа, с приказом двинуться в дорогу, — все обрадовались отъезду.

В Марселе, несмотря на конец октября, мы застали жару. К обычному движению этого шумного города, прибавилась суета военного времени.

По мостовым проходили полки цветных солдат, призванных со всех концов вселенной. Одни перебрасывались из Африки, Азии и Австралии в Европу, другие на-

правлялись с французского фронта в Дарданеллы, Салоники и Египет.

ПОХОД В САЛОНИКИ

В темную ночь, без огней, без гудков, плывет по волнам Средиземного моря «Шауя», французский военный транспрт; конвоирующий его миноносец должен защищать его от неприятельских подводных лодок. Порой, из-за нависших туч, выплывает луна.

Она освещает таинственную «Шаую», ее высокие мачты, палубу, лошадей, привязанных у бортов, расставленные пушки и пулеметы.

Красные фески и широкие красные кушаки солдат придают спящему табору своеобразный калорит.

«Шауя» плывет к далеким берегам, нагруженная эскадронами кавалерии, батареями, обозами, оружием и снарядами.

В кают-кампании было оживленно и весело.

Море не качало, стояла хорошая погода и генерал, не переносивший качки, был в этот день хорошо расположен и общителен. За рюмкой ликера, окруженный офицерами, он рассказывал свои африканские походы.

Старый генерал с увлечением вспоминал свою молодость, проведенную в Судане и Конго; вспоминал имена Гуро , Гальени, Лиотея.

На 2-ой день с нами поравнялся французский миноносец «Вольтижер»; возвращаясь в Марсель; он предложил «Шауе» сдать почту во Францию.

Матрос ловко перебросил на веревке мешок с письмами и «Вольтижер», пожелав нам, на языке своих сигналов, счастливого пути, — взял курс на запад.

К вечеру море стало капризничать... Его лазурная гладь стала покрываться седыми барашками, вначале маленькими, потом все более высокими... Небо покрылось тяжелыми, низко спадавшими тучами. Поднялся неисто-

вый, жестокий ветер. Темнее становилась ночь. Все больше зверело море. С диким шумом налетали высокие волны, поднимая на свои гребни корабль, затем быстро опуская его в морские впадины.

Под утро море, словно усталое от ночной оргии, лениво качало свои зеленоватые волны.

Эгейское море. На палубе тепло, словно в летнюю погоду. Ярко сияет солнце. Все яснее вырисовываются берега Греции.

Но «Шауя» избегает берегов Эллады и держит курс на северо-восток, лавируя между множеством островов, которыми усеяно море.

Негостеприимны эти берега: под сенью их скрываются подводные лодки, высматривающие военные транспорты. Мы приближаемся к Салоникскому заливу. Залив оживлен: по нем крейсируют английские и французские сторожевые суда; словно чайки, усеяли залив греческие шхуны.

Приближалась вечерняя заря, когда мы входили в Салоникский рейд; внушительно стояли на рейде британские и французские броненосцы; стройный русский «Аскольд» выделялся среди других крейсеров своими пятью трубами.

Все ярче вырисовывались Салоники. Расположенный амфитеатром большой восточный город, со своими минаретами, с большой зубчатой цитаделью, казался при лучах заходящего солнца, романтичным и таинственным.

А когда наступила ночь, незнакомый город засиял тысячью огней; с бортов «Шауи» огни эти казались манящими.

На большом, холмистом пустыре, которому греки дали название «Зайтенлик», в нескольких верстах от Салоник, разбивали свои палатки французские и британские войска. В короткое время, мертвый пустырь превратился в большой, оживленный лагерь.

Стройные ряды солдатских палаток, с выставленными в козлы ружьями, коновязи конных и артиллерийских

частей, правильные шеренги пушек и обозов, — казались необычными у стен этого восточного города.

Местные жители часами стояли у большой, ведущей в Серес дороги, вдоль которой раскинулся лагерь, и с любопытством смотрели на эту дисциплинированную суету, на это войско, весь день которого так правильно и строго распределялся сигналами трубача.

Генеральская палатка-марабу, разбитая на верхушке холма, в которой мы собирались, господствовала над раскинувшимся лагерем, над заливом и самим городом.

С высоты этого холма открывалась панорама, удивительная по своей красоте; она усиливалась вечером, когда небо покрывалось звездами, когда недалекая бухта освещалась тысячью огней.

В палатках загорались огни и придавали холмам Зайтенликского лагеря фантастический вид. И только к северу, за горами, царило безмолвие. В этих горах и ущельях Македонии несколько французских дивизий выдерживало, в это время, у Криволака натиск болгарской армии.

Мы ожидали с часу на час выступления в горы.

Испрашивая разрешение у генерала, мы отправлялись верхом в Салоники.

Большой и шумный город казался таким заманчивым в первые дни. Его главная улица, растянутая от пристани до туземных кварталов, и называвшаяся улицей Венизелоса, отражала пестроту космополитического города.

Трудно было протолкаться сквозь разноязычную толпу, сновавшую по мостовой этой улицы.

Завидев офицеров, из лавок выскакивали торговцы, на ломаном французском языке зазывая к себе; подбегали конкурренты, уверяли, что товар противника гнилой и горячо убеждали следовать за ними. То и дело подходили оборвыши, предлагая повезти к «красивым дамам».

— Хотите маленьких испанок? Хотите румынку, — только что приехала из Бухареста? — надоедает нам мальчишка.

Спустя минуту подбегает другой оборванец и, отталкивая своего «коллегу», кричит:

«Не верьте ему. Он вас поведет к старухам. Если хотите молодых и здоровых, то идите со мной».

На высотах, господствующих над европейскими кварталами и рейдом, на скатах холмов, амфитеатром расположены туземные кварталы, — в них ютилась нищета этого большого разноплеменного города.

В пасмурное декабрьское утро мы покинули лагерь Зайтенлик. Двигаясь на север и отдаляясь от моря, мы попали в густой непроницаемый туман. Отряд ген. Фротье, состоявший из конницы, артиллерии и полка зуавов направлялся к озеру Дойран, где ему приказано было занять позицию. В случае надобности отряду полагалось прикрывать отступление французских и британских войск, оказавшихся в затруднительном положении на правом и левом флангах фронта. Поход оказался более тяжелым, чем можно было предполагать. Македония, бывшая театром многочисленных балканских войн, превратилась в бесплодную, безлюдную пустыню; эта горная вымершая страна удручала своей неприветливостью; нечего было и думать довольствовать армию за счет страны; интендантство вынуждено было ввозить провиант и фураж из Франции; первобытные колесные дороги становились непроходимыми после первых дождей; снабжение войск производилось на вьюках. Выступив из Зайтенликского лагеря, мы, в первый же день, вынуждены были отправить обратно наш обоз, с неприкосновенными запасами, с нашим багажем, походными кроватями; мы должны были ограничиться вьючными лошадьми. На бивуаках, наравне с простым солдатом, старый генерал, начальник отряда, спал, завернувшись в шинель, на сырой земле.

Французский солдат, избалованный мягким климатом своей родины и сравнительными удобствами на французском фронте, очутился в совершенно чуждой для него обстановке, полной лишений.

В тяжелых условиях Балканской Экспедиции сказалась сила духа французской армии, которая и сейчас, как и сто лет назад, в Наоплеоновский поход в Россию, проявила необыкновенную стойкость, выносливость и дисциплинированность.

Движение отряда замедляла отставашая от нас полевая артиллерия, с большим трудом передвигавшаяся по холмистой, лишенной дороги, местности. Мы неоднократно сбивались с пути; карты, которыми мы располагали, оказались неправильными и мы двигались по компасу; за все время нашего похода мы не встретили живой души, у которой можно было бы спросить дорогу.

Вслед за авангардом, состоявшим из одного эскадрона 4-го полка Африканских конных стрелков, следовал начальник отряда, со своим штабом и конвоем. Я командовал конвоем; за нами следовали главные силы. Колонна растянулась на много верст, двигаясь по одному пути, который едва-ли можно назвать дорогой; к западу от нас в долине Вардара и к востоку, у берегов Струмы, находились французские войска, составлявшие левый и правый фланги армии.

Однажды в темную, ненастную ночь, усталые и продрогшие мы наткнулись на уцелевшую каким-то чудом ферму Нарешь. Ее хозяева, оказавшиеся турками, приветливо встретив нас, разложили во дворе костер для людей, а нам предложили греться у тлеющего камина. Старый турок, в феске с чалмой, готовил нам кофе; уступив свое убогое ложе генералу, наши «враги» расположились на ночлег на полу, рядом с нами.

Следует заметить, что в конце 1915 года положение на Балканах было крайне тяжелым: в сентябре 1915 года австро-германцы, к которым в октябре того-же года, присоединились болгары, перешли в наступление против сербской армии; последняя, ослабленная кампанией 1914-го года, лишениями и тифом, вынуждена была, отступая, эвакуировать свою территорию, направиться в Албанию и совершить зимой, — это было в ноябре

1915-го года, — невероятно тяжелый переход в горах, прежде чем достигнуть побережья Адриатичского моря; ген. Сарайль, располагая незначительными силами, переброшенными в Салоники из Дарданелл, пытался притти на помощь сербам; союзные войска были направлены вверх по Вардару и в сторону озера Дойран. Помощь эта оказалась запоздалой. Сербы с берегов Адриатического моря были направлены позднее на о. Корфу, куда стали прибывать в январе 1916 года; оправившись они, заботами французского командования, были вооружены и отправлены в ряды Салоникской армии, проявив там много доблести.

Генерал Сарайль настойчиво, но безуспешно требовал подкреплений; главнокомандующий ген. Жофр находил опасным ослаблять французский фронт и снимать с него дивизии для Салоникской армии. Вообще, как утверждали, Жофр не был сторонником Балканской экспедиции; между тем как Аристид Бриан, в то время Председатель Совета Министров, высказывал уверенность, что судьба кампании разрешится на Востоке, а не на французском фронте, где позиционная война угрожала затянуться на долгое время. Будущее, как известно, подтвердило, до известной степени, предположение Бриана.

В сентябре 1918 года болгарская армия, под напором союзных войск, под командой генерала Франше д'Эсперэ, сложила оружие, а в октябре 1918 года, царь Фердинанд отрекся от престола.

ОТХОД К МОРЮ

Мы простояли некоторое время в Чугунцах, а затем, вслед за отступлением расположенных к северу от нас частей, главным образом британских, отходили на юг. Когда союзные войска достигли высот, господствующих над Салоникским заливом, они остановились и стали укрепляться на занятых позициях.

Осторожность, которую проявил в начале Балканской Экспедиции ген. Сарайль, была вынужденной. Располагая незначительными силами он, кроме того, должен был учитывать опасения, которые внушала политика Греческого Короля Константина, шурина Германского Императора. Король, невзирая на союз с Сербией, относился враждебно к дессанту союзников в Салониках, чинил препятствия Экспедиционному Корпусу и, как выяснилось впоследствии, был склонен присоединиться к Центральным Державам и ударить в тыл союзных войск; такого было положение в конце 1915 и начале 1916 г.г.

В 1917 году конъюнктура изменилась: союзники принудили Короля отречься от престола; у власти стал Венизелос; объявив войну Центральным державам, греки стали на стороне союзников.

В конце 1917 года ген. Сарайль сдал командование. Позднее, в 1918 году, в командование Восточной Армии вступил генерал Франше-д'Эспере. Располагая достаточными силамиа, около 300.000 штыков и сабель, он, в сентябре 1918 года перешел в наступление, разбил болгарскую армию и обратил противника в бегство. В конце сентября 1918 года французская кавалерия победоносно вступила в Ускюб.

Болгары сложили оружие и заключили перемирие. К сожалению мне не довелось участвовать в триумфальном марше французских войск в Македонии. Весной 1916-го года, заболев, я был эвакуирован в Салоники, затем во Францию.

Малярия или как ее называли здесь — паллюдизм, обладает способностью еще вчера здорового человека, превращать в скелет и подрывать его силы; но морской воздух, которым мы дышали несколько дней во время плавания из Салоник в Тулон, быстро воскрешал силы.

Нас отправили из Тулона в Виши, в военный госпиталь. Стояла холодная зима и, за недостатком угля, в госпитале не топили; все мы проводили время в местных

кафе, хорошо отапливаемых, являясь только к завтраку и обеду.

По выходе из госпиталя, я получил назначение в 6-ой Гусарский полк, в Марсель. Было приятно очутиться в этом оживленном городе, с его жизнерадостными, экспансивными обитателями.

Дни проходили в полку в обучении молодых солдат и несении караульной службы.

ЛАГЕРЬ НЕМЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ

Спустя некоторое время я был откомандирован в лагерь военно-пленных германских офицеров, расположенном в горах Овернь, в шато де Сент-Анжо. Проволочные заграждения и расставленные кругом часовые придавали ему таинственный вид.

Казалось странным, в первые дни, жить под одной крышей, вращаться и иметь дело с людьми, которых, до того, я видел только на полях сражений и, как врагов, должен был подстреливать.

Несколько раз в день их выстраивали на дворе для проверки, ночью мы обходили палаты и изредка производили обыски. Пленные располагали временем по своему усмотрению, играя в тенис, прогуливаясь во дворе, занимаясь музыкой и чтением. Они довольствовались из того-же котла, что и мы; палаты хорошо отапливались и в их распоряженнии был душ. Отношение к ним — корректное.

Надзор за пленными осложнялся временами эксцессами, которым предавались пленные: они напивались до потери сознания, после чего поднимали шум и скандалили. Приходилось вызывать караул и водворять их в палату. На другой день являлись к нам старшие офицеры, извиняясь за бесчинства своих младших товарищей и просили не накладывать наказаний. Просьбы эти обыкновенно удовлетворялись.

КОМАНДИРОВКА В РОССИЮ И В ПЕРСИЮ

Отречение Императора Николая и последовавшие за тем события в России, произвели тяжелое впечатление во Франции. Не без основания опасались, что мартовская революция, брожение в обществе и в войсках, молодая, неопытная власть подточат боеспособность русской армии.

В скором времени, получаемые из России известия, стали подтверждать эти опасения. Меня тянуло в Россию.

В мае, 1917 года мое ходатайство о командировке в Россию, поддержанное гр. Игнатьевым, в то время военным агентом, было удовлетворено французским Главным Штабом. Одновременно, штаб отправил небольшой отряд, имевший специальное назначение в русской армии. Он состоял из русских подданных, служивших нижними чинами во французских войсках. Это были политические эмигранты, поступившие добровольцами с начала войны. Начальником отряда был капитан Осберг, тоже эмигрант и бывший кадровый офицер русской армии; его помощник лейтенант Пальчевский. Идея снаряжения этого отряда заключалась в том, чтобы чины его, распределенные в России по частям войск, личным примером и престижем своего политического прошлого, убедили солдат продолжать войну. Предполагалось, что они окажут противодействие пораженческой пропаганде, растлевавшей в то время русскую армию. Однако, экспедиция эта не увенчалась успехом: за весьма малым исключением, солдаты этого отряда, по прибытию на родину, сами поддались заразе и вышли из повиновения. По прибытии в Петербург, начальник французской военной миссии ген. Жанен, командовавший впоследствии чехословацкими войсками в Сибири, и, французский военный агент полк. Лавернь, назначили меня на Кавказский фронт.

Тифлис, в котором прошли мои школьные годы, я застал серым и запущенным. Обычно полный жизни и су-

еты Тифлис, с его Майданом и Авлабаром, с его Азиатскими базарами, принял вид заброшенного провинциального города. Кавказ — это поэтическое преддверие Азии — казался надевшим траур по былому величию.

Французской службы полковник Шардиньи, в распоряжение которого я прибыл в Тифлис, командировал меня на Персидский фронт для объезда позиций 7-го Отдельного Кавказского Корпуса, которым командовал генерал кн. Вадбольский и штаб которого находился в Урмии. Выполнение этой миссии потребовало несколько недель. Этот фронт, растянутый на сотни верст, захватывал долины Салмаса, Урмии, Сулдуза и Горный Курдистан.

По возвращении из этой поездки, я получил новую командировку в Азиатскую Турцию, в Трапезундский район, для объезда войск 5-го Кавказского Армейского Корпуса. Миноносец доставил меня из Батума в живописно расположенный на высоком обрывистом берегу турецкий город; тенистые сады и кипарисовые рощи Трапезунда показались мне раем после голых, выжженных солнцем холмов персидского Курдистана.

В горах, в 25-ти верстах от Трапезунда, в деревне Ливера, был расположен штаб корпуса, которым командовал в то время ген. Чернозубов. Его чины и управления были размещены в уютных, рассеянных по склонам гор, виллах, утопавших в тенистых садах и рощах; от них и от струившихся горных ручейков веяло прохладой, столь желанной в эту знойную осень.

Ливера была в обычное время дачным местом, куда спасались от летней жары трапезундские паши и богатые турки. Позиции русских войск Трапезундского раиона были расположены на вершинах высоких гор, покрытых вековым и девственным лесом. Проложенные в горах болшие шоссейные дороги, наследие римских легионов, тянулись широкими лентами от моря и исчезали в глубине гор. Античные, из камня высеченные фонтаны,

казались в этих пустынных и диких местах, укором древнего Рима современным Османам.

Вьючные тропы и следы горных потоков вели на высоты, занятые русскими войсками. Глубокие ущелья отделяли их от турок. Изредка, словно наскучив долгим бездействием, противники обменивались ружейными и пушечными выстрелами.

В Ливере, куда я вернулся из поездки по фронту, — это было в начале декабря 1917 года, командир корпуса сообщил мне, что новое большевицкое правительство, захватившее власть в Петербурге, заключило перемирие с Центральными державами. В связи с этим обстоятельством, Кавказское правительство, в свою очередь, заключило 3-го декабря перемирие с турками и отдало приказ по армии о приостановлении враждебных действий.

По получении этих неожиданных новостей в штабе корпуса, я счел мою миссию законченной и вернулся в Тифлис.

Между тем, военные представители союзных держав, при штабе Кавказского фронта, в Тифлисе, были озабочены, не взирая на предстоящее заключение мира, сохранить этот фронт, с падением которого освободившиеся турецкие дивизии обрушатся против британских войск, находившихся в то время в Месопотамии и Персии, приблизительно на линии Багдад—Моссул. Во избежание этой опасности, решено было представителями Франции, Англии и Америки, по соглашению со штабом фронта, приступить, не теряя времени, к формированию так называемых национальных войск.

Идея была великолепна, но выполнение ее представляло большие трудности. Начать с того, что обнажаемый русскими войсками фронт тянулся на 900 верст. 6 русских корпусов, численнотью в 200.000 штыков, занимали этот фронт, шедший от Черного моря до Урмийского озера, от Эрзинджана на Эрзерум, Ван, Хай, Урмию, Ушнуэ и Соудж-Булак.

Эти национальные войска должны были набираться среди народов, населяющих Закавказье. Предполагалось сформировать армянские, грузинские и татарские дивизии, русский корпус из добровольцев и одну греческую дивизию.

Однако, по разным причинам, ни русских, ни греческих частей сформировать не удалось. Татары уклонились от враждебных действий против своих единоверцев.

Вся тяжесть по защите фронта, от Эрзинджана до Ванского озера, выпала на Армян, во главе которых находился генерал Назарбеков. Иррегулярные части из сельчан русской Армении, были под командой Андроника, национального героя Армян, всю жизнь проведшего в борьбе с турецким игом. С невероятными усилиями и в крайне тяжелых условиях, войска генерала Назарбекова отражали турок и удержали фронт вплоть до мая 1918 года.

Помимо отмеченной выше линии от Черного моря до Ванского озера, большое значение придавалось персидскому фронту, занимавшему долины Салмаса, Урмии, Сулдуза и горы Курдистана. Для его сохранения решено было формировать войска из Ассирийцев и Армян, населявших эти долины.

Представитель Франции, полковник Шардиньи, в распоряжении которого я продолжал находиться, ознакомив меня с проэктом союзников, предложил отправиться в Урмию и приступить к формированию этих войск. Он заметил, что не в состоянии снабдить меня более подробными инструкциями, так как обладает скудными сведениями о численности Ассирийцев, о запасах вооружения и довольствия, оставляемых в Персии русским командованием. Англичане, добавил он, как непосредственно заинтересованные в сохранениии персидского фронта, взяли на себя снабжение будущих войск денежными средствами и оружием.

Польщенный доверием полковника, вверявшего мне столь важную миссию, я был, однако, удивлен, — в

душе, конечно, — крайней расплывчатостью полученных инструкций. Эта неопределенность, необычная в военном деле, наводила меня на целый ряд вопросов.

Заметив мое недоумение, которое трудно было скрыть, полковник заявил:

— Вы явитесь авангардом союзников в Урмии. В непродолжительном времени туда прибудут офицеры союзных армий; унтер-офицерский состав я вытребую из Франции. Затем, поздравив со славой, которая меня ожидает в Персии, он пожелал счастливого пути.

В ДОЛИНЕ УРМИИ

15-го декабря 1917 года я прибыл в Урмию. От генерала кн. Вадбольского, которому я представился, я узнал, что войска 7-го Отдельного Кавказского корпуса, которым он командовал, отправляются на Родину и что с уходом последнего эшелона, генерал и офицеры его штаба покинут Персию. Отдельные офицеры, если желают, могут остаться на месте и продолжать службу в ассирийских войсках.

Ознакомив меня с положением в Урмии, и запасами вооружения и продовольствия, оставляемых корпусом, генерал пригласил к себе духовного и светского главу Ассирийского народа, патриарха Мар-Шумуна и представил меня этому священнослужителю.

От наружности и манер Патриарха, не взирая на его молодость, повеяло древним, библейским Востоком.

Патриарх Востока и Индии, — таков официальный титул Мар-Шумуна, считал себя главою всех Ассирийцев, рассеянных, с падением Ассиро-Вавилонского царства, по всему земному шару. Эти отпрыски древнейшей семитической и когда-то воинственной расы разбросаны в настоящее время по городам Индии, Египта, Персии и Закавказья, где они занимаются торговлей и ремеслами. Они исповедуют все существующие христианские религии. На этих ассирийцев власть и влияние несториан-

ского патриарха Мар-Шумуна фактически не распространялись и звучный титул патриарха Востока и Индии имел значение платоническое. В действительности подвластны были ему горные ассирийские племена, населявшие Мессопотамию, по верховьям Тигра, в окрестностях Мосула. Племена эти, известные под именем Джило, являются отпрысками древних воинственных ассирийцев, сохранившие расовую чистоту; никакие превратности судьбы, постигавшие Ассиро-Вавилонское Царство, не удалили этих горцев с берегов Тигра. Верные стражи, они продолжали жить на местах, окружавших древнюю Нинивию — эту легендарную столицу Семирамиды, занимаясь охотой и скотоводством; племена эти, управляемые маликами, — чем то в роде феодальных князьков, — вели между собой нередко войны, кончавшиеся военной добычей, главным образом уводом скота. Территория, на которой жили Джило принадлежала Оттоманской Империи и сами Джило являлись турецкими подданными. Однако, Порта не взыскивала с них податей, ни повинностей, махнув, повидимому, рукой на воинственных горцев, засевших в мало доступной, горной местности.

Во главе этих племен и их маликов стоял Мар-Шумун. Его духовная и светская власть была наследственной, всегда по мужской линии, и за безбрачием несторианских патриархов, переходила к брату или к отдаленному родственнику. Преобладающей религией было несторианство. Однако в последнее время, с проникновением к верховьям Тигра французских миссионеров, участились случаи перехода в католичество.

В 1914 году, когда Турция примкнула к Центральным Державм, у Мар-Шумуна возникла мысль покинуть Оттоманскую Империю и, перейдя, во главе своих племен, недалекую границу с Персией, направиться в Урмию под покровительство России. Преодолев сопротивление некоторых маликов и влиятельных стариков, настаивавших на верности Падишаху, он двинулся в путь, сопровожда-

емый горцами, их семьями и стадами и, таким образом, в Урмии и Салмасе оказалось 30.000 джило, обоего пола. Русские власти приняли пришельцев и взяли на себя заботы об их довольствии. Из храбрых предпиимчивых горцев стали формировать дружины разведчиков, оправдавших вполне свою репутацию. Тогда возникла мысль превратить их в регулярные войска. Попытка эта, однако, не увенчалась успехом. Не было никакой возможности удержать в казармах привыкших к свободе горных орлов; они аккуратно появлялись к раздаче пищи, а затем разбегались к своим семьям.

Прибытие в долины Урмии и Салмаса этих смелых, гордых, одетых в пестрые живописные костюмы, воинов не вызвало энтузиазма среди местных ассирийцев. Эти жители равнины, с давних пор населявшие Персию, были проникнуты самыми миролюбивыми намерениями. Занимаясь торговлей, ремеслами и земледелием, бережно накапливая свое достояние, они с тревогой взирали на своих предприимчивых родичей, без дела бродивших по их деревням. Отнюдь не разделяя воинственного пыла этих непрошенных гостей, они стали постепенно питать к ним неприязненные чувства, под влиянием ежедневно возникавших инцидентов. Чувство собственности, которое не было чуждо этим горцам, сильно ослабело у них с переходом границы. На приютившие их ассирийские деревни они смотрели глазами завоевателей. Эти реквизиции чужого фуража, топлива, кур и поросят раздражали жителей равнины; они вскоре убедились, что ни малики, ни патриарх не в состоянии положить конец этим недоразумениям. Ассирийцы равнины, которых в отличие от горцев, называли халдейцами, — считая их выходцами Халдеи, — с нескрываемой тревогой следили за попытками Мар-Шумуна распространить свою власть и на них. Это стремление сказывалось в требованих патриарха приступить к набору рекрутов от халдейского населения и материальной поддержки формируемых войск.

Мар-Шумуну приписывались широкие замыслы воссоздания Ассирийского Царства и соединения халдейцев, рассеянных по всему свету, в одну большую семью. «Пусть патриарх распоряжается своими джило, как ему угодно, но мы признаем толко его религиозную власть», — говорили практичные халдейцы.

На почве все возрастающего антагонизма между благородными, но нищими горцами и пустившими корни в Персии зажиточными халдейцами, не замедлили возникнуть интриги и борьба честолюбий, тормозившие и без того трудное дело ассирийских формирований.

АССИРИЙСКИЕ ВОЙСКА

На совете, имевшем место у Мар-Шумуна и на котором, кроме генерала кн. Вадбольского, полковника Бутакова, — начальника нашего будущего отряда, — и меня,—присутствовали многочисленные ассирийские священники всех христианских исповеданий, — было решено, что из 30.000 джило, 40.000 халдейцев и 10.000 армян, находящихся в Северной Персии, будет призвано под ружье 8.000 человек. Отряду этому будет дано название Азербейджанского, по имени провинции, в которую входят долины Салмаса и Урмии. В командование отрядом вступает полковник Бутаков, по настоянию которого я должен был принять должность начальника штаба. Русские офицеры всех родов оружия, выразившие желание продолжать службу в ассирийских войсках оставлялись в Урмии.

Немедленно было притуплено к формированию 4-х батальонов из ассирийцев, одного из армян, 2-х конных сотен, одной пулеметной роты, двух батарей, по 4 орудия в каждой. Вооружение, огнестрельные запасы, обозы и конский состав предоставлял нам командир эвакуировавшегося корпуса. Однако, чтобы войти во владение означенным материалом, понадобилась санкция солдат-

ского комитета, продолжавшего распоряжаться уходом русских войск.

После длительных переговоров, комитет дал согласие на оставление нам военного материала.

С уходом последнего эшелона русских войск и отъездом из Урмии генерала кн. Вадбольского и чинов его штаба, персидское население Азербейджана резко изменило свое отношение к христианам. Вместо прежней почтительной мягкости, появилась агрессивность, становившаяся с каждым днем заметнее. Скромно державшийся до того персидский губернатор Джелал-Эль-Мульк, предъявил протест по поводу нарушения нами нейтралитета; таковой акт он усмотрел в формировании иноземных войск на территории Шаха и в призыве под ружье Халдейцев и Армян.

Но Джелаль-Эль-Мульк не ограничился одним оффициальным протестом. Совместно с именитыми персианами Урмии, с влиятельными муллами, он повел негласно сильную агитацию против нас и христианского населения. Мусульмане призывались к оружию, к священной войне против неверных. Оружие и деньги доставлялись из Тавриза; формировались дружины, главным вдохновителем которых оказался Аршад-Амаюн, начальник жандармерии Азербейджана.

По получении этих сведений мы стали спешно формировать наши банды. Наша конечная цель — операции против турок отошли на второй план. Необходимо было как можно скорее создать силы, способные отразить готовящееся нападение мусульман. Но и на этом пути каждый день выростали новые затруднения.

Начать с того, что влияние Мар-Шумуна — этого патриарха Востока и Индии, — все больше и больше падало; подвластные ему Джило совершенно вышли у у него из повиновения.

Таким образом нельзя было и думать о формировании регулярных частей. Мы остановились на наборе дружин, проще говоря вооруженных банд, с маликами во главе

и при участии русских офицеров, в качестве инструкторов; но и этого удалось достигнуть с невероятными трудностями.

Между тем небольшой денежный фонд и продовольственные запасы оставленные русскими войсками в Урмии, приходили к концу; вследствие этого наши джило, в смысле продовольствия, были предоставлены собственной изобретательности. Надо отдать справедливость, что они справились с этой задачей: экспедиции в мусульманские деревни приняли массовый характер. Это вынужденное мародерство, отнюдь нельзя ставить в вину джило; оно было использовано вдохновителями персидских националистов для пропаганды священной войны.

Попытки наши внести порядок в создавшийся хаос не увенчались успехом. Наши понятия о порядке и дисциплине шли в разрез с привычками и традициями этих древних ассирийцевь

На протяжении многих веков мирные жители Ирана подвергались постоянным нападениям горных племен. И персидские, и турецкие курды искони веков живут за счет жителей равнины, примирившихся со своей беззащитностью.

Но курды, после нападения, уходили с добычей в свои горы и оставляли на время в покое своих невольных кормильцев; между тем как ассирийские пришельцы, продолжая оставаться в стране, лишали бедных жителей даже этого скромного утешения.

Персидские власти были бессильны защитить Азербейджан от нападений курдов.

Полицейскую службу в Персии несла жандармерия, обученная датскими инструкторами. Ее части стояли только в больших городах. При ее малочисленности и громадных расстояниях в стране, жандармерия эта была бессильна оградить страну от разбоев и габежей.

За недостатком средств, Персия не обладала регулярной армией. Существовала лишь так называемая персид-

ская бригада, под командой русского генерала и с русскими офицерами, в качестве инструкторов. Части этой бригады стояли в Тегеране для охраны Шаха, в Тавризе — резиденции наследника престола, и только небольшой отряд, под командой русского войскового старшины Штольдера, находился в Урмии. Отряд этот, вследствие малочисленности, никакого участия в водворении порядка не принимал.

На бумаге, фиктивно, Персия обладала могущественной армией. Все мусульманские подданные Шаха подлежали отбыванию воинской повинности. Богатые откупались подарками и деньгами, за что взамен получали высокие чины; бедные — числились в списках воинских частей; их никогад не беспокоили призывом.

Полковник Бутаков, начальник формировавшегося Азербейджанского отряда, беспокоясь за судьбу своей семьи, оставшейся в Тифлисе, решил отправиться за ней и привезти ее в Персию. На время его отсутствия, приказом этого полковника, в командование отрядом вступил я.

Обстоятельства сложились так, что офицер этот в Урмию возвратиться более не мог, и, таким образом, мне, в течение продолжительного времени, пришлось быть организатором этих экзотических войск. В создавшемся хаосе единственным просветом были армянские формирования, которые успешно подвигались вперед. Этот народ, несмотря на территориальную рассеянность и тяжелые удары судьбы, сохранил национальное чувство и желание создать собственный очаг. Персидские, а впоследствии прибывшие к нам с Ванского озера, турецкие армяне, выказали дисциплинированность и мужество.

Армянское население охотно согласилось снабжать довольствием и деньгами призванных под ружье сородичей.

Однако, пользоваться армянскими частями для несения полицейской службы и водворения порядка в Урмийском раионе мы не решались из опасения обострить

отношения к ним халдейцев и джило, чем не замедлили бы воспользоваться наши общие враги.

Немедленно по прибытии в Урмию, меня стал посещать ассириец, именовавшийся Ага-Петросом. Увешанный оружием, в сопровождении вооруженных горцев, он приходил обычно поздно вечером, придавая своим визитам конспиративный характер. Он жаловался, что Мар-Шумун, из зависти, устранил его от участия в ассирийских делах, между тем как он своими связями, своим влиянием на маликов и на горцев, своим знанием страны и опытом желал бы принести пользу и служить союзникам.

— Я человек дела, а не пустых и звонких фраз, — говорил горячо Ага-Петрос. Мар-Шумун и вся его свита заняты только интригами и болтовней. Меня патриарх считает своим врагом. Зная, как он расправляется с негодными ему людьми, я из осторожности не выхожу из дома без конвоя.

Вверьте мне, лейтенант, формирование дружин из горцев, я справлюсь с подготовляемым персианами нападением на христиан. Я пойду, если надо, против курдов, и обещаю вам полное подчинение. Определите русских офицеров в качестве инструкторов в дружины, выдайте мне оружие и патроны.

Продолжая поддерживать связь с Ага-Петросом, я в то же время не мог решиться немедленно предоставить ему ту роль, на которую он претендовал. Мне не хотелось подрывать престиж патриарха и, кроме того, стать на сторону враждебных ему элементов.

На Востоке, где интриги и козни являются важным фактором во всех людских делах, приходится лавировать и быть поневоле дипломатом.

К тому же этот ловкий, предприимчивый Ага-Петрос пользовался неважной репутацией в европейских кругах Урмии. Так, например, глава французской католической миссии св. Лазаря, почтенный епископ Зонтаг, проживший в стране четверть века и хорошо осведомленный в

туземных делах, не скрывал от меня свое недоверчивое отношениа к этому ассирийцу. Не лестного мнения о нем был и американец Шэд, пастор и глава протестантской миссии.

Что касается патриарха Востока и Индии, то он слышать не мог его имени и отзывался о нем крайне непочтительно.

До начала операции против Турок, Ага-Петрос служил переводчиком в русском генеральном консульстве и его начальник, г. Никитин, считал его полезным сотрудником.

Сейчас он сумел склонить на свою сторону горцев и маликов, недовольных бездеятельностью неопытного в военном деле патриарха. Среди халдейского населения, Ага-Петрос пользовался популярностью.

Между тем события стали развертываться быстрым темпом: в описываемое время, т. е. в конце декабря 1917 года, персиане захватили флотилию Урмийского озера и железную дорогу от Джульфи до Шариф-Хане, порта этого озера. Захватом этим, они отрезали нас от Закавказья, нашего тыла, от которого мы надеялись получить поддержку.

Снаряженная нами экспедиция с целью отбить у персиян эту фолтилию, потерпела неудачу: отряд был захвачен и по-головно расстрелян.

В долине Салмаса, другом оазисе Азербейджана, населенном христианами, царило тревожное настроение. Прибыв туда, я застал Халдейцев и Армян сильно озабоченными готовящимся на них нападением курдов.

В 40 верстах на северо-запад от Дильмана, — столицы Салмаса,—в горах, примыкающих к Котурскому ущелью и по близости от турецкой границы, — была расположена резиденция прославившегося в Северной Персии Хана Симко. Курдинские племена, населявшие горные

местности, известные под именем Сомай, Барадосто, Тергевер и Мергевер, были сплошь подвластны влиятельному хану. Перечисленные местности тянутся с севера на юг и окаймлены с запада турецкой границей, а с востока долинами Салмаса и Урмии. С давних времен курды населяют эти почти бесплодные скалистые горы. Кормились эти племена за счет богатых долин, составлявших когда то древнюю Мидию, завоеванную затем могущественным Киром. Превратности судьбы, постигавшие в древности народы Юго-Западной Азии, сделали халдейцев пленными персидского царя, переселившего этих Вавилонян и Ассирийцев в Мидию. Энергичные, предприимчивые халдейцы заняли плодородные долины Салмаса и Урмии и прочно обосновались в них.

Однако, спокойствие и безопасность непродолжительны на Иране. Войны, набеги горных племен вносили, на протяжении веков, разорение и смерть, предавая огню города и деревни пришельцев. С настойчивостью, достойной удивления, эти вавилоняне возвращались на опустошенные места и на старом пепелище вновь выростала жизнь, вновь строились города и деревни.

Умудренные опытом веков, халдейцы стали чувствовать, что такая же участь ожидает их и в настоящее время и, что недисциплинированным дружинам джило и немногочисленным армянам не справиться с ордами курдинского хана. И здесь, как и в Урмии, с уходом русских войк, христиане чувствовали себя оставленными на милость мусульман.

Их надежды были направлены в сторону Урмии, откуда они настойчво просили помощи людьми и оружием.

Для поддержания связи между Урмией и Салмасом мы решили учредить летучую почту. Телеграфное сообщение между обеими долинами сделалось достоянием истории. Курды все время срезывали провода и срубали столбы на топливо.

Ассирийская конница, формирование которой было поручено эсаулу Штольдеру, намечалась для исполнения

этой роли. Офицер этот успокаивал нас ежедневными докладами об успешном ходе дел в его бригаде. Я отправился в деревню, в которой стояла молодая ассирийская кавалерия, чтобы посмотреть насколько она подготовлена для несения предстоящей службы.

Я был далек от иллюзии, но картина, которую я застал, превзошла самые мрачные ожидания... Местность, служившая временным пристанищем будущей конницы, походила на поле сражения, усеянное трупами лошадей. Среди них мрачно опустив морды и едва держась на ногах, стояли бедные животные; всклокоченная шерсть и комья грязи, которыми были покрыты бедные лошади, придавали этой картине еще более мрачный вид. Кругом стояла непроходимая грязь, в которой утопали ноги. Эсаул Штольдер краснея, оправдывался тем, что его подчиненные халдейцы и джило все время разбегались, оставляя лошадей по несколько дней без корма и воды и, что все принятые меры, вплоть до найма персов для ухода за лошадьми, ни к чему не приводили.

Из Тифлиса, куда посылались с нарочными обстоятельные доклады о положении дел в Урмии, мы не получали никакой помощи. Представители союзных держав, заварившие эту невероятную кашу, либо отговаривались своим бессилием придти нам на помощь, либо отсылали нас к британскому штабу, местопребывание которого в Персии они сами в точности не знали. Несколько позже, с захватом персианами флотили и железной дороги, мы оказались отрезанными от Закавказья и в сущности от всего внешнего мира.

Наступили долгие месяцы персидского пленения, в которое, однако, и люди и события вносили разнообразие, возможное только на Востке. Эти беспокойные натуры, эти, по своему, предприимчивые обитатели Ирана, создавали все новые неожиданности, новые сюрпризы.

В одно солнечное февральское утро в Урмию торжественно и чинно вступило несколько сотен упитанных, хорошо одетых всадниокв. И внешность этих неожиданных

гостей и хорошее состояние их коней казались необычным в злополучном Азербейджане, где и люди и животные носили на себе печать постоянных лишений и тревог.

Всадники эти оказались принадлежащими к Шахсеванскому племени, населяющему Карадаг, местность, расположенную на восток от Джульфы и Маранда и известную под именем Карадага.

Карадагцы, что в переводе означает черногорцы, славились разбоем и жестокостью. Одно их имя наводило ужас всюду, где они появлялись. Широкие, скуластые лица Карадагцев, их предприимчивый вид и разбойничьи глаза делали их мало похожими на персиан Азербейджана. Не поддаваясь ассимиляции с арийцами, эти сыны Турана сохранили и нравы и внешность своих отдаленных предков, составлявших орды Чингиз-Хана. Столь неожиданное появление этих монголов в злочастной и взбаламученной Урмии вызвало вполне понятное недоумение. Оно еще более усилилось, когда стало известно, что Карагадские всадники прибыли в Урмию по приглашению самого губернатора.

Губернатор, к которому мы обратились за разъяснениями, любезно пригласил всех нас к себе на совещание, на котором, по его словам, он хотел бы, совместно с представителями союзного командования, Ассирийцев и Армян, выработать программу для водворения порядка в злополучном крае. Исполнителями наших совместных решений будут Карадагцы, на которых он решил возложить несение полицейской службы в крае. Хотя истые замыслы губернатора и других именитых персиан нам были хорошо известны, — мы приняли участие в совещании, устроенном этим коварным сыном Востока.

Это был настоящий меджилис, на котором собралось, по обыкновению, множество именитых персиан, мулл, мирз, с предупредительной любезностью обходившихся с европейцами. Гостеприимный губернатор поил нас чаем, угощал сладостями и кальяном. Эта символическая «трубка мира» нашего меджилиса, переходила из рук

мусульман в руки неверных, как бы скрепляя наши добрые отношения и взаимную дружбу...

В чувствах этих объяснялся нам хитрейший губернатор. Он просил нас помочь ему водворить мир и согласие среди народов, населяющих его край. В доказательство своей искренности, он предлагал нам, совместно с ним, располагать Карадагцами, как нейтральной силой, могущей положить конец грабежу и разбою.

Однако, дальше цветистых фраз губернатор не пошел и на все прямые вопросы отвечал уклончиво и туманно. Мы вынесли несомненное убеждение, что персиане расставляют ловушки и, в то же время, пытаются усыпить наше внимание.

***

Не взирая на миролюбивые заверения губернатора, мы приняли меры для защиты Урмии от Карадагских гостей. На совещании, принявший командование отрядом подполковник Синельников, поручил Ага-Петросу собрать свою дружину горцев и разместить ее в самой Урмии. Охрана дорог ведущих в город поручена была армянам. Этим имелось ввиду преградить доступ в Урмию мусульманским подкреплениям. Приказано было стянуть артиллерию и расположить ее у входа в город.

Но как только Джило стали стекаться из окрестных деревень в Урмию, — персиане, убедившись, что им не удалось усыпить наше внимание, открыли свои карты.

24-го февраля 1918 года с плоских крыш своих глиняных домов персиане открыли ружейную и пулеметную пальбу по христианскому кварталу. В это же время, христиане, случайно оказавшиеся в мусульманских кварталах, убивались на местах. Телефонное сообщение — наследие штаба корпуса — которым мы продолжали пользоваться, оказалось прерванным. Снестись с губернатором не было возможности, телеграфные линии оказались испорченными.

Мусульманские банды, состоявшие из городской чер-

ни, карадагцев и оказавшихся каким-то образом здесь курдов, под прикрытием сильного ружейного огня, стали проникать в улицы христианского квартала. Пришедшие в ужас халдейцы, их жены и дети, с криками отчаяния убегали с улиц, которым угрожала опасность и спасались на противоположной окраине города, откуда уже неслись на помощь фаланги Джило.

Такая же картина разыгрывалась и на других улицах, находившихся в соседстве с мусульманским кварталом.

Надо отдать справедливость удивительной подвижности, сообразнителности и храбрости Джило. Не ожидая никаких приказаний, умудренные опытом в такого рода сражениях, они вступили в ожесточенный бой с мусульманами; вскоре пограничная полоса обоих кварталов превратилась в поле сражения.

С наступлением ночи, битва несколько затихла, но ружейная трескотня не прекращалась. На другое утро наша артиллерия открыла огонь по персидскому кварталу, начав с губернаторского дома. На крышах домов мы поставили пулеметы. Под прикрытием орудийного и пулеметного огня, Джило стали теснить мусульман и постепенно проникать в улицы неприятельского квартала. Под вечер джило окончательно взяли верх, захватили город и приступили к жестокой расправе с персианами и грабежу их имущества.

На следующий день на заваленных трупами и грудами развалин улицах появилась многочисленная персидская депутация с большим белым флагом. Местные владетельные персиане и муллы, входившие в ее состав, степенно подвигались вперед, направляясь к патриарху Мар-Шумуну с предложениями мира.

Как только персидская делегация со своим белым флагом отправилась в путь для заключения мира и обе стороны прекратили военные действия, многочисленные персиане, со своими женами, детьми и слугами засели в бест у Лазаристов. Тихая уютная обитель французских монахов превратилась в восточный караван-сарай, а

большой тенистый сад ее походил на лагерь кочевников, с разбитыми шатрами, разложенными кострами и мирно пасущимся стадом баранов.

Такую же картину можно было видеть во французском военном госпитале, в котором обрело пристанище несколько сот персидских семейств.

Умудренные опытом веков, эти обитатели Ирана знали, что ни белый флаг, ни заключение мира не оградят их от неизбежного финала, который выпадает на Востоке на долю побежденных. Бросив свои дома, свое имущество на произвол судьбы, — они, для сохранения жизни, засели в бест существовавших в Урмии европейских учреждений.

С достоинством древних мудрецов держали себя персидские делегаты на мирной конференции у Мар-Шумуна.

Это были местные муллы, с большими белыми бородами, с чалмами на голове и видные богатые купцы. Их сопровождали мирзы, сравнительно молодые люди, считающиеся местной интеллигенцией. Фактически, мирзы люди без определенной профессии, но грамотные, обладающие даром ладить с людьми, они проникают везде и всюду, то в качестве посредников и комиссионеров, то в роли писцов и советников и, смотря по обстоятельствам, успевают в жизни и достигают высокого положения.

Патриарх Мар-Шумун был окружен, как всегда, многочисленной свитой, в которой преобладали духовные лица из халдейцев, всех христианских исповеданий, затем ассирийский национальный комитет и несколько армян.

Как всегда говорили исключительно халдейцы. Они горячились, доказывая свою невиновность и желание жить в братской любви с мусульманами; затем приступили к делу и предъявили противнику требования: контрибуция, сдача оружия и выдача виновных.

Персиане, державшие себя весьма корректно на этом,

«меджилисе», спокойно выслушивая пылкие речи халдейцев и не возражая на них, — мягко заявили, что для восстановления мира и порядка, они готовы подчиниться этим требованиям.

Был составлен протокол, подписанный обеими сторонами. Затем персиане так же мягко заявили, что для придачи большего веса только что залюченному соглашению, желательна также подпись французского офицера, что мною немедленно было исполнено. Мне тогда и в голову не приходило, что за этим невинным требованием скрывался тонкий рассчет, свидетельствующий о дальновидности этих восточных дипломатов. Только впоследствии я узнал, что подпись моя была ими использована для доклада в Тавриз, наследнему принцу, генерал-губернатору Азербейджана. Урмийские персиане доложили Валиату, что европейские офицеры, русские и французские, являются виновниками кровавых событий в Азербейджане, что христианские формирования направлены против персиан, а не против турок, которых здесь нет.

В Тавризе были очень рады такому освещению событий и направили доклад, подкрепленный подписанным нами протоколом, в Тегеран. Шахское правительство обратилось к французскому посланнику с просьбой вмешательства в эти формирования войск, портящие дружеские отношения Персии и Франции и угрожающие превратить персидский Азербейджан в сплошную пустыню.

Французский посланник г. Лекомт, осведомленный исключительно из этого источника об Урмийских событиях, сделал соответственный доклад по телеграфу в Париж, откуда через некоторое время получилось распоряжение французского военного министра всем военнослужащим французской армии немедленно покинуть Урмию и возвратиться во Францию через Тавриз, Хамадан, Багдад и Басру. Приказ этот, дошедший до нас много времени спустя после описываемых событий и доставленный в Урмию с нарочным от французского кон-

сула в Тавризе, был исполнен чинами французского военного госпиталя, состоявшего из 8 врачей и 50 солдат санитаров. Исполнили его также два французских офицера, находившиеся в моем распоряжении для формирования ассирийских войск. Я не присоединился к этому отряду и остался в Персии, желая разделить участь ассирийцев и армян, которых союзники привлекли под свои знамена.

***

Между тем в Урмию прибыли из Тавриза новые лица. Это был полковник Кузьмин и сопровождавшие его 20 офицеров. Последняя моя беседа по прямому проводу с полковником Шардиньи, побудила его настоять в русском штабе на посылке этого полковника для вступления в командование Азербейджанским отрядом. Полковник Кузьмин и его офицеры, перехитрив персидскую пограничную стражу, с трудом достигли Урмии. Новый начальник Азербейджанского отряда взялся за дело с большой энергией.

***

На другое утро по заключении мира с персианами, на большой дороге ведущей из Урмии к берегу озера, были обнаружены трупы полковника Штольдера, его жены и сына, того самого эсаула, которому было поручено формирование ассирийской конницы. Трупы эти были раздеты, изуродованы и носили явные следы учиненных над ними надругательств.

Эта симпатичная русская семья, в которой я часто бывал, жила на окраине города, в помещении персидской казачьей бригады, отрядом окторой комадовал полковник Штольдер.

Персидские казаки, несмотря на приказание полковника Штольдера воздержаться от всякого участия в разыгравшихся в Урмии событиях, заметив, что христиане берут верх и что мусульманам приходится туго, не вы-

держали искушения и, заступаясь за своих единоверцев, открыли стрельбу по христианам с крыши своей казармы. В тот же вечер ассирийцы аттаковали эту казарму и расправились с ее защитниками.

Полковник Штольдер, опасаясь эксцессов, ночью переехал со своей семьей в российское консульство, находившееся неподалеку от казармы, а под утро он и семья его, захватив с собой багаж и казенные деньги, покинули на автомобиле город с намерением направиться в Тавриз.

Их задержали в 10-ти верстах от Урмии, убили и ограбили. Событие это произвело удручающее впечатление на европейцев. Начальник отряда, полковник Кузьмин, приказал произвести дознание, но, несмотря на все усилия, так и не удалось обнаружить виновных. Не подлежало сомнению, что это преступление было совершено из мести христианами, заподозрившими полковника Штольдера в симпатиях к мусульманам. Однако, надо полагать, что одним из мотивов этого убийства, было и ограбление. Всем было известно, что персидская казачья бригада располагала денежными суммами.

Было также установлено, что г-жа Штольдер хранила при себе сумочку со своими драгоценностями. У жертв отняли буквально все, не оставив на них даже белья.

Безнаказанность этого преступления вызвала упадок духа в среде европейцев. Многие из них выразили желание покинуть эту злополучную местность, в которой анархия и жестокость создали крайне тяжелую обстановку. Персидские власти взяли на себя эвакуацию европейцев на другую сторону озера и доставку их в Тавриз. Почти все женщины, за исключением нескольких офицерских жен, покинули город. Постепенно большой персидский город превращался в груду развалин, среди которых валялись неубранные трупы. Персидские лавки, с разграбленным товаром, были переполнены ребятишками, лишившимися родителей и крова; они стонали и плакали, прося хлеба. Жизнь казалась совершенно вы-

мершей в этих кривых узеньких улицах, с уцелевшими местами глинобитными постройками.

Всему, однако, наступает конец, и когда страсти улеглись, жизнь вступила в свои права. На месте разваленных персидских мазанок, стали выстраиваться новые. Открылся базар, улицы стали оживляться прохожими и торговцами; муллы по старому призывали правоверных, с высоты минаретов, в мечети.

Начальник отряда предложил мне отправиться в долину Салмаса для ознакомления с ходом формирований ассирийских и армянских войск в этом районе.

С рассветом, в сопровождении четырех ассирийских всадников, я отправился в путь и поздно ночью достиг селения Кущи, в котором остановился на ночлег.

Большое селение, живописно раскинутое на холмах оказалось покинутым. Мы не нашли в нем ни единого жителя. Среди сохранившихся мазанок, то и дело попадались разрушенные глинобитные постройки, поломанные арбы, околевшие животные. Во многих уцелевших мазанках мы нашли нетронутыми принадлежности домашнего хозяйства, запасы муки и риса. В общем получалось впечатление, что жители покинули свои очаги под влиянием роковых, но обычных на Иране событий.

Не взирая на свою осиротелость, селение Кущи, с высоты которого открывался прекрасный вид на Урмийское озеро и на горы Курдистана, освещенное ярким утренним солнцем, — казалось приветливым и уютным. Расположенное на караванном пути, ведущим с Ирана к берегам Аракса и в Закавказье, оно, на протяжении веков служило приманкой кочующих орд и разбойничьих банд, сновавших по этой большой дороге и превращавших богатое селение в этапный пункт.

Эта большая артерия с незапамятных времен являлась путем, по которому следовали завоеватели, направляясь со своими полчищами с берегов Средиземного моря, из Сирии, с берегов Ефрата и Тигра, в древнюю Мидию, нынешний Азербейджан, в Армению и Закавказье; по

ней же двигались в более поздние времена народы Турана. Покинув азиатские степи и неприветливые берега Аральского и Каспийского морей, эти монгольские орды, двигались вверх по Араксу, тяготея к Ирану, к его плодородным долинам Салмаса и Урмии, где многие из этих кочевников осели. Смешавшись с туземными жителями, они омонголили, если можно так выразиться, арийский тип северной Персии, носящей ныне название Азербейджана.

Эта помесь столь чистой на Иране арийской расы с пришельцами из Средней Азии бросается в глаза в этой части Персии и постепенно исчезает по мере того, как путник двигается на юг и достигает Фарсистана, где арийскому типу удалось сохранить сравнительную самобытность.

Долина Салмаса отделялась от села Куши гористой местностью. Проложенная по ней дорога, достигнув перевала Хантахты, проходила ущельем тянущимся на несколько верст; местами оно сильно суживалось и словно сдавливалось с обеих сторон горами. Этот горный коридор надо было проскочить галопом, чтобы избежать нападения курдов, населявших эти места. Во время этой быстрой езды, от двуколки, с моим багажем, отскочило колесо. Мы остановились, слезли с коней и стали вставлять злополучное колесо на ось. Но не успели мы закончить этой операции, как с гор раздались выстрелы; это были курды, которым наше приключение с двуколкой дало возможность и время занять удобные для обстрела позиции на вершинах Хантахтинских сопок.

Я не успел, что называется оглянуться, как мои конвоиры, с быстротой и ловкостью цирковых наездников, сели на своих коней и ускакали в сторону Кущи. Я очутился один с моим возницей, который не последовал примеру своих соотечественников. Он трясся как в лихорадке; взглянув на растерянное, полное ужаса лицо

этого юного халдейца, я, несмотря на драматичность обстановки, с трудом удержал смех; схватив его винтовку и зарядив ее, я открыл огонь по курдам. Последние, увидев нас одних, стали спускаться с гор, продолжая стрельбу. В это время вернулись мои конвоиры, которым не удалось проскочить на дорогу в Кущи, т. к. проход был занят курдами. Выругав их, я приказал им открыть скорей огонь по курдам. Однако, наша стрельба не смутила бандитов, которые продолжали спускаться с гор и становились все многочисленнее. Я открыл кобур от моего браунинга, решив в последнюю минуту положить конец моему земному существованию и этим избегнуть перспективы попасть живым в руки этих жестоких бандитов.

Но судьба оградила меня от столь бесславного конца: с противоположной стороны и следовательно в тылу от нас, раздалась ружейная пальба по курдам. Когда я оглянулся, я с радостью увидел, что хребет горы занят славным Джило. Они шли, избегая большой дороги, из Кущи в Салмас; услышав выстрелы, они приблизились к ущелью, и, увидев нас в опасности, двинулись на выручку. Оставив своих мулов с вьюками, они стали спускаться с утесов. Своим метким огнем и своей численностью, они обратили курдов в бегство. Под их прикрытием нам удалось продолжать путь и, проехав злополучное дефиле, мы очутились в долине Салмаса. К вечеру мы прибыли в ассирийскую деревню Хосрова, составлявшую цель нашего путешествия.

Настоятель французской католической миссии св. Лазаря в Хосрове убедительно просил меня остановиться у него.

15 лет, как я покинул Родину и вот, наконец, вижу дорогой моему сердцу французский мундир. Не откажите старому монаху в радости, поживите под нашим кровом, — просил аббат.

Почтенные отцы, для которых приезд явился развлечением в их однообразной жизни, всячески ухаживали

за мной. Они кормили меня вкусными, обильными обедами, поили своей выделки вином и делились горестями и заботами. И в Салмасе, также, как в Урмии, наказанием Божиим оказались Джило, не признававшие чужой собственности, не делая разницы между персианами и халдейцами, они отнимали скотину у тех и у других. К имуществу миссии они, правда, относились почтительно, и только одни виноградники отцов пострадали от нашествия гостей.

На другой день, приступив к выполнению данного мне поручения, я убедился, что формирования ассирийских войск в Салмасе в общем страдали теми же недостатками, что и в Урмии.

Несравненно лучше шли формирования армян.

Этот древний народ, перенесши не мало испытаний на своем историческом пути, проявил и здесь присущую ему энергию и предприимчивость. Сформированный в Салмасе армянский баталион был хорошо одет, обучен и дисциплинирован. Снабжение его всяким довольствием было поставлено так, что солдатам не приходилось ни мерзнуть, ни голодать, ни разбегаться в поисках фуража для своих лошадей. Перед тем, как покинуть Салмас, я отправился с визитом к сестре Мар-Шумуна, Сурма-Ханум, проживавшей в Хюсрове с тремя младшими братьями патриарха.

Когда мы переступили порог Салмаской штаб-квартиры патриарха Востока и Индии, мы увидели сидевшую с достоинством в глубоком кресле, словно на троне, даму, лет за сорок, одетую в длинное черное платье европейского покроя; вокруг нее на скамьях и просто на полу, поджавши ноги, сидели халдейские священники и ассирийские малики.

Сурьма-Ханум являлась своего рода наместником Мар-Шумуна в долине Салмаса; эта властная и умная женщина была фактической руководительницей ассирийского народа, а юный патриарх был главным образом братом Сурьмы-Ханум.

Патриарх Востока и Индии, перенес свою резиденцию в Хосрову. Он предпочел, повидимому, быть первым в Салмасе, чем вторым в Урмии, где его личность постепенно оттеснялась на второй план.

Едва прибыв со своей свитой в Хосрову, он вступил в переговоры с известным курдинским ханом Симко, резиденция которого находилась в Чары-Кала. Коварный курд предложил Мар-Шумуну союз для совместных действий против турок. Для этой цели он пригласил его в селение Понешер, в горах Курдистана, прилегавших к Салмасу. Патриарх отправился на совещание, в сопровождении своих халдейских советников и конвоя из сотни конных ассирийцев.

Любезно встреченный гостеприимным хозяином и приглашенный им к обеду, Мар-Шумун после деловой беседы, заключил соглашение с Симко и, недавние смертельные враги стали союзниками. Они расстались друзьями. По обычаю страны Симко проводил дорогого гостя до порога, в нескольких шагах от которого стояла коляска патриарха и его конвой. Как только Мар-Шумун занес ногу на ступеньку экипажа, с крыши дома, в котором он только что заключил дружеский союз, а также с крыш соседних мазанок раздались ружейные залпы по конвою и самому патриарху. Мар-Шумун и большая часть его людей пали мертвыми. Несколким всадникам удалось ускакать и привести нам в Урмию эту печальную весть.

Надо удивляться доверчивости почтенного патриарха и легкости, с которой он попал в сети, расставленные вероломным Симко. Как мог он поверить, что курды подымут меч против своих единоверцев, для поддержки христиан? Кроме того, Симко не был бы сыном Востока, естли бы в борьбе турок с ассирийцами не примкнул к более сильному противнику.

Как только весть об убийстве духовного и светского главы ассирийского народа дошла до Джило, они заволновались; потребовали мести и немедленного выступления в поход против курдов. Их малики доложили нам,

что если мы их не поведем против Симко, то они сами выступят в поход и вырежут всех курдов Азербейджана. Мы приступили к снаряжению этой карательной экспедиции.

Скромные запасы патронов и снарядов, которыми мы обладали, делали экспедицию эту несвоевременной. Мы рисковали, при привычке Джило расточительно тратить патроны, истощить скудные запасы и очутиться в тяжелом положении при наступлении турок. Опасения эти в будущем оправдались, но командование в то время не в силах было сдержать мстительный гнев этих детей природы.

Враждебные нам курды населяли горные местности Сомай, Барадосто, Тергевер и Мергевер. Горы эти тянутся с севера на юг вдоль турецко-персидской границы. Восточнее этой части Курдистана расположены долины Салмаса и Урмии. Селенья курдов, словно орлиные гнезда, рассеяны в скалистых горах и для экспедиции против них трудно было подыскать более подходящих людей, чем наши неутомимые и невзыскательные Джило.

Дружины этих горных ассирийцев, под командой Ага-Петроса и русских офицеров-инструкторов, двинулись из Урмии в горы Персидского Курдистана с рассчетом окружить подвластные Симко племена с юга и запада.

Полковник Кузьмин и я выступили с другой колонной по большой дороге, ведущей в Салмас. Наша задача заключалсаь в достижении Дильмана, дабы отрезать курдам пути отступления на Восток.

Мы благополучно достигли селения Кущи, у стен которого у нас произошло первое столкновение с персидскими и курдинскими бандами. Мы обнаружили, что персиане этого района, после убийства Мар-Шумуна явно перешли на сторону Симко.

Входивший в наш отряд армянский батальон окружил Кущи со всех сторон и, бросившись в атаку, завладел селением. Устранив таким образом это препятствие, мы выступили в дальнейший путь, оставив для обеспечения

тыла, армянскую часть Однако, дойдя до злополучного Хантахтинского ущелья, были встречены ружейной пальбой. Высоты ущелья были заняты курдами и их частый огонь загородил проход через дефиле.

Рассыпав халдейцев цепью, мы двинули их в обход занятых курдами высот. Несколько халдейских сотен было оставлено в резерве у подошвы небольшой горы. Полковник Кузьмин и я поднялись верхом на вершину одной из сопок для изучения впереди лежащей местности. Мы увидели на горизонте конный отряд, скакавший в нашу сторону. Трудно было за дальностью расстояния определить кто эти таинственные всадники. Мы спустились с горы, с тем, чтобы принять на всякий случай меры против этой конницы. Каково же было наше удивление, когда вместо оставленных частей, мы увидели убегавших в панике халдейцев. Их примеру последовали дозоры и заставы и мы очутились совершенно одни, покинутые нашими войсками, даже нашими вестовыми. Мемду тем курды, заметив это паническое бегство, стали быстро спускаться с занятых ими высот. Полковник Кузьмин и я двигались шагом, вслед за беглецами, но когда курды стали спускаться все ниже и ниже и пули их стали ложиться у ног наших коней, мы, став невольно арьергардом ассирийской армии, перешли в галоп, настигая наши главные силы. Мы остановили беглецов, привели их в некоторый порядок и отошли с ними обратно в Кущи. На другой день мы возобновили операцию и зорко следя за халдейцами, не выпуская их из рук, прорвали курдинские линии, с боем прошли Хантахтинское ущелье и очутились в долине Салмаса.

В Хорсове мы застали дружину Ага-Петроса; джило беспощадно расправились со своими врагами, предав огню и мечу северную часть персидского Курдистана. По обычаю, они никого не оставили в живых. Сам Симко успел бежать, захватив своего малолетнего сына; своих жен он бросил на произвол судьбы.

В последних числах марта 1918 г. новые события внес-

ли еще большее разнообразие в нашу и без того богатую эпизодами жизнь. Турки напали на армян, населявших места, прилегающие к Ванскому озеру. Турецкие армяне стали на сторону России с самого начала войны и участвовали в качестве добровольцев в военных действиях против Турции. С падением русской армии, предоставленные самим себе, они сорганизовали дружины, защищая свои родные очаги, но когда иссякли патроны, покинули Ван и по горам, покрытым снегом, по необитаемой и трудно проходимой местности, через Котурское ущелье, двинулись со своими семьями, со своим скотом, в долину Салмаса. Более половины беженцев погибло от холода, усталости и от пуль. Это был невероятно тяжелый поход, в зимнюю стужу, в гористой местности, под напором преследовавших их курдов. Только 25.000 человек дошло до Салмаса и расположилось лагерем в окрестностях Хосровы.

Когда я прибыл в Салмас и посетил лагерь турецких армян, то глазам моим представилась тяжелая картина. Эти беженцы не жаловались. Сильное горе молчаливо. Изгнанные из родного Вана, этой колыбели армян, они из мирных и зажиточных сельчан, обратились в нищих и бесприютных. На их глазах расстреливали детей и родных. Во время этого ужасного бегства, через Котурское ущелье, матери расставались с погибшими от голода грудными младенцами. Раненые и больные вынужденно оставлялись в горах. Впереди — безнадежное будущее, нищета и новые странствования.

Салмасские армяне отнеслись с участием к беженцам и пришли им на помощь всем, чем могли. Из мужчин, способных носить оружие, мы составили две пеших дружины, каждая в 600 человек и одну конную сотню. Турецкие армяне, закаленные в боях с турками, были очень дисциплинированы; они беспрекословно повиновались своим начальикам, и впоследствии, во время наших операций против турок и курдов, оказались хорошими солдатами.

Между тем к югу от Урмии, в местности, называемой Сулдуз, появились турки, державшие направление на север. Это были части, входившие в состав 5-ой турецкой дивизии. Они появились в этом раионе совершенно неожиданно для нас; без обоза, без связи с Мосулом, где находился турецкий штаб, эти рассеянные по Персии остатки 5-ой турецкой дивизии, сохранив небольшое количество патронов, жили за счет страны, давно уже истощенной долгой войной. Когда все источники продовольствия в Сулдузе иссякли, то гонимые голодом, они двинулись по направлению к Урмии, казавшейся им обетованной землей.

Джило, под командой Ага-Петроса, двинулись им навстречу и после боев, длившихся 7 дней, прогнали турок, отошедших в направлении к Ушнуе и Равандуза. 24 турецких офицера и 200 солдат было взято в плен. Было захвачено 10 пулеметов и несколько десятков винтовок.

Победа эта значительно подняла дух Джило и халдейского населения.

Приподнятое настроение не замедлило отразиться на персианах, которых вновь стали грабить и убивать.

**
*

Тревожные сведения о скоплении турецких и персидских банд усиливали панику населения. Окруженные противником, располагая скудными запасами продовольствия, мы, с каждым днем, приближались к трагической развязке. Появился голод вначале среди персиан, у которых отняли все, что у них было, а затем и среди христиан. Помимо тифа, от которого ежедневно умирали десятки людей, вспыхнула холера. Сильная жара, обычная в этой страе в летние месяцы, способствовала распространению заразы. Расточительное расходование горцами патронов привело к тому, что у нас оставалось 300 патронов на винтовку и всего 300 снарядов на 8

орудий. Безнадежность положения усиливала анархию и, чтобы положить конец этой мучительной агонии, мы решили 12 июня 1918 г. перейти в наступление в долине Салмаса и пробить дорогу, через Хой и Джульфу, в Закавказье, откуда мы смутно надеялись получить помощь... Отряд благополучно дошел до Кара-Тепе, дефиле, сильно напоминавшее горный проход у Хан-Тахты, о котором речь шла выше. — Здесь мы встретили серьезное сопротивление. Высоты Кара-Тепе были заняты частями турецкой 6-ой дивизии, численностью около 1500 человек. Кроме регулярных турецких войск, располагавших значительным количеством пулеметов, к ним присоединились курдинские и персидские банды. Наступление, несмотря на настойчивость армянских батальонов, встретило сильный отпор; между тем наши патроны иссякали. Под влиянием тревожных слухов, горцы стали разбегаться; последовали их примеру халдейцы. Никакими силами нельзя было их удержать на месте; то же самое случилось с горцами нашего левого фланга. В паническом страхе кинулись все назад в долину Салмаса, в Хорсову и другие деревни, где находились их семьи, скот и имущество. Нагрузив свой скарб на арбы, на быков, на маленьких исхудалых ишаков, они беспорядочной толпой, бросились со своим караваном на большую дорогу, ведущую из долины Салмаса в Урмию...

Было ясно, что дело на этот раз безнадежно проиграно и что испуганную, недисциплинированную толпу никакими силами нелззя будет успокоить и вернуть на добровольно покинутые позиции.

Большая дорога, ведущая в Урмию была наводнена, словно стихией, этой обезумевшей толпой. Женщины с младенцами на плечах, со стоном и воем бежали без передышки; мужчины, толкая друг друга, старались обогнать рысью мчавшиеся и скрипевшие арбы; блеяли овцы и бараны, мычали коровы. Своеобразные звуки людей и животных разносились громким эхом в окружающих горах.

Не забуду этой июньской ночи, этот пестрый восточный караван, растянувшийся в горах широкой лентой на десятки верст и, словно в опере, освещенной яркой луной... Так должно быть кочевали народы, гонимые врагом, в библейские времена. Не было возможности успокоить этих людей, которых, к тому-же, никто не преследовал... На другой день к вечеру более 50 тысяч христиан прибыло в Урмию и расположилось лагерем к югу от города. Французская католическая миссия, эта тихая обитель смиренных монахов, вновь приняла вид караван-сарая. Женщины, дети и старики расположились бивуаком в саду миссии; в ее помещениях разместили больных. Рядом с христианами — жили персиане; и те и другие, забыв вражду, нашли спасение под кровом католического креста.

Создавшееся в Урмии положение было катастрофическим; все наши усилия были сейчас направлены на прорыв турецких линий и соединение с англичанами. Это было тем более необходимо, что незадолго до этого в Урмию прибыл на аэроплане английский летчик, присланный генералом Данстервиль, командовавшим британскими войсками в Персии. Ему было приказано сообщить, что ассирийцам следует продолжать сопротивление и постараться установить связь с британскими войсками; в этом случае последние могли бы им помочь огнестрельными припасами. Никакой другой помощи они оказать не в состоянии. По заявлению этого летчика, англичане находились в районе Хамадана и Биджара. Таким образом нас разделяли от них сотни верст по трудно проходимой, населенной курдами местности. Не теряя времени, в июле 1918 г., мы двинулись на юг и около Гейдерабада, пристани Урмийского озера, встретили турок, которых отбросили на юг.

Однако, к югу от Гейдерабада, турки оказали сильное сопортивление. Наша армянская конная сотня, разведав предварительно местность, бросилась в конном строю на пулеметы. Турки, не дрогнув, открыли по ним убий-

ственный огонь, уложив на месте половину этой сотни; остальным удалось спастись. Эта аттака, хотя не достигла цели, подняла, однако, настроение войск. Продолжая диверсию с фронта, мы отправились горными тропами в обход турецких позиций. Противник, заметив это движение и опасаясь за свой тыл, стал быстро отходить.

СОЕДИНЕНИЕ С АНГЛИЧАНАМИ

Судьба вообще, а военная в особенности, превратна; отворачиваясь от нас на протяжении долгих месяцев, она стала улыбаться в эти солнечные июльские дни и в эти южные, усеянные звездами, ночи... Мы безостановочно гнали турок. Когда нам удалось выбраться в Сулдуз, большую равнину к югу от Урмийского озера, то турки окончательно стали отходить в направлении на Ревандуз и Моссул. Оставив пехоту, артиллерию и часть конницы в Сулдуском районе, чтобы оградить этот район от нового вторжения турк, я, в сопровождении Ага-Петроса и его 300 всадников, отправился горами в дальнейший путь, держа направление на юг, для встречи с англичанами. Продвигаясь по враждебному нам Курдистану, мы избегали, в особенности днем, населенные места, двигаясь горными тропами. Ночью мы спускались для отдыха и корма лошадей в мало населенные долины. Неизбежны были подчас привалы в небольших курдинских деревнях. Встревоженные ночным визитом таинственных всадников, — курды любезно предлагали баранов, молоко и чай. Подкрепившись и покормив лошадей, мы с рассветом двигались дальше. Оставив в стороне горный Курдистан, мы выехали на большую дорогу, ведущую в Хамадан. По сведениям встречных персиан, англичане находились совсем близко. Мы продолжали путь, а англичане, которые чудились персианам «совсем близко»—словно удалялись от нас. В Сеин-Коля, куда мы стремились, как в обетованную землю и где, по словам

персиан, стоял целый полк британских войск,—тоже не оказалось ни одного англичанина. Мы продолжали путь и только на другой день, под вечер, в стороне от большой дороги, ведущей в Хамадан, в сорока верстах к югу от Сеин-Коля, мы увидели стройно разбитые палатки, одетых в хаки солдат, упитанных и привязанных к коновязи лошадей. По всему видно, что это лагерь европейской регулярной армии. Это был эскадрон 14-го гусарского полка, сопровождавший английских инструкторов, направлявшихся в Урмию для формирования ассирийских войск. 20 офицеров и 15 сержантов, во главе с маиором Мор, под прикрытием эскадрона гусар, должны были совершить переход через Курдистан, а затем уже, без конвоя, продолжать путь в Урмию. Наши союзники опоздали на 8 месяцев; при настоящем положении дел — миссия эта была уже излишней. Помимо обычной своей медлительности, англичане, в данном случае, оказались совершенно неосведомленными. Инструкторы, продолжая путь в Урмию одни, без конвоя, попали бы не к ассирийцам, а к курдам. Но если бы даже им удалось благополучно достигнуть Урмии, то они застали бы там голод, холеру, тиф, полную анархию и отсутствие боевых припасов. Английские офицеры оказали мне радушный прием; они забрасывали меня вопросами о моих приключениях на Иране, об Урмии.

Я сделал маиору Мору подробный доклад о положении в Урмии. Он убедился в запоздалости своей миссии и просил меня сделать в этом смысле доклад генералу Байрону, командовавшему бригадой в Хамадане. Он решил, однако, продолжать путь и, совершив один переход, под прикрытием британских гусар, вернул последних обратно, как это ему было приказано. Затем он следовал дальше вместе с Ага-Петросом и его всадниками. Дальнейшие события изменили планы маиора Мора и через несколько дней он должен был под напором курдов и турок держать обратный путь на Хамадан.

На другое утро, после моей встречи с англичанами, я

в сопровождении взвода гусар, предоставленного мне командиром эскадрона, отправился в дальнейший путь и к вечеру прибыл в Биджар; здесь стоял штаб 14-го гусарского полка с одним эскадроном. Прекрасный прием, великолепный стол, тонкие вина, доставили мне большую радость.

Прибыв в Хамадан, я представился генералу Байрону и доложил, что если подкрепления не будут срочно посланы в Урмию, то христианское население, под напором врага двинется на юг и будет искать спасения под покровительством британских войск, что переход этот в 500 верст для голодающего уже сейчас населения, будет пагубным и, что, наконец, возможно, что эти голодные, недисциплинированные, но вооруженнеы люди, с прибытием в Хамадан, дадут волю вполне понятному озлоблению. Генерал возразил, что англичане располагают очень скромными силами в Персии и что о посылке в Урмию войск не может быть и речи. Принять на довольствие такое множество народа, в случае его прибытия в британскую зону, штаб не в состоянии, за отсутствием продоволственных запасов. Вообще, генерал казался очень недовольным и смущенным этими новостями. Самый город, в той его части, в которой расположились войска и управления, принял вид английской колонии. Улицы блистали необычной для Персии чистотой. На глинобитных постройках развевались британские флаги; с видом хозяев фланировали по древнему персидскому городу английские солдаты.

Но вернемся к генералу Байрону... Предстоящее нашествие «союзников» из Урмии — очень сильно озаботило престарелого генерала, к тому же собиравшегося в отпуск в Лондон. В конце концов он решил запросить по телеграфу инструкции из Багдада. К сожалению, события развернулись скорее, чем мы предполагали и уже на третий день опасения, о которых я докладывал генералу, — стали подтверждаться.

Во время нашего отхода, силы противника, угрожав-

шего нам с севера и занимавшего долину Салмаса, стали провигаться к Урмии. Первыми ворвались в злополучный город курды, с появлением которых, оставшиеся для оханы населения вооруженные халдейцы, стали отходить. Примеру этому последовало и мирное население Урмии и окрестных местечек и деревень. Остались только старики, больные и дети, укрывшиеся в стенах французской католической миссии. Они подверглись поголовному избиению. Настоятель обители, епископ Зонтаг был убит. Вслед за курдами, в Урмию вошли регулярные турецкие части. Разгром французской обители, убийство настоятеля и монахов, возмутили, как передавали, даже турок, которых трудно упрекнуть в сентиментальности.

Но вернемся к несчастным халдейцам, вынужденным бежать с насиженных мест в знойное лето, по трудно проходимой, местами безводной местности. 80 тысяч христиан, вышедших из Урмии, подверглось по пути нападениям курдов. Многие умирали по дороге от голода, жажды и болезней. Сотни верст были усеяны трупами людей, младенцев и животных. Курды поснимали с них одежду. Эту кошмарную картину, с которой не может сравниться никакое поле битвы, пришлось мне лично видеть, когда, вскоре по прибытии беженцев в Хамадан, я был командирован британским штабом в Биджар, расположенный на пути, пройденном халдейцами.

Дороги, ведущие в Хамадан были заняты английскими солдатами. Они останавливали изнемогающих от усталости Урмийских пришельцев, разоружали их, и затем направляли в особый лагерь. Каждый день подходили новые партии халдейцев. Из 80-ти тысяч христиан, покинувших Урмию, только 50 тысяч добралось до Хамадана. Англичане были очень озабочены этим «нашествием» христиан и повозившись с ними некоторое время, отправили их впоследствии в Бакуба, возле Багдада, где их поставили на работы по устройству дорог. Несколько тысяч горцев они оставили в окрестностях Хамадана для формирования из них батальона.

Так закончилась эпопея этого маленьквго древнего народа.

Что касается меня, то сдав многострадальный ассирийский нрод на руки англичанам, я счел мою миссию на Иране законченной и доложил английскому командованию о моем желании вернуться во Францию. В ответ мне было сообщено, что полковник Шардиньи, после скитаний по северному Кавказу, благополучно прибыл в Энзели, персидский порт на берегу Каспийского моря. Я доложил этому полковнику о событиях, приведших меня в Хамадан и в ответ получил депешу с приказанием остаться временно в распоряжении английского командования.

В октябре 1918 года я прибыл в Энзели, где находился начальник французской военной миссии полковник Шардиньи со своим штабом.

Пребывание наше на берегу Каспийского моря, среди лимонных рощ персидского порта, было непродолжительным. 11-го ноября мы узнали о заключении перемирия в Европе; таким образом, одновременно прекращались военные действия и на Востоке.

Из Энзели мы двинулись морем на русских суднах Каспийской флотилии в Баку. Кроме английских войск и французской военной миссии в Баку вступил, прибыв из Петровска, русский отряд генерала Бичерахова, действовавший одно время в Персии и оказавший англичанам большие услуги.

Отряд этот производил хорошее впечатление. Генерал Бичерахов, с которым я имел честь встречаться, — обладал, не взирая на свою молодость, завидным боевым прошлым. Помимо личной храбрости, он проявил на Иране большую предприимчивость и организаторские способности, давшие ему возможность самолично сформировать отряд.

В ЗАКАВКАЗЬИ

Этнографическая пестрота Закавказья, и в особенности обостренный войной антагонизм армян и татар, сильно затрудняли оккупационную миссию английского командования. Не зная страны, ни языков, на которых говорили ее народы и племена, англичане с трудом разбирались в постоянно вспыхивавших конфликтах. Между тем страсти продолжали бушевать, и, не взирая на прекращение мировой войны, в Закавазьи продолжала проливаться кровь... Так, в Карабахе, Андроник, ставший национальным героем армянского народа, во главе вооруженных сельских банд, открыл военные действия против местных мусульман, продвигаясь к Шуше, большому мусулмаенскому центру. Во время турецкой оккупации армянское население Карабаха подвергалось жестокости и насилиям. Поход Андроника являлся обычной на Востоке расплатой и местью.

Союзное командование решило положить конец этой бойне. Мне было поручено отправиться в стан Андроника и потребовать письменного обязателства без замедления прекратить операций.

С невероятными трудностями добрались мы с конвоем и сопровождавшим меня британским офицером до этого кочующего вооруженного табора, в полудиких горах Карабаха. Попали мы в самый разгар военных действий и, пробираясь ущельем, отделявшим противников, подверглись обстрелу татар, курдов и армян. С трудом удалос нам успокоить врагов, прекратить пальбу и добраться до ставки Андроника. В палатках, разбитых среди горных утесов, помещался Андроник и его штаб. Это был воин, разделявший лишения, и опасности своих дружин... Личная храбрость и спартанский образ жизни покоряли сердца его солдат, слепо повиновавшихся любимому вождю.

Мы провели ночь в палатке Андроника, расположившись рядом с ним на голой земле. На утро, заручив-

шись его обещанием выполнить требование союзников, мы отправились в обратный путь.

Однако, не успели мы совершить один переход, как были уведомлены, что в другом конце Карабаха, в Казахе и Тертере, вспыхнули беспорядки и разгорелась армяно-татарская резня. Нам приказано было отправиться на место и положить конец погрому, жертвами которого и на этот раз были мусульмане, еще недавно чинившие дикую расправу над мирными армянскими сельчанами.

20-го декабря 1918 года союзное командование вступило в Тифлис, ставший сейчас столицей независимой Грузинской Республики. Мы сменяли германские войска, последние эшелоны которых покидали Кавказ.

Начальник германской военной миссии генерал фон Кресс покинул Тифлис накануне нашего вступления.

Но едва только союзники, сменив германцев, вступили в Тифлис, предвкушая радости мирной жизни и заслуженного отдыха, как новая гроза разразилась в только что оккупированной стране: между Грузией и Арменией вспыхнула война, поводом к которой послужил пограничный территориальный спор.

Армяне и грузины, наиболее культурные и влиятельные народы Закавказья, связанные друг с другом вековой дружбой, родственными узами и общими интересами, прибегли к оружию из-за вопроса, который, в конечной стадии, должен был быть разрешен на конференции союзников в Париже.

Было ясно, что населенный многими разноязычными народами Кавказ, с падением твердой русской власти, грозит создать на границе Европы и Азии новые Балканы, с вечно тлеющей опасностью пожара.

Было ясно, что вслед за Грузией и Арменией, вооруженные конфликты, на почве территориальных споров, станут возникать и у других новорожденных республик Закавказья и, что, с окончанием военных действий в Европе, здесь на Востоке создастся новый театр войны.

Французской службы полковник Шардиньи, исключительно из человеколюбия к народам Закавказья, предпринял энергичные шаги для прекращения этой новой войны; ему удалось убедить английское командование выступить активно и принудить обе воюющие стороны сложит оружие.

Снабженные полномочиями союзников, английский офицер и автор этих строк, отправились в Караклис, в штаб армянских войск. После двухдневных переговоров с представителями воюющих армий, нам удалось заключить перемирие, а затем, после продолжительной конференции, был заключен в Тифлисе мир между Грузией и Арменией.

Генерал Гедеванов со стороны грузии и в особенности генерал Г. Г. Корганов, со стороны Армян, облегчили задачу союзников, своим влиянием и тактом, умеряя воинственный пыл народных трибунов.

Под гостеприимным кровом Тифлисских салонов, в обществе обаятельных дам, мы отходили от долгой войны, ее походов и лишений.

И столь еще недавние кошмарные картины Персии стали казаться тяжелым сном...

Однако, в конце января 1919 г. я был назначен вновь отправиться в эту злополучную страну. Небольшой союзный отряд конвоировал французского и английского консулов, торжественно вступавших в Тавриз — резиденцию наследного принца. Дипломаты эти возвращались на прежние посты, с которых вынуждены были уйти с занятием Тавриза турками и германцами.

Специальный поезд, с которым мы отправились из Тифлиса, добравшись на третий день путешествия до подножья Арарата, вынужден был остановиться: на его дальнейшем пути мост оказался разрушенным, а равнина прилегающая к библейской горе превратилась в поле

сражения между Нахичеванскими татарами и Армянами. Нам пришлось целых восемь дней выжидать у Арарата окончания военных действий...

Это выжидание казаллос бесконечно долгим. Один из британских офицеров пытался утешить нас тем, что бедному Ною пришлось пробыть в этих неприятных местах целых сорок дней.

Но вот мы в Тавризе. Почетный караул выстроен на вокзале; маршалы персидского принца, в придворных костюмах, торжественно увозят нас во дворец. Нотабли города, почтенные муллы, несметные толпы, с гибкостью присущей Востоку, радостно встречают недавних врагов, ставших, с поражением Центральных держав, милыми друзьями...

В салоне, увешанном коврами, но обставленном мебелью из Фобург Св.-Антуан, состоялась аудиенция. Молодой наследный принц. в генеральском мундире, волоча кривую восточную саблю и приветливо улыбаясь, пошел нам навстречу... За чашкой чаю и кальяном, персидский принц, через своего церемониймейстера, служившего переводчиком, забросал нас вопросами о союзных армиях, Европе, Франции.

В последующие дни мы делали визиты многочисленным сановникам и духовным лицам, а когда все эти церемонии кончились, то оставив консулов на их постах, я покинул Тавриз и возвратился в Тифлис. Однако, привал оказался непродолжителным и, при всей моей любви к путешествиям, я не очень обрадовался, когда полковник Шардиньи предложил мне отправиться в Батум для встречи французского посланника и его свиты, и сопровождать их в Персию, место назначения прибывшего из Франции дипломата.

Прибытие французского военного судна внесло оживление в живописный Батум.

Из Батума, с привалом в Тифлисе, где посланнику были оказаны всякие почести, мы двинулись в Баку. Мор-

ским путем мы добрались до Энзели, где я вновь увидел столь знакомые мне лимонные рощи, бесконечные леса, с рассеянными в них соломенными хижинами местных дженгели, и жестокое палящее солнце.

Расставшись здесь с вверенным моему попечению посольством, продолжавшим путь в Тегеран, я с удовольствием вернулся в Тифлис.

С еще большей радостью я отправился в июле того же 1919 года во Францию.

В Константинополе я представился генералу Франше д'Эсперэ, которому вручил рапорт начальника Французской военной миссии на Кавказе.

Главнокомандующий союзными войсками на Востоке занимал роскошный мраморный дворец, принадлежавший Энвер-бею.

Зеркальные окна рабочего кабинета выходили на Босфор, усеянный каяками богатых турок.

Выполнив вверенные мне служебные поручения, я покинул Константинополь и отправился в дальнейший путь.

Средиземное море. Берега Эллады, Италии, Франции.

Азия, Иран, Восток стали воспоминаниями...

Никаких следов былого величия Империи Кира я не нашел во время моих странствий. Казалось, что ветры за 20 веков превратили в пыль и рассеяли по всему Ирану богатства и великолепие шахских дворцов и храмов.

Эпоха Дариусов сделалась достоянием древнейшей истории.

Яркое, знойное солнце скрашивает однообразие глинобитных мазанок, рисовых полей и скалистых холмов, придавая панораме колоритность.

Древние персиане, последователи Заратустры, добродетели которых восхищали Геродота, исчезли... Арийцы, смешавшись с монгольскими завоевателями, утеряли древнюю религию, ее мудрые заветы. Такая же судьба постигла и воинские доблести этого народа.

По прибытии в Париж летом 1919 года, я отправился в

военное министерство. Мне было заявлено, что с возвращением из командировки, мне предоставляется трехмесячный отпуск, по истечении которого я получу новое назначение. Мне выдали суточные, жалование, кормовые на лошадей, что составило по тому времени большую сумму денег. В то же самое время мне было заявлено, что с расформированием большинства конных полков и сокращением офицерских чинов, я лишусь капитанского чина. Это «разжалование» в лейтенанты меня не огорчило, так как я имел в виду, по окончании отпуска, выйти в запас.

КОМАНДИРОВКА В ГЕРМАНИЮ

Мой отпуск близился к концу. Я получил назначение в союзную комиссию по разоружению Германии, в Берлин.

В первых числах января 1920 года поезд, с эшелоном французских военно-служащих, выгружался на дебаркадере берлинского вокзала. Стояла холодная зима. На автокарях развезли нас по гостинницам. Приятно было, после холодной ночи в вагоне, очутиться в прекрасно натопленном номере фешенебельной гостинницы. По пути в отель, на улицах опустевшего города, стояли сторожевые посты, вооруженные пулеметави. Пешая и конная полиция патрулировала столицу. Мы прибыли в дни революционных выступлений левых элементов столицы, подавляемых армией и полицией. Слышалась пулеметная трескотня. Через несколько дней все успокоилось и столица Германии приняла обычный мирный облик. Служба не была утомителной. Мне поручено было делать сводки из столичных газет для доклада полковнику. На службу мы ходили в форме, но спустя некоторое время нам было предложено носить статское платье, чтобы не раздражать население свободной зоны Германии. Когда ношение формы было неизбежно для участия в церемониях, нам предоставлялись автомобили. Как ни щадили союз-

ники самолюбие немцев, последние создавали инциденты. Глава союзных миссий французской службы ген. Нолле, со своим штабом занимал квартиру в фешенебельном отеле Адлон. Ресторан этой гостинницы, в котором столовались союзники, посещался немецкой публикой. По вечерам, за обедом, играл оркестр. Однажды, когда генерал, отобедав, поднялся в свои апартаменты, чины штаба и приглашенные им гости из французского посольства продолжали сидеть за столом. Неожиданно оркестр заиграл немецкий гимн. Немцы вытянулись в струнку. Французы продолжали сидеть, не взирая на окрики немцев. Тогда последние, несмотря на присутствие дам за столом французов, стали бросать в них бутылки и стаканы. Только вмешательство администрации и прислуги отеля, заступившихся за французов, положило конец этой дикой расправе.

Эта провокация, как выяснилось потом, заранее подготовленная немецкими аристократами, не вызвала никаких репрессий со стороны союзников. Дело разбиралось в немецком суде в порядке частного иска и кончилось приговором к ничтожному денежному штрафу.

Когда, после нескольких лет пребывания, наша комиссия приступила к сокращению личного состава, я был бесконенчо рад, что очередь дошла до меня, дав мне возможность вернуться в милую старую Францию.

По пути, я сделал крюк и отправился в Вену. Перейдя баварскую границу и очутившись в маленьком, расположенном в горах, австрийском местечке Куфштейн, я сразу почувствовал перемену: приветливые, вежливые обитатели, уютно обставленный номер отеля, вкусный стол, грациозные женщины.

Столица Австрии после поражения двуединой монархии имела печальный вид. Я застал народные волнения, вызванные безработицей и продовольственным кризисом. Через несколько дней я переехал в Баден, уютное местечко по близости от Вены. Страна эта, в которой за-

метно влияние латинской культуры, пришлась мне по вкусу. Предполагая первоначально провести здесь несколько дней, я застрял на два месяца. Из живописного, расположенного в горах Инсбрука, я отправился в Тироль, где занимался лыжным спортом. Затем уехал в отошедший к Италии Меран, в котором, кроме итальянского гарнизона, все было австрийским. Расположенный в долине южного Тироля, Меран славится мягким климатом, чудным виноградом и фешенебельными отелями. Последние меня поразили роскошью и вкусом: номера обставлены старинной, стильной мебелью; салоны, словно музеи обвешаны хорошими картинами и заставлены бронзой и фарфором. Тонкая кухня, предупредительная прислуга.

Вернувшись в Париж, я первым делом снял с трудом найденную в тихом в то время Отей квартиру. После стольких лет бродячей жизни у меня впервые явилось желание спустить якорь и иметь свой угол. Выйдя в резерв армии, я предался радостям бытия: прогулки верхом по Булонскому лесу, фехтование, фланирование по улицам старого Парижа приятно заполняли время.

Выдержав экзамен в Префектуре Полиции на звание гида, я стал применять мои познания на могиле Наполеона и в Военном Музее. В зимние месяцы, я отдыхал, отправляясь в путешествие в Италию, Испанию, на Корсику.

КОРСИКА

С рассветом, приближаясь к берегам этого острова, повеяло удивительно приятным ароматом, присущим Корсике. Это был запах лимонных рощ, моря и лесов, покрывающих колыбель Великого Императора.

Из отеля, в котором я остановился, открывался красивый вид на залив Аячио и окружающие его горы. Обита-

тели этого живописного, но бедного острова, среди которых я провел несколько недель, показались мне приветливыми, проникнутыми духом независимости и чувством достоинства. Очень многие, в разговоре, с гордостью ссылались на родственные узы, связывающие их с Наполеоном. Я посетил дом, в котором родился Император. Многочисленная семья Бонапартов, состоявшая из пяти сыновей и трех дочерей занимала небольшой, скромно обставленный особняк 17 века, расположенный в старейшем квартале Аячио.

С трудом найдя верховую лошадь, сдававшуюся местным угольщиком, совершая на ней поездки в горные селения, я, своим, захваченным из Парижа, верховым костюмом, необычным в этой стране, вызвал любопытство крестьян, принимавших меня за важную особу. Они потчивали меня вином, хлебом и козьим сыром. Трудно было объясняться с ними, говорившими на местном наречии. Меня поразила бедность обитателей этой страны, их убогие жилища и удивительная нетребовательность в отношении гигиены и пропитания.

Еще больше удивило меня отсутствие хорошеньких женщин. Приятным исключением являлись, повидимому, сестры Наполеона, в особенности Каролина, славившаяся своей красотой.

УГРОЗА МИРУ

Вопреки Версальскому договору Гитлер ввел всеобщую воинскую повинность. 7-го марта 1936 года он «ремилитаризировал» лево-бережную полосу Рейна, т. е. ввел вооруженные силы в пограничные с Францией провинции.

Этот факт явился угрозой для безопасности Франции.

Бывший в то время премьер Альберт Сарро произнес по этому поводу речь, с угрозой, что он не потерпит немецких пушек, направленных против Страсбурга.

Впоследствии выяснилось, что германский генеральный штаб, из опасения реакции со стороны Франции, решил, в случае мобилизации французских войск, эвакуировать левый берег Рейна.

Осведемленные лица, военные писатели, корреспонденты газеты били тревогу по поводу вооружения Германии. Во Франции бастовали заводы, работавшие на оборону.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

Весной 1937 года в Париже открылась, разбитая с большим вкусом на берегах Сены, международная промышленная выставка, привлекшая массу посетителей со всех концов мира. Получив предложение от Кука на амплуа гида, я покинул Могилу Императора и, с весны до глубокой осени, сопровождал на автокарах туристов, знакомя их с достопримечательностями Парижа, Версаля, Трианона, Фонтенебло. Наплыв туристов был таков, что Кук, за недостатком гидов, формировал караваны из нескольких автокаров и многочисленных такси, поручая весь этот обоз одному гиду. За разноплеменностью туристов, приходилось давать объяснения на четырех языках. Кук командировал меня, затем, на Ривьеру сопровождать членов международного железнодорожного конгресса и 700 поломников в Лурд, в Пиренеи. Затем прибыли в Париж американские легионеры, ветераны Великой Войны, приглашенные Францией на выставку. Я был прикомандирован к ним в течении нескольких недель.

Устав, я, по окончании сезона, отправился на отдых в Верхнюю Савойю. В горах я быстро оправился и вернулся в Париж. Это было в сентябре 1938 года. Настроение в ожидании событий было подавленное. После аннексии Австрии, Гитлер угрожал Чехо-Словакии, заявив претензии на населенные немцами Судеты.

Поселившись в Вирофле, местечке времен Людовика

XV-го, расположенном по близости от Версаля, я ежедневно отправлялся в Париж на Могилу Императора. В одно сентябрьское утро, сильно простуженный, решив в этот день отдохнуть, я спустился на вокзал за газетами. На стенах вокзального помещения я увидел афиши с объявлением мобилизации. Отметив категории призываемых, я, поднявшись домой и ознакомившись с мобилизационным билетом, увидел, что подлежу призыву. Немедленно, не взирая на жар, пришлось уложить вещи, одеть форму и отправится в путь. Прибыв на сборный пункт, к югу от Версаля, я получил приказание формировать роту из прибывающих резервистов. Рота эта, вооруженная пулеметами на мотоциклетах, назначалась для поддержания внутреннего порядка. Служив до того в конном строю, мне пришлось знакомиться с новым для меня делом и обучать солдат. Последние с присущей французами сообразительностью, быстро усваивали новый строй.

Мне была отведена комната в шато, принадлежавшем американской чете. Стильная постройка 18-го века, с громадным парком, украшенным мраморными статуями и фонтанами; такой же выдержанный стиль внутренних покоев: старинная мебель, картины, безделушки. Чрезвычайно любезные хозяева, тренированная прислуга. Всех нас офицеров формировавшегося батальона, пригласили вечером к обеду, изысканному и вкусному, с винами и шампанским. За столом было много гостей, американцев, прибывших из Парижа.

Мой сосед за столом, типичный янки, с откровенным лицом, жизнерадостной улыбкой, уверял меня, что через каких-нибудь 10 дней, я буду демобилизован.

Посетив, с осведомительной целью столицы Европы, он отправил президенту Рузвельту доклад, что военных действия не предвидится. Последующие события и Мюнхенское соглашение подтвердили правильность сообщения моего соседа; через две недели приступили к демобилизации.

Когда Далядье, премьер и военный министр, вернувшись из Мюнхена, появился на улицах Парижа, толпа устроила ему овацию, в благодарность за благоприятный исход переговоров. Однако, в печати, правда в меньшинстве, указывалось, что уступчивость союзников усилит агрессивность Гитлера, что после Австрии и Судетов, он не замедлит предъявить новые требования.

Не подлежит сомнению, что паломничество премьеров Франции и Англии в Мюнхен, усилило престиж Гитлера в глазах Европы.

Вскоре последовала аннексия Чехо-Словакии, затем требования Данцига и польского корридора.

НАПАДЕНИЕ НА ПОЛЬШУ. НОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

1-го сентября 1939 года немцы вступили в Польшу. В ответ на это нападение, Англия и Франция объявили 3-го сентября войну Германии.

Ранним сентябрьским утром ко мне явился жандарм, вручив мне повестку о призыве в Армию.

Опять, по примеру прошлого года, я, уложив вещи, одел форму, отправился на сборный пункт. Так-же, как в 1938 году, прибывали запасные. Поразила меня и на этот раз снисходительность и терпимость французского солдата: недоставало сапог, белья, одеял. Помещение, отведенное под казарму, было сырым, холодным. Запасные, люди пожилого возраста, добродушно ворчали, шутили. Чтобы заполнить время, их выводили на ротное учение, обучали ружейным приемам, сторожевой службе.

Спустя некоторое время, получил назначение в местечко Бомон-Персан, на берегу Уазы, где принял командование отрядом, охранявшим мосты, полотно железной дороги.

В январе 1940-го года приказом военного министра Далядье об омоложении командного состава меня, в числе многих офицеров, в том числе командира полка, от-

странилии от командования и зачислили в запас. Однако, спустя короткое время, желающих вновь призвали, определив в рабочие батальоны. Меня назначили на пороховой завод, в Пеаж-ле-Руссильон, около Лиона Подполковник кавалерии, командовавший 24-мя ротами нашего полка, которому я представился, приветливо заметил: «мы с вами одного рода оружия» и, пожав руку, предложил в этот же день отправиться в местечко Пэаж-Ле-Руссильон и принять роту.

Громадный завод, принадлежавший компании Рон-Пуленк и выделывавший до войны аспирин, с разбитыми вокруг домиками рабочих, садами и огородами, поразил меня своим благоустройством. Назначение роты состояло в несении караульной службы и в нарядах на работу на заводе.

Капитан альпийских стрелков, командовавший этой ротой, должен был получить другое назначение. Последнее, однако, в связи с военными событиями, не состоялось, и мы прослужили вместе до перемирия.

На пороховой завод налетали неприятельские аэропланы, бросая бомбы. Ни одна из них в завод не попала, разрываясь по соседству. Наши истребители и зенитные орудия охраняли нас от налетов.

После поражения польской Армии, в сентябре 1939 года, на фронте наступило затишье, длившееся около восьми месяцев.

Было очевидно, что храбрая, но малоопытная польская армия, под командой импровизированных военоначальников, без поддержки союзников, не в состоянии будет оказать продолжительное сопротивление превосходящей ее численностью немецкой армии.

Германское Командование, оставив на Западном фронте заслон в 20 дивизий, все свои силы бросило на восточный фронт, против Польши. Немцы, как это выяснилось впоследствии, опасались в эти сентябрьские дни наступления французской Армии против ослабленного немецкого фронта.

10-го мая 1940 года немцы перешли в наступление на Западном фронте. С первых же дней этого наступления стали приходить тревожные сообщения. Ставка осторожно осведомляла публику о серьезности положения. На нашем пороховом заводе, расположенном вдоль железнодорожной магистрали и почтового тракта, мы были свидетелями внезапного оживления: войска, артиллерия, снабжение беспрерывно, днем и ночью, перебрасывались с юга на север, по железной дороге и на грузовиках.

Между тем немцы, разгромив голландскую и бельгийскую армии, 13 мая 1940 года прорвали фронт 9-ой французской армии у Седана, которой командовал генерал Корап. Этот прорыв оказался роковым. Отставленный от командования Корап был заменен генералом Жиро, попавшим в плен на другой же день по принятии командования. Вслед за этим, неудачи стали постигать французскую армию с головокружительной быстротой.

Немецкие панцырные дивизии, поддерживаемые авиацией, быстро продвигались на Запад, внося беспорядок в ряды французской Армии. Воинские части, окруженные противником, попали в плен; другие части отходили на юг.

Отступающие войска смешались с массой беженцев, покидавших местности, которым угрожало немецкое нашествие.

Когда военный губернатор Парижа возвестил, что ни одной улицы, ни одного здания он не отдаст противнику без боя, Парижане со всем своим скарбом, на автомобилях и пешком, в панике и беспорядке, хлынули на юг, запрудив и без того нагруженные дороги.

На фронте положение становилось трагическим: сменивший Гамлена генерал Вейган не в состоянии был выправить прорванный фронт: противник напирал в северо-западном направлении, окружил кольцом войска британского экспедиционного корпуса. 3-го июня англичане ,захватив с собою французские части этого сектора, оставили Францию. Под прикрытием британского флота

и авиации им удалось погрузиться в Дюнкерке и вывести военный материал.

Между тем немцы, заняв Дижон, угрожали Лиону. Узнав, что Лионскй гарнизон эвакируется на юг, мы, торопимые администрацией порохового завода, желавшего избавиться от военного элемента, на случай прихода немцев, — последним эшелоном направились в Арль, переполненный войсками и беженцами. Старинный южный город, с развалинами времен римлян, узенькими улочками, с домами 15-го века, обычно тихий и, словно, ушедший в далекое прошлое, превратился в шумный, суетливый караван-сарай.

Чтобы разгрузить битком набитый Арль, наш батальон расквартировали в большой прованской деревне. Здесь мы узнали, что 14-гв июня немцы вступили в Париж и, что 17-го заключено перемирие.

Простояв несколько недель в этой деревне, в ожидании эвакуации Лиона немцами, — временно его занявшими, — мы вернулись в наши казармы и приступили к демобилзации.

В военных кругах, в которых я вращался в Лионе, в то время еще не было речи ни о сопротивлении, ни о деятельности де-Голя. Положение всем казалось безнадежным. Полагали, что и Англия, покинутая союзниками, вышедшими из строя, к войне не подготовленная, вынуждена будет сложить оружие. Едва-ли многие полагали, что Англия, своей стойкостью, героизмом своих сынов, спасет мир от порабощения. Думали также, что скоро будет подписан мир и, что немцы покинут Францию. Я решил вернуться в Париж и, купив статский костюм, отправился к демаркационной линии, отделявшей свободную Францию от занятой врагом зоны. Послышалась немецкая речь. Поезд оцепили войсками для проверки докомуентов. Лионский вокзал в Париже, куда мы прибыли утром, имел вид немецкого военного лагеря. Улицы, метро, кафе были запружены врагом, на стенах афиши с угрозами населению... На больших бульварах, в Елисей-

ских полях, на площади Согласия — победители устраивались в лучших отелях и домах, целые кварталы столицы приняли облик немецкой колонии...

Ежедневные расстрелы заложников, ссылки ни в чем непровинившихся людей в Германию, грабеж квартир, облавы на коммунистов и евреев.

Бронзовые статуи, памятники Парижа шли на слом для военных надобностей.

РОССИЯ, ЗАТЕМ АМЕРИКА ВСТУПАЮТ В ВОЙНУ

ДЕССАНТ СОЮЗНИКОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

22-го июня 1941 года Россия, аттакованная немцами, вступает в войну.

Не взирая на быстрое продвижение немцев, на их победоносное шествие до берегов Волги, захват Крыма и Северного Кавказа, я был глубоко уверен, что на полях необъятной России господству Нази будет положен конец. Все более отдаляясь от базы, растягивая фронт, распыляя свои силы, немцы готовили роковую для себя развязку.

7 декабря 1941 года, после аттаки японцами Перл-Харбура, Америка вступает в войну, а 20 декабря того же года немцы терпят поражение под Москвой. 8 ноября 1942 года американцы совершают дессант в Северной Африке. Эта смелая и хорошо обдуманная операция явилась полной неожиданностью для Германии и Италии; эти державы немедленно заняли Тунис.

Стотысячная французская армия свободной зоны и подпольные воинские части, сформированные в горных департаментах этой зоны, должны были, по соглашению с союзниками, открыть военные действия против немцев вслед за высадкой американцев в Марокко и Алжире. Правители Виши, с Лавалем во главе, угрозами поколебали волю генералов, командовавших инсургентами. Вы-

работанный в свое время план не был осуществлен, войска распущены, а вооружение и материал попали в руки врага, занявшего свободную до того южную Францию. Это было 11 ноября 1942 года. Генерал де-Лятр де Тассиньи, не подчиняясь приказу из Виши, готовил сформированный им отряд к аттаке немецкого тыла. Он был арестован, бежал и отправился в Африку, где погодя, в Тунисе, Италии и Южной Франции покрыл себя славой.

Заняв Марокко и Алжир, союзникам не удалось своевременно занять Тунис.

Адмирал Эстева, резидент Франции в Тунисе, облегчил немцам и затруднил союзникам занятие этой важной стратегической базы. Впоследствии немцы, выдворенные из Туниса, увезли с собой этого старца с патриархальной бородой и оказывали ему всякие почести.

2 февраля 1943 года произошло событие, ставшее поворотным пунктом в судьбе Нази. После продолжительной борьбы, командующий немецкой армией под Сталинградом, маршал фон-Паулюс капитулирует. Сотни тысяч немцев, во главе со своими генералами, попадают в плен. Блестящая победа русских у Сталинграда явилась началом эпопеи, вписанной русской армией в свою историю. С июля 1943 года армия эта, перейдя в наступление, очищает всю территорию Росси от врага. Не давая ему передышки, нанося удар за ударом, она вписывает последнюю страницу в свою эпопею взятием Берлина 3 мая 1945 года.

22 месяца героической войны обнаружили творческий гений русского командования. Не подлежало сомнению, что руссакя армия, ее тыл, снабжение находились в твердых, умелых руках. Не надо забывать, что русской армии, продвигаясь вперед, приходилось восстанавливать пути сообщения, оборудовать этапы, организовывать тыл, так как немцы, отходя, разрушали и сжигали все до последней деревенской избы.

С поражением в России, затем в Италии, немцы становились все более и более жестокими. Когда Гитлер

убедился, что втянуть Францию под флагом сотрудничества в войну против Англии не удается, он перестал церемониться и приказал усилить репрессии.

Командующий во Франции ген. Штупнагель, во исполнение приказа Гитлера, расстреливал сто коммунистов за одного подстреленного немца.

30.000 заложников было расстреляно во Франции; в одном Париже казнили 11.000 человек.

В марте 1942 г. 5.000 французских евреев было захвачено и отправлено в Германию. В сентябре 1942 года ежедневно ловили и отправляли в Германию одну тысячу иноземных евреев, в том числе малолетних и стариков. В других странах, в особенности в России и Польше, как выяснилось из Нюренбергского процесса, немцы в жестокости превзошли все содеянное ими во Франции. Продавшиеся немцам газеты отравляли страну пропагандой и ложью. Французский премьер Лаваль отстаивал интересы немцев в ущерб Франции. Он открыто высказывал уверенность в победе немцев и свое пожелание этой победы. Представитель маршала Петэна, де-Бринон возвеличивал в своих речах великодушие победителя. Командовавший милицией Дарнан карательными экспедициями против партизан был выдвинут Лавалем на первый план и снабжен неограниченными полномочиями; бывший французский офицер, принес присягу Гитлеру и в торжественных случаях облачался в немецкую форму. Молодых людей вербовали для формирования французского легиона против Советов; и солдаты, и офицеры носили немецкую форму и награждались железным крестом. Во Дворце Инвалидов устраивались церемонии в честь французских офицеров и солдат, отличившихся на службе врага. Они парадировали в немецкой форме во Дворе Храма французской славы и величия.

На улицах Парижа продолжалась ловля молодых людей, отправляемых на принудительные работы в Германию. Полтора миллиона вывезено было ковать оружие врага. Большим утешением были для нас сообщения

Лондонского радио. Присутствие в столице Англии де-Голя, его патриотическая деятельность спасали честь Франции. Жертвы, приносимые партизанами и подпольными организациями, искупляли грехи правителей. Все слои французского населеня пополняли ряды партизан и патриотов. Ненависть к жестокому врагу и любовь к стране и свободе спаяли в одну семью отпрысков знати, буржуа, духовенства и рабочие массы.

В мае 1944 г., вскоре после освобождения русской армией Севастополя, в Париже усиленно распространились слухи о скором дессанте союзников во Франции. Долгие годы ожидания поколебали у многих веру в эти слухи. «Стена Атлантики», которую немцы строили и укрепляли четыре года, их уверенность в неприступности этой стены, посеяли сомнения в возможности столь трудной операции.

Со дня вступления в войну России я был убежден в конечной победе союзников. Однако, дессант на французском побережьи казался мне трудно осуществимым. Я полагал, что дессант будет произведен на второстепенном театре войны, в Греции, на Балканах, в Италии. Из вышедшей в 1946 году книги американского полковника Ингерсоля, мы узнаем, что британское командование затягивало образование второго фронта. Только, благодаря настойчивости генерала Айзенховера и самого Рузвельта, британцы подчинились этому решению. Преодолев оппозицию, Айзенховер снарядил полет двух американских дивизий, снизившихся в Нормандии в ночь с 5-го и 6-е июня. В 8 ч. 20 м. 6 июня 1944 г. две американских, две британских и одна канадская дивизии высадились в Нормандии. Дальнейшее откладывание дессанта, по слоевам Ингерсоля, изменило бы участь войны; оно дало бы возможность немцам пустить в ход новый род оружия, который оказался бы роковым для союзников.

6-го июня 1944 г. я отправился во Дворец Инвалидов на панихиду по генералу Марьо, директора Могилы На-

полеона и Военного Музея. Переступив порог церкви, я узнал от дежурившего унтер-офицера, что союзники высадились в Нормандии. Никогда не забуду этого дня.

Лишь бы удержались!

Черчиль, с присущей ему осторожностью заявил, что только через десять дней выяснится успех высадки. Проходили дни, недели, фронт расширялся, союзники продвигались на юг, шли кровопролитные бои, продолжительная аттака Каен, бои у Сен-Ло, у Кутанс, у Авранш. Проходили недели и месяцы успешного наступления. Беспримерная по смелости операция высадки, продуманная во всех деталях, стоила союзникам больших жертв. Нельзя не преклониться перед героизмом войск, выполнивших столь трудную задачу. Французские партизаны, подпольные организации Ф. Ф. И. оказали неоценимые услуги союзникам: их деятельность и мужество были отмечены в приказах генерала Айзенховера.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ РАБСТВА

В первых числах августа 1944 года немцы стали эвакуировать из Парижа архивы, затем склады и интендантство. С середины августа по главным артериям столицы бесконечной вереницей двигались, направляясь на восток, неприятельские грузовики. Событие это наполнило радостью сердца парижан.

4 августа забастовали железные дороги, а 15-го—столичная полиция. Немцы ловили заложников и тут же их расстреливали.

25-го августа американцы, рыцарски пропустив вперед дивизию Леклерка, вступили в Париж. Проникнутый благодарностью и благоговением к американским воинам, освобождающим Францию от унижений жестокого врага, — я часами стоял на улице, приветствуя избавителей. Не скрою,—мне, французскому ветерану, было неверо-

ятно больно, что родину Жанны д'Арк освобождают не французские легионы, а чужеземные войска.

Накануне вступления союзников в Париж, части немецкого гарнизона, занимавшие Префектуру полиции, Люксембургский Дворец, казармы Инвалидов были атакованы партизанами. Оказывая слабое сопротивление, они постепенно сдавались Для меня осталось непонятным, что гарнизон этот не ушел своевременно из Парижа под прикрытием арьергардов, застряв в разных кварталах столицы. Начальник ганизона со своим штабом был арестован офицерами Леклерка.

С освобождением Парижа последовали капитуляции Румынии, Финляндии, Болгарии и Венгрии.

Совершенной неожданностью явилась внезапная атака двух германских панцырных армий, под командой ген. Рунштедта, прорвавших фронт в Арденах, на участке, занятом 1-ой Американской армией. Это было в половине декабря 1944 года. Неприятель, продвигаясь вперед, угрожал Льежу и Антверпену. Положение было серьезное. Британский маршал Монтгомери, приняв командование двумя американскими армиями и американский ген. Паттон, после кровопролитных боев, восстановили фронт, разбив противника и принудив его к отступлению. 11 января 1945 года был положен конец попыткам врага на Западном фронте. Во время этих операций, доказавших стойкость и героизм американских войск, немцы расстреляли 800 американских офицеров и солдат, попавших к ним в плен.

В марте 1945 года американцы и англичане совершают переход через Рейн. 26 апреля 1945 года Советская армия соединяется с американцами.

С исчезновением Гитлера и самоубийством Геббельса, под ударами русской армии падает Берлин, — это было 3 мая. Последнюю страницу в свою эпопею союзники вписывают 8 мая 1945 года, день капитуляции Германии.

***

С тридцатых годов нашего столетия, Францию подтачивал недуг: не стало твердой власти, дисциплина падала. Было бы несправедливо приписывать вину в этом французскому народу; так же неосновательно было бы винить офицеров и солдат в поражении: французский солдат сохранил воинские доблести своих отцов. Французские дивизии, сформированные в Африке в 1942 году, покрыли себя славой на полях Италии, Эльзаса и Германии. Те же французы, в рядах партизан, во время оккупации, проявили жертвенность и героизм. Население Франции, с риском для жизни, скрывало у себя союзных летчиков; многие французы поплатились за это жизнью.

Во время оккупации, немцы, играя на низменных чувствах людской натуры, соблазняя людей наживой, привлекли к сотрудничеству печать, промышленников, посредников. Они же создали черную биржу, работавшую на них. Люди наживали состояния, содействуя успехам врага. Это внесло растление в нравы лояльной, трудолюбивой страны. Зараза захватила некоторые круги Франции. Это растление оставило следы и после ухода немцев. Однако, только незначительный элемент Франции поддался искушению. Было бы несправедливо обобщать это явление: преобладающее большинство страны, проникнутое ненавистью к жестокому врагу, с достоинством переживало постигшее его унижение.

За несколько лет до войны, в печати появились статьи оповещавшие, что Германия, вооружаясь, формирует панцырные дивизии и воздушные армии легких бомбовозов, известных под именем «Стука».

В 1939-м году де-Голь, в то время командовавший бригадой танков, докладывал о необходимости формирования самостоятельных бронированных дивизий. Французское командование отнеслось скептически к этому

докладу. Между тем, на оновании опыта войны в Польше в сентябре 1939 года, стало известно, что новая тактика германского командования заключается в молниеносной аттаке бронированными дивизиями сопровождаемыми бомбометами «Стука».

Французское командование полагало, что неуязвимая, по его мнению, линия Мажино и полевые укрепления, долженствовавшие заменить недоведенную до моря линию, окажутся непроницаемой броней.

Доктрина войны 1914-го года — наступление пехоты, подготовленное артиллерией и поддержанное танками, отстаивалось французским командованием.

Располагая 190 дивизиями, германская армия перешла в наступление 10-го мая 1940-го года. Разбив Бельгию и Голландию, 20 панцырных дивизий, сопровождаемые бомбовозами «Стука», прорвали 13 мая фронт у Седана. Быстро продвигаясь вперед, дивизии эти сеяли смятение в рядах французских войск. Между тем, французские танки были рассеяны по всему фронту, вплоть до Вогез.

Боевой участок у Седана, незащищенный линией Мажино, был вверен 9-ой Армии ген. Корапа; ее дивизии состояли из запасных старых сроков службы. Поль Рейно, премьер Франции в эти роковые дни, в воспоминаниях, опубликованных английской газетой «Дайли-Мейль», в июле 1945 г., утверждает, что части 9-ой армии, еще до наступления, были совершенно разложены; службу несли плохо, офицерам чести не отдавали. Рейно утверждает: дух Армии был подорван пропагандой, проникшей в ее ряды вслед за Советско-Германским соглашением 23 августа 1939 года. Одновременно, так называемая 5-ая колонна, агенты Германии, брошенным ими кличем «лучше Гитлер, чем Сталин» и «умирать за Данциг?» подтачивали настроение страны.

Подвергая оценке события у Седана, бывший премьер утверждает, что, по вине командования, резервы были расположены так далеко от линии огня, что их не удалось во время перебросить на боевой участок. Отсут-

ствие французских воздушных сил на этом участке Поль Рейно называет «скандальным».

**
*

Часто приходится слышать от иностранцев, расположенных к Франции, подчас от самих французов, что народы, подобно отдельным личностям, достигают предельного возраста, после которого иссякают творческие силы. По их мнению, такая историческая неизбежность постигла Францию.

Едва ли можно с этим согласиться.

За долгие годы службы в армии во время войны, а затем и в мирное время, я близко соприкасался со всеми слоями французского народа. Подводя итоги моим воспоминаниям, я пришел к заключению, что этот трудолюбивый, обладающий здравым смыслом народ, безусловно станет на ноги.

Мои наблюдения за время оккупации укрепили еще более это мнение. Неугасший дух французского народа сказался в подпольной борьбе с врагом. Подвижничество этих людей превосходит героизм полей сражения.

**
*

Франция и Париж не такие, какими я их знал в дни молодости... В 1914-м году от них веяло Второй Империей.

Париж казался таким, каким его изображали гравюры XIX века. В Булонском лесу гарцевали амазонки и всадники, экипажи катились по Елисейским полям; эта элегантная аллея, со стильными особняками, не знала гаражей, банков, магазинов. Редкостью были автомобили. Фиакры, с кучерами в цилиндрах, мелкой рысцой катились по улицам столицы. Симпатичная толпа фланировала по большим бульварам. Любо было смотреть на подтянутых, всегда при оружии, солдат.

Отдаленные от центра кварталы, казались безмятежной провинцией — суета и шум столицы туда не проникали. На левом берегу исторического Парижа, улицы, дома, их приветливые обитатели сохранили колоритность, ушедшей в прошлое, эпохи.

Все проходит, все меняется...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

На перекрестке Европы и Азии 5
Назад в Россию 13
По пути в Сибирь 15
Привал в Красноярске 21
Восточная Сибирь 27
Маньчжурия 28
Прибытие в полк 30
В Уссурийском крае 34
Выступление в поход против японцев 37
Первый бой 39
Ляоянский бой 46
Столичные репортеры. Литературная богема 56
Возвращение в Петербург 61
Поездка на Балканы 63
Экспедиция в горы Кавказа 68
Опять в Туркестане 71
Возвращение в Петербург 74
В Швейцарии 76
Биарриц 77
В Сомюре 82
Отправление на фронт 85

Стр.

Аттака Мессины 89

Прорыв французской кавалерии. Исчезает поэзия войны 92

Большие военные походы 96

Я покидаю 3-й гусарский полк и перевожусь на Балканы 98

Поход в Салоники 100

Отход к морю 105

Лагерь немецких офицеров 107

Командировка в Россию и в Персию 108

В долине Урмии 112

Ассирийские войска 115

Соединение с англичанами 141

В Закавказьи 146

Командировка в Германию 151

Корсика 153

Угроза миру 154

Международная выставка 155

Нападение на Польшу. Новая мобилизация 157

Россия, затем Америка вступают в войну. Дессант союзников в Сев. Африке 161

Освобождение от рабства 165

MP. MODERNE DE LA PRESSE.